# ДУМЫ И ПѢСНИ

## Д. Д. МИНАЕВА

И

## ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

### ОБЛИЧИТЕЛЬНАГО ПОЭТА

(ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА).

---

ИЗДАНІЕ ТИПОГРАФІИ В. ГОЛОВИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи В. Головина, у Владимірской церкви, домъ барона Фредерикса № 15.

1864.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 ноября 1864 года.

# ДУМЫ И ПѢСНИ

## Д. Д. МИНАЕВА

И

# ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

## ОБЛИЧИТЕЛЬНАГО ПОЭТА

(ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА).

---

# Доля.

(Деревенская идиллія).

*(Посвящ. Ольгѣ Михайловнѣ Мясоѣдовой).*

---

— «Что ты плачешь такъ горько, старикъ?
Или на-сердцѣ горе какое?
Иль крестьянскій оброкъ твой великъ?
Разскажи, что случилось такое?»

Но старикъ только въ землю глядѣлъ,
По щекамъ только слезы бѣжали —
Словно выплакать горе хотѣлъ,
А вокругъ его дѣти рыдали,
Да старуха сѣдая, ничкомъ
У порога, свернувшись, лежала
И сквозь слезы, припавши лицемъ,
Все кого-то она причитала.

«Горе, баринъ, знать Божья рука»,
Дѣдъ сказалъ, рукавомъ утираясь,

«Наказала меня старика,
А за что — я и самъ не дознаюсь.
Видитъ Богъ — не кривилъ я душой,
Не легло черныхъ дѣлъ мнѣ на совѣсть,
А бѣда вотъ стряслася со мной...»

И старикъ разсказалъ свою повѣсть.
«Сынъ былъ, баринъ, у насъ; на селѣ
Парня лучше и краше не знали,
Ни въ какомъ не повиненъ былъ злѣ,
Красной дѣвицей всѣ его звали,
Работалъ, не грубилъ никому,
А въ кабакъ никогда и ногою,
Ну, душа-человѣкъ!... вдругъ ему,
Это прошлою было весною —
Полюбилася старосты дочь.
Бѣсъ — была эта дѣвка Анютка!
Пропадать тутъ онъ сталъ день и ночь,
Похудѣлъ, все молчитъ, — видно жутко...
А она — ничего, знай юлитъ,
(Видишь, парень-то былъ заглядѣнье)
Принарядится, выдетъ, сидитъ
У воротъ ввечеру въ воскресенье,
Ленту въ косу вплететъ, волоса
Приберетъ и причешетъ ихъ гладко,
Да и смотритъ Васюткѣ въ глаза;
Не изъ робкаго — вишь ты — десятка.

Какъ ужь тамъ порѣшили они
Межъ собою и какъ столковали —
Я не знаю, — но только огни
По избамъ на селѣ зажигали,
Нашъ Васютка захватитъ кафтанъ
Да и сгинетъ... когда же вернется
Не узнаешь его: пьянъ-не пьянъ,

А все охаетъ, стонетъ да мнется.
Мы съ женой стали думать, гадать, —
Тутъ и насъ защемила кручина —
И рѣшили мы сваху послать
Прямо къ старостѣ сватать за сына.
Не изъ бѣдныхъ мы здѣсь мужиковъ,
И у насъ есть кой-что за душою,
И такихъ, какъ мой сынъ, жениховъ
Поищи — не отыщешь съ свѣчою.
Поломался сначала отецъ,
Мы съ подарками дружекъ послали,
А чрезъ мѣсяцъ — свели подъ вѣнецъ
Молодыхъ, да и свадьбу съиграли!

Такъ прошла, словно праздникъ, весна,
Веселѣй стала наша избёнка,
Сынъ покоенъ, покойна жена;
Полюбилася всѣмъ намъ бабёнка.
Приготовитъ съ зарей всё въ избѣ,
И въ овчарню и птичникъ заглянетъ,
Угодитъ, что, поди-на тебѣ,
Али подъ вечеръ пѣсню затянетъ.
Славно пѣла, бывало, она,
Пѣсней за душу прямо хватала,
Да силенъ видно былъ сатана:
Вѣдь отъ пѣсни она и пропала.

Къ намъ изъ города, лѣтомъ, въ село
Управителя выслалъ нашъ баринъ;
Тутъ ужь дѣло иное пошло,
Началъ бить да ругаться, татаринъ!
Былъ тщедушный такой, не большой,
А въ селѣ его крѣпко боялись;
Знамо дѣло: съ нѣмецкой душой,
Такъ и руки на насъ поднимались.

На бѣду гдѣ-то видѣлъ онъ разъ,
На гумнѣ, али въ полѣ Анютку, —
Отъ поганыхъ не спрячешь вѣдь глазъ, —
Ну и врѣзался въ бабу не въ шутку.
Сталъ къ намъ въ избу почасту ходить,
Будто такъ, отдохнуть, не нарокомъ,
Рѣчь со мной да съ женой заводить,
А на бабу глядитъ только бокомъ.
Сталъ потомъ заговаривать съ ней,
Да какъ пѣсню она разъ запѣла,
Задрожалъ весь, я помню, злодѣй,
Да съ тѣхъ поръ и пошло это дѣло...
Ужъ и чѣмъ онъ ее полонилъ,
Какъ совсѣмъ овладѣлъ молодухой,
Чѣмъ отъ мужа ее отманилъ,
Мы и умъ потеряли съ старухой.
Видимъ: баба не знай — какъ дуритъ,
Что ни день — у молодки обнова, —
Спросишь — кто тебѣ это даритъ? —
А она — хоть единое-бъ слово!...

Тутъ и сынъ началъ дѣло смѣкать,
Что отъ рукъ отбивалась Анютка,
Съ нимъ молчитъ, аль начнетъ попрекать...
Растерялся совсѣмъ нашъ Васютка,
Все лежитъ на печи день-деньской,
И какъ баба всё рюмитъ, да плачетъ,
Высохъ весь, сталъ какъ щепка худой,
Видишь, — больно любилъ ее значитъ.
Такъ-то нынче, успенскимъ постомъ,
Когда ночки пошли потемнѣе —
И ввалилась невзгода въ нашъ домъ.
Эхъ, какъ вспомню, такъ въ гробъ бы скорѣе,
Просто каторга жизнь мнѣ была:
Сынъ томится, да стонетъ старуха,

Лишь одна, какъ ни въ чемъ не была
Все гуляетъ у насъ молодуха.
Чуть настанетъ ночная пора,
На себя она шубку накинетъ,
Въ дверь юркнётъ, да вотъ такъ до утра
Изъ избы въ тихомолку и згинетъ.
Ужь и смѣлость такая нашла,
Вишь заступникомъ былъ управитель,
Значитъ, сила у бабы была,
Да не спасъ ее этотъ губитель.

Не забыть мнѣ запрошлую ночь,
Она вотъ гдѣ, у сердца засѣла!...
Позабылся я эдакъ въ полночь,
Знать дремота сильнȯ одолѣла...
Сынъ улегся въ избѣ на полу,
На палатяхъ старуха со мною,
А Анютка на лавкѣ въ углу.
Забываться я сталъ подъ дремȯю,
Слышалъ, будто бы, только сквозь сонъ,
Кто-то скрыпнулъ въ избѣ половицей,
Да и вышелъ на улицу вонъ;
Я окликнулъ — все тихо въ свѣтлицѣ,
Повернулся и крѣпко заснулъ.
Да чрезъ часъ меня что-то кольнуло,
Какъ я всталъ, да въ оконце глянулъ,
Такъ колѣни мои и согнуло.
Вижу: дружно огонь охватилъ
Всѣ господскіе наши хоромы,
(Въ нихъ тогда управляющій жилъ),
Ну, пылаютъ, какъ связка соломы.
На бѣду еще вѣтеръ большой,
Такъ и хлещетъ огонь по стропиламъ,
Вдругъ забѣгалъ народъ, какъ шальной,
И тушить имъ пожаръ не по силамъ.

Онѣмѣлъ я, и сердце мнѣ вдругъ —
Непонятная сжала кручина,
Да какъ глянулъ въ избѣ я вокругъ —
Ни Анютки, гляжу, нѣтъ, ни сына.»

— Что же, дѣдушка, сынъ твой зачѣмъ —
Уходилъ этой ночью изъ дому?

«Эхъ, сгубилъ себя парень совсѣмъ,
Вѣдь случиться же дѣлу такому!..
Обо всемъ я ужь послѣ узналъ,
Какъ позвали меня къ становому.

Видишь, долго Васютка молчалъ
Да, знать, силъ подъ конецъ не хватило:
Молодая душа, не сдержалъ,
Ретивое въ груди заходило...
Этой ночью онъ смотритъ — жена,
Только всѣ улеглись, поднялася;
Мужъ за нею и видитъ — она
Въ барскій домъ вдоль плетня пробралася.
Помутилось у Васьки въ глазахъ,
Молодецкая кровь забродила —
И поползъ онъ въ хоромы въ потьмахъ,
Знать, толкнула нечистая сила.
Къ управителю прямо въ покой
Онъ прокрался, — зашелъ умъ за разумъ, —
Какъ нашелъ, значитъ, нѣмца съ женой
И — покончилъ съ обоими разомъ...
Да не тѣмъ еще тутъ порѣшилъ:
Натаскалъ въ домъ въ охабку соломы,
Да изъ печки углей наложилъ, —
Ну и вспыхнули разомъ хоромы,
И еще не потухнулъ пожаръ,
Подступить нельзя было къ дому,

Знать отъ сердца отхлынулъ угаръ,
Самъ съ повинной пришелъ къ становому.
Все сказалъ, что и домъ онъ поджегъ,
Что и нѣмецъ въ покояхъ изжаренъ...
Ну, извѣстно, схватили въ острогъ.
А потомъ... ужь и самъ знаешь, баринъ!..

---

# Сатиры Ювенала.

## I.

### ДРЕВНІЙ РИМЪ.

«Quando artibus, inquit, honestis
Nullus in Urbe locus, nulla emolumenta laborum,
Res hodie minor est, here quam fuit, atque eadem cras
Deteret exiguis aliquid: proponimus illuc
Ire, fatigatas ubi Daedalus exuit alas».

*D. Iun. Juvenalis satira III.*

Когда среди холмовъ разслабленнаго Рима
Одинъ слѣпой развратъ все давитъ несдержимо,

Когда опоры нѣтъ для честнаго труда,
И такъ податлива на подкупы нужда, —

Уйдемъ мы въ тѣ мѣста, гдѣ биться перестало
Крыло разбитое изгнанника Дедала *).

---

*) *Дедалъ* — миѳологическій герой, изобрѣтатель топора и другихъ орудій, строитель Лабиринта на островѣ Критѣ, куда, за убійство, онъ былъ посаженъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Икаромъ. Желая освободиться,

Пока я бодръ еще подъ серебромъ сѣдинъ,
Пока я безъ клюки брести могу одинъ,

И у Лахезы *) есть еще остатокъ пряжи —
Бѣгу изъ города корысти и продажи.

Пусть остаются здѣсь Арторій и Катуллъ **),
И гордый, вѣчный Римъ пусть слышитъ только гулъ

Однихъ откупщиковъ, на откупъ взявшихъ храмы,
Канавы грязныя, гноящіяся ямы,

И трупы горожанъ, и темные гроба,
И торгъ свободою забитаго раба,

Сносившаго отъ нихъ съ терпѣніемъ удары;
Пусть наводняютъ Римъ канатные фигляры,

Флейтисты, плясуны народныхъ площадей,
Толпа воровъ, убійцъ, наемщиковъ-судей,

Которые купить мѣста свои успѣли,
Хотя вчера еще ходили въ черномъ тѣлѣ...

Что жь дѣлать въ Римѣ мнѣ? Ко лжи я не привыкъ,
Бездарнаго пѣвца не хвалитъ мой языкъ,

Не въ силахъ я кадить богатому болвану,
Я сыну богача предсказывать не стану,

---

Дедалъ сдѣлалъ себѣ и сыну крылья, но Икаръ подлетѣлъ слишкомъ близко къ солнцу, воскъ растаялъ, и онъ утонулъ. Дедалъ спасся на островъ Сицилію. О Сициліи и говоритъ теперь Ювеналъ.

*) *Лахеза* — одна изъ Паркъ, и именно та, которая прядетъ нить жизни.

**) Арторій и Катуллъ, вѣроятно, личности, пользовавшіяся не совсѣмъ хорошей репутаціей въ Римѣ.

Какъ магъ всезнающій, какъ наглый звѣздочетъ,
Когда отецъ его отъ дряхлости умретъ;

Какъ гнусный клеветникъ, не буду я изъ мести
Чернить любовника довѣрчивой невѣстѣ.

Бросаю съ ужасомъ проклятыя мѣста,
Гдѣ правду давитъ ложь, гдѣ честность — сирота,

Гдѣ сна покойнаго, правъ голоса лишенный,
Сталъ безполезенъ я, какъ нищій прокаженный...

Въ толпѣ предателей римлянинъ здѣсь привыкъ,
Знать много страшныхъ тайнъ — и подавлять свой крикъ,

Привыкъ ихъ хоронить, какъ кладъ хоронитъ скряга,
Но всѣ сокровища, добытыя изъ Таго,

Все золото земли, спася отъ нищеты,
Здѣсь не спасутъ тебя отъ черной клеветы,

Отъ злой безсонницы, отъ вѣчнаго испуга,
Отъ зависти враговъ и отъ доносовъ друга.

Квириты *), Римъ ли здѣсь, иль Греція сама?
Да и одна ль она, ахейская чума,

Явилась тучею роднаго горизонта?
— Изъ дальней Сиріи, отъ береговъ Оронта

Намъ завѣщалъ изнѣженный востокъ
И нравы, и языкъ, и самый свой порокъ,

---

*) Квириты — почетное названіе римлянъ.

Въ лицѣ блудницъ своихъ, на женщинъ не похожихъ,
У цирка, въ воротахъ, хватающихъ прохожихъ.

Бѣгите жь обнимать прелестницъ выписныхъ
Въ ихъ размалеванныхъ уборахъ головныхъ *),

Чтобъ, похоти порывъ на ложѣ ихъ утратя,
Могли измучиться вы въ собственномъ развратѣ!...

О, Ромулъ! Ты своихъ потомковъ оцѣни:
Какъ гладіаторы раскрашены они,

И куклы цезарскихъ капризовъ и забáвы,
Всѣ носятъ на себѣ значки минутной славы **).

Кому жь, кому жь теперь пріютомъ Римъ нашъ сталъ?
Со всѣхъ концовъ земли, отъ Самоса, изъ Траллъ,

Изъ Алабандъ ***) сюда ворвались словно рѣки,
Для козней и интригъ пронырливые греки.

Забудемъ ли мы ихъ? Они къ намъ занесли
Таланты всѣхъ людей, пороки всей земли,

Грекъ — это все: онъ риторъ, врачъ-обманщикъ.
Ученый и авгуръ, фигляръ, поэтъ и баньщикъ.

---

*) Эти такъ называемыя, «жертвы общественнаго темперамента» привозились въ Римъ съ востока и преимущественно изъ Сиріи, съ береговъ Оронта. Ихъ отличительною принадлежностью была особенной формы шапка, называемая *митрою*. Ювеналъ говоритъ: «Ite, quibus grata est picta lupa barbara mitra!» то есть: ступайте любоваться разрисованными митрами на ихъ головахъ.

**) Побѣдители на играхъ пользовались въ то время *спортулою* (пайкомъ) отъ двора цезарей и носили на шеѣ особенные значки за свои обѣды въ циркѣ; объ этихъ-то значкахъ и упоминается въ сатирѣ.

***) Траллы и Алабанды — города въ Каріи, въ Малой Азіи.

За деньги онъ готовъ идти на чудеса,
Скажите: «полѣзай сейчасъ на небеса!»

Голодный, жадный грекъ, лишь изъ-за корки хлѣба,
Не долго думая, полѣзетъ и на небо *)...

О мнѣ ль сносить, какъ пришлецовъ здѣсь чтутъ,
Какъ на пирахъ римлянъ сидитъ аѳинскій шутъ,

Потворствуя страстямъ и льстя неутомимо
Передъ нетрезвыми развратниками Рима?

Прислушайтесь къ словамъ аѳинскаго льстеца:
Онъ превозноситъ умъ ничтожнаго глупца,

Клянется въ красотѣ богатаго урода,
И чахлымъ старикамъ, у гробоваго входа,

Влачащимъ жизнь свою усталую едва,
Съ обидной наглостью бросаетъ онъ слова:

«О, вы сильны еще, въ васъ вижу силы тѣ я;
Сильны, какъ Геркулесъ, стеревшій въ прахъ Антея»**).

Смотрите, наконецъ, какъ грекъ мѣняетъ видъ:
Онъ собственный свой полъ, природу исказитъ,

---

*) Намекъ не на Дедала, но на одного грека, временъ Нерона, который пробовалъ летать въ Римѣ.

**) Антей — миѳологическій гигантъ, сынъ Нептуна и Земли. Геркулесъ три раза побѣждалъ его, но мать Антея всегда возвращала сыну прежнія силы. Наконецъ Геркулесъ задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.

И станетъ предъ толпой — то греческой Ѳаидой *),
То обнаженною красавицей Доридой **),

И грудью выпуклой, открытой на показъ,
И тѣломъ женщины обманетъ каждый глазъ.

Но не Стратоклъ ***) одинъ владѣетъ тѣмъ талантомъ:
Послѣднiй самый грекъ рожденъ комедiантомъ.

Смѣяться началъ ты, — тѣмъ смѣхомъ зараженъ,
Схватившись за животъ, уже хохочетъ онъ;

Ты плачешь — плачетъ онъ и корчится отъ муки,
Ты подошелъ къ огню, отъ стужи грѣя руки —

Онъ, завернувшись въ плащъ, зубъ на зубъ не сведетъ;
Ты скажешь: «жарко мнѣ!» — грекъ обтираетъ потъ,

И рукоплещетъ онъ, сгибаясь отъ поклона,
При каждой мерзости надутаго патрона.

За то, когда, порой, проснется въ грекѣ страсть,
Онъ съ гнусной жадностью, какъ звѣрь, спѣшитъ напасть

На честь любой семьи — раба или вельможи,
Готовый осквернить супружеское ложе.

---

*) Ѳаида — аѳинская гетера, которою одно время увлекался Александръ великiй.

**) Дорида — Мать нереидъ, морскихъ нимфъ и жена Нептуна.

***) Nec tantum Antiochus, nec erit mirabilis illic
Aut Stratocles, aut cum molli Demetrius Haemo:
Natio comoeda est.

(Эта удивительная способность не есть исключительная принадлежность какого нибудь Антiоха, Дмитрiя Стратокла и похотливаго Гема: это способность цѣлой нацiи). Нужно думать, что, эти имена взяты произвольно, или же принадлежатъ римскимъ селадонамъ того времени.

Отъ грека не спасешь — отбрось надежду прочь —
Ни мать свою тогда, ни дѣвственницу дочь,

И даже бабушку беззубую собрата
Онъ жертвой изберетъ постыднаго разврата.

## Сатиры Ювенала.

II.

Quod porro officium, ne nobis blandiar, aut quod
Pauperis hic meritum, si curet nocte togatus
Currere, quum praetor lictorem impellat et ire
Praecipitem iubeat, dudum vigilantibus orbis,
Ne prior Albinam et Modiam collega salutet?
*Juvenalis satira III.*

Бѣднякъ! подъ ветхою, изорванной одеждой
Ты не дразни себя обманчивой надеждой,

Чтобъ участью твоей могъ тронуться богачъ!
Смотри: проснулся Римъ! повсюду мчится въ скачь

Толпа бездѣльниковъ, съ улыбкою нахальной
Встрѣчающихъ твой взоръ, усталый и печальный.

Самъ преторъ, услыхавъ, что для него готовъ
Открытый входъ въ дома отъ сна возставшихъ вдовъ,

Торопитъ ликторовъ, — а по какой причинѣ? —
Чтобъ прежде всѣхъ поспѣть къ прелестницѣ Альбинѣ.

Смотри: вотъ молодыхъ патриціевъ гурьба
Идетъ въ сообществѣ богатаго раба,

За мотовство свое попавшаго въ вельможи:
Что жъ тутъ позорнаго для римской молодежи,

Когда тотъ самый рабъ — за часъ, за мигъ одинъ,
Прожитый на груди какихъ нибудь Кальвинъ,

Бросаетъ съ дерзостью, какъ щедрая фортуна,
Все содержаніе военнаго трибуна.

Но ежели тебя, великихъ предковъ внукъ,
Порою соблазнитъ лобзаній тайный звукъ,

И ты, припавъ лицомъ пылающимъ къ подушкѣ,
Захочешь хилыхъ ласкъ послѣдней потаскушки, —

То, скованъ робостью, запавшей прямо въ грудь,
Ты не осмѣлишься руки ей протянуть,

И тайнаго стыда въ себѣ не уничтожа —
Не скажешь ей въ глаза: — «веди меня на ложе»!...

О, кто-бы ни былъ ты—самъ Нума, самъ Марцеллъ*),
Вслѣдъ за тобой вездѣ-бъ вопросъ одинъ летѣлъ:

---

*) Люцій Марцеллъ вынесъ, во время пожара, изъ храма Весты статую Минервы и при этомъ лишился зрѣнія.

— Что онъ, богатъ иль нѣтъ? Гдѣ домъ его? Гдѣ земли?
Пиры въ его дому теперь открыты всѣмъ-ли»?

Объ этомъ съ жадностью толкуютъ, но за то
О честности твоей не справится никто.

Есть золотой мѣшокъ — онъ путь тебѣ проложитъ;
Ты нищъ — и надъ тобой ругаться всякій можетъ,

Увѣренный вполнѣ, что боги съ облаковъ
Не слушаютъ молитвъ и плача бѣдняковъ,

И такъ ихъ нищенство и горе презираютъ,
Что даже громъ небесъ на нихъ не посылаютъ.

Когда твой старый плащъ заплатками покрытъ,
Когда гнилой башмакъ изношенъ и разбитъ,

И нищенство глядитъ сквозь каждую прорѣху —
Ты подвергаешься озлобленному смѣху,

Готовы мы тебя хоть грязью закидать;
Мы бѣдняка кругомъ привыкли презирать,

Какъ безполезный хламъ, какъ битую посуду....
О, бѣдность! ты людей запугиваешь всюду, —

И въ ихъ измученныхъ страданіемъ чертахъ
Всегда читается безсмѣнный этотъ страхъ....

Едва на зрѣлище народныхъ игръ заглянетъ
Бѣднякъ отверженный, какъ грозный голосъ грянетъ:

Изъ книгъ А. В. Кокорева

— «Прочь со скамьи, долой! Изъ цирка тотчасъ вонъ!
Однимъ богатымъ здѣсь даетъ мѣста законъ» *)!

И онъ бѣжитъ съ стыдомъ, а на скамьяхъ остались
Потомки гаеровъ, которые кривлялись

Въ толпѣ на площадяхъ, да всадникъ временщикъ,
Внукъ гладіатора, нетрезвый свой языкъ

Едва ворочая, хрипитъ и бьетъ въ ладони....
Вотъ звѣзды первыя на римскомъ небосклонѣ!...

О, кто укажетъ мнѣ хоть на одну семью,
На одного отца, который дочь свою

За чувство къ бѣдняку не упрекнулъ въ развратѣ,
И сердце честное нашелъ-бы въ бѣдномъ зятѣ?...

Гдѣ, укажите мнѣ, встрѣчаютъ бѣдняка
Безъ слова наглаго, безъ дерзкаго пинка?

Кто въ немъ оцѣнитъ умъ, способности и силы?
Допустятъ-ли его на свой совѣтъ эдилы?... *)

Быть можетъ, скажутъ мнѣ: бѣднякъ вездѣ гонимъ!...
Да, это такъ, вездѣ, — но ты, великій Римъ,

Лишь ты одинъ владѣешь страшнымъ даромъ —
Всегда грозить ему позоромъ иль ударомъ....

---

*) Законъ этотъ былъ изданъ въ Римѣ въ 685 г. народнымъ трибуномъ Оттономъ. По этому закону на первыхъ 14 скамьяхъ театра могли сидѣть только одни богатые всадники.

*) Эдилы были чиновники, завѣдывавшіе общественными зданіями.

Вѣкъ пошлой роскоши! Что-жь ты придумать могъ?
Покрои модные великолѣпныхъ тогъ *),

Ненужный, внѣшній блескъ, скрывавшій безъ различья
Ничтожество и грязь мишурнаго величья...

Пусть темнымъ призракомъ грозитъ намъ нищета,
Лохмотья бѣдности, — у насъ одна мечта:

Купить, хотя-бъ цѣной покражи иль обмана,
Права на мотовство бездоннаго кармана,

Чтобъ роскошью своихъ нарядовъ и одеждъ
Дивить толпу зѣвакъ и уличныхъ невѣждъ.

У насъ одинъ порокъ — хоть вылѣзай изъ кожи,
Хоть ближняго зарѣжь, — но попади въ вельможи

И запишись въ число надутыхъ спѣсью лицъ....
За то и Римъ теперь — продажнѣе блудницъ, —

И всѣмъ торгуетъ онъ: свободою плебейской,
Невинностью дѣтей и совѣстью судейской,

Почетной должностью, приманкой теплыхъ мѣстъ
И прелестями женъ, наложницъ и невѣстъ.

Всѣмъ нужно золото, — и податью тяжелой
Обремененъ кліентъ оборванный и голый!

---

*) Въ Римѣ для каждаго возраста были придуманы особеннаго покроя тоги.

## Мелодія.

---

She walks in beauty, like the night
Of cloudless climes and starry skies.

*Byron.*

Какъ ночь стоокая, алмазомъ звѣздъ одѣта,
Въ торжественномъ, полуночномъ сіяньи,
Она является въ игрѣ тѣней и свѣта,
Въ неуловимомъ ихъ, чарующемъ сліяньи.
И все: блескъ дня, мерцанье южной ночи,
Чѣмъ солнце жжетъ и звѣзды пламенѣютъ,
Все перешло въ ея черты и очи, —
Предъ чуднымъ образомъ и ночь и день блѣднѣютъ.

И блескъ и мракъ! Сліяніе такъ нѣжно,
Что тѣнью болѣе въ чертахъ, иль менѣй блеска —
То эта грація изчезнетъ неизбѣжно,
И прелесть тайная нарушится въ нихъ рѣзко.

Ихъ волновать, тревожить ихъ — безбожно:
Такъ кротокъ взглядъ, такъ мысль ея кристальна,
Что, посмотрѣвъ въ глаза, казалось, было бъ можно
Прозрѣть — душа ея ясна или печальна.

На цѣломудренномъ челѣ отроковицы
На щечкахъ бархатныхъ, такъ чисто, безмятежно,
Какъ первый ясный лучь проснувшейся денницы,
Все говоритъ въ ней такъ краснорѣчиво нѣжно
О дѣтскихъ помыслахъ души невозмутимой,
Съ покоемъ дѣвственнымъ и дѣвственной любовью,
И грёзы грѣшныя надъ ней несутся мимо,
Не смѣя къ чистому спуститься изголовью.

## Еврейская мелодія.

*(Изъ Байрона).*

Ахъ, плачьте, рыдайте, бездомныя дѣти Сіона,
Какъ плакали мы на враждебныхъ рѣкахъ Вавилона.
Ахъ, плачьте! Разбита пѣвучая лира Іуды,
Гдѣ высились храмы — теперь безобразныя труды.
О, чѣмъ освѣжимъ изъязвленныя ноги и руки?
Излѣчатъ ли скорбь въ насъ Сіонскія пѣсни и звуки?
Ужель мы все будемъ бездомны и босы, и сиры,
И вновь не воскреснемъ подъ звуки Іудиной лиры?
Забитое племя! Въ изгнаньѣ кочуешь по-нынѣ,
Безславно, въ позорныхъ цѣпяхъ пресмыкаясь въ чужбинѣ.
У звѣря есть норы, есть теплыя гнѣзда у птицы,
А бѣднымъ евреямъ раскрыты однѣ лишь гробницы.

## Пѣсня Чайльдъ-Гарольда.

*(Изъ Байрона).*

I.

Прости! Утопаетъ въ дали голубой
    Родимаго берега видъ,
Волна за волною реветъ въ перебой,
    И дикая чайка кричитъ.
Мы видимъ, какъ солнце въ морской глубинѣ
    Торопится отдыхъ найти...
Прости! и тебѣ и родимой странѣ!...
    Мой край! доброй ночи! прости!

II.

Часы пролетятъ, и опять надо мной
    Румяное солнце взойдетъ,
Вновь день я увижу, но берегъ родной
    Изъ глазъ навсегда пропадетъ.

Сталъ пустъ и заброшенъ печальный мой домъ,
Огонь разведенный зачахъ,
И стѣны травой заростаютъ кругомъ,
И воетъ мой песъ въ воротахъ.

III.

— Мой маленькій пажъ! Подойди же ко мнѣ,
О чемъ ты рыдаешь съ тоской?
Боишься-ль ты смерти въ холодной волнѣ?
Иль холоденъ вѣтеръ ночной?
Утри-жь свои слезы, будь веселъ опять.
Корабль нашъ построенъ легко,
И если бы соколъ насъ вздумалъ догнать —
Остался бы онъ далеко.

IV.

— «Не страшны мнѣ бури. Пусть волны ревутъ,
Пусть вѣтеръ рветъ парусъ въ клочки,
Но ты, господинъ, не дивись, что бѣгутъ
Изъ глазъ моихъ слезы тоски.
Не вижу я больше отцовскихъ сѣдинъ
И мать со слезами въ глазахъ;
Остались друзьями мнѣ: ты лишь одинъ,
Да Тотъ, что живетъ въ небесахъ.

V.

«Отецъ на прощанье крестилъ мнѣ чело,
Хоть холоденъ былъ его взглядъ,
Но мать моя будетъ вздыхать тяжело,
Пока не вернусь я назадъ.»
— Довольно, малютка! понять я умѣлъ,
Что слезы такія — не стыдъ,

И если бъ я чистое сердце имѣлъ,
Я самъ бы заплакалъ на взрыдъ.

VI.

— Поди же ко мнѣ ты, мой вѣрный слуга,
Въ лицѣ твоемъ блѣдность видна!
Ужь ты не боишься-ль француза-врага?
Иль буря морская страшна?
— «Ты думаешь, мой господинъ, обо мнѣ,
Что стану за жизнь я робѣть.
Нѣтъ, мысль о покинутой бѣдной женѣ
Меня заставляетъ блѣднѣть.

VII.

«Близъ замка отцовъ твоихъ съ мукой въ лицѣ
Пришлось мнѣ дѣтей покидать.
Теперь, если спросятъ они объ отцѣ,
Что можетъ отвѣтить имъ мать?
— Довольно, мой добрый служитель, ты правъ,
Печаль твоя стоитъ похвалъ,
Но я — не таковъ легковѣрный мой нравъ, —
Смѣясь край родной покидалъ.

VIII.

И что же находимъ мы въ женскихъ слезахъ?
И долго-ли женщина ждетъ?
Чужая рука на прекрасныхъ глазахъ
Вчерашнія слезы сотретъ.
Не жаль мнѣ дней счастья въ родимой странѣ,
Не гнусь я при видѣ грозы,
Но горько одно лишь, что не о комъ мнѣ
Пролить ни единой слезы.

## IX.

Я вновь одинокъ, какъ въ былые года,
Одинъ посреди этихъ водъ....
Къ чему-жь о другихъ я заплачу, когда
Никто обо мнѣ не вздохнетъ.
Не долго мой песъ будетъ выть и скучать,
Найдетъ новый уголъ и кровъ,
И если вернусь я — меня разорвать
Песъ собственный будетъ готовъ.

## X.

Корабль мой! Неси же меня по волнамъ,
Пусть море кипитъ подо мной!
Неси куда хочешь, къ далекимъ странамъ,
Лишь только не въ край мой родной.
Привѣтъ посылаю я синимъ морямъ,
А ихъ не увижу въ пути,
Привѣтъ мой пещерамъ, пустынямъ, горамъ....
Мой край! доброй ночи! прости!...

## Немезида.

*(Изъ Барбье).*

---

О, кто же ты, кто ты, великая жена?

Сравнимъ-ли мы ее съ графиней благородной,
Которая дрожитъ и падаетъ, блѣдна,
Услыша у дверей случайно крикъ народный.
Нѣтъ, эта женщина прекрасна, но дика,
Съ могучимъ голосомъ, съ могучими сосцами,
Овладѣвать вездѣ способная сердцами,
Съ огнемъ въ глазахъ, проворна и легка.
Ей нуженъ крикъ толпы, ей наслажденье въ спорахъ,
Она бѣжитъ туда, гдѣ выстрѣлы гремятъ,
Гдѣ запахомъ своимъ въ ней силы дразнитъ порохъ
И гдѣ колокола слились въ одинъ набатъ.
Лишь только выходцу изъ черни отдавала
Она порывъ своей восторженной любви,
И этотъ мощный станъ лишь только обвивала
Рука, не разъ одинъ алѣвшая въ крови.

## Лунатикъ.

### (Le somnambule).

*Поэма Альфреда де-Виньи.*

«Что ты съ ложа встаешь до разсвѣта,
И покровы съ себя сбросилъ прочь?
Посмотри: вся звѣздами одѣта
Неба южнаго черная ночь.
Тамъ, на дальней границѣ востока
Не видать первыхъ проблесковъ дня.
Подожди, — еще утро далеко,
Отдохни на груди у меня.
Твой покой — своего мнѣ дороже...
Спи, мой милый, — пусть крѣпокъ твой сонъ...»

Но, покинувъ измятое ложе,
Весь дрожа, поднимается онъ;
Онъ ступаетъ нетвердой стопою,
На лицѣ его — гнѣвъ и гроза,
Ловитъ воздухъ дрожащей рукою,

Неподвижны и мутны глаза.
Съ плечъ упали ночные покровы,
Наклонилась впередъ голова,
И отрывисто-рѣзки, суровы
Съ блѣдныхъ устъ вылетаютъ слова:

— «А, преступница.... ты измѣнила....
Казнь тебѣ и ему!... въ кипарисъ,
Въ бѣлый саванъ скорѣй нарядись...
Видишь: вырыты вамъ двѣ могилы!...
Прочь, змѣя вѣроломная... прочь!...
Вы умрете предатели оба...
Духи тьмы! принесите два гроба:
Ныньче — ихъ новобрачная ночь....
И тебя и его, лицемѣра,
Обращу я и въ пепелъ и прахъ!...»

А у ногъ его бѣдная Нера,
Холодна и блѣдна, вся въ слезахъ,
Опустилась дрожа на колѣни;
Ея косы бѣгутъ по плечамъ,
Сжаты руки; молитвы и пѣни
Пробѣгаютъ по блѣднымъ устамъ:

«Удержись, мой супругъ; — что съ тобою?
Знать прогнѣвалъ ты грозныхъ боговъ?
Это я здѣсь склоняюсь съ мольбою....
Но моихъ ты не слушаешь словъ.
О, взгляни же въ лице твоей Неры,
Неру бѣдную ты пожалѣй...
Иль, какъ прежде, не стою я вѣры?...
Да простятъ тебя Фебъ и Морфей!...»

— «Крови, крови хочу.... Полліона....
Этотъ юноша римскій.... вотъ онъ!...

Профиль нѣжный и станъ Аполлона.. .
Изъ груди его вырву я стонъ...
Ножъ, мой ножъ!... это чистое ложе
Оскверненное вижу... ты слабъ,
Щеки нѣжны твои... для чего-же
Ты хорошъ такъ? о, смерть тебѣ, рабъ...»

«Мой супругъ, мной любимый, мнѣ милый!
Сбрось съ себя гнетъ мучительныхъ сновъ.
Для чего ты грозишь мнѣ могилой
И безстрастнымъ покоемъ гробовъ?
О, клянуся прошедшей любовью,
Вестой древней и Рэ, — лишь тебя
Я ждала къ своему изголовью
И ласкала кляня и любя.
Мой супругъ! я чиста... Поллiона
Я не знаю....»

— «Молчи! это ложь!
Не смягчатъ меня слезы и стоны....
Крови, крови твоей... ты умрешь....»
«Смерть! О мать моя! гнѣвъ твой ужасный
Легъ на мнѣ, какъ боговъ приговоръ.
О прости же, прости ты, несчастной!...
Что же медлить, убiйца? Мой взоръ
Въ мутныхъ взглядахъ не ищетъ пощады,
Нѣтъ любви въ сердцѣ Неры твоей,
Нерѣ въ жизни нѣтъ больше отрады...
А!... ты въ сердце ударилъ, злодѣй....
Мой убiйца, тебя я прощаю...
Пусть продлится ужасный твой сонъ...
Кровь бѣжитъ.... смерть близка... умираю...
Я невинна.....»

И смолкъ ея стонъ.

---

## Изъ Бустана Саади.

I.

Дождевая капля заронилась въ море,
Затерялась капля на морскомъ просторѣ.
— Какъ ничтожна здѣсь я, капля говорила,
И на дно морское спряталась уныло.
Но въ пучинѣ моря капля дождевая,
Развила скорлупку; на пескѣ сверкая,
Изъ скорлупки вышелъ лучшій жемчугъ въ мірѣ
И теперь хранится у царя въ порфирѣ.
Такъ не даромъ капля ты существовала,
Не безъ пользы въ море синее упала.

## Изъ Гафиза.

### I.

Ныньче въ ночь ароматную, лунную,
Бросивъ лиру мою сладкострунную,
Весь сжигаемъ огнемъ вожделѣнія
Я подругу зову на мгновеніе,
Подъ ночные покровы ложницы...

О, прійди же! на кудри волнистыя
Ароматы пролью я душистые,
Я мастику зажгу благовонную,
И тебя этой ночью безсонною
Буду ждать я до самой денницы.

Ты прійдешь — и чтобъ мгла непроглядная
Обняла это ложе отрадное,
Чтобы взоры чужіе, ревнивые
Не замѣтили ласки стыдливыя,
Опущу я таинственный пологъ.

Ляжетъ ночь надъ безмолвной ложницею —
И съ тебя я горячей десницею
Прочь отброшу одежды роскошныя —
И твой сонъ, въ тѣ часы полуночные,
Будетъ тихъ, и отраденъ, и дологъ...

Твои волосы, въ кольца завитые,
Поцѣлуи сожгутъ ядовитые; —
Вкругъ тебя обовьюся я лóзою
А вдали, въ померанцахъ надъ розою
Будетъ ныть соловей Туркестана.

Не бѣги же ночь тихая, лунная!...
Смолкни лира моя сладкострунная!...
Чу!... вотъ слышу шаги я несмѣлые...
Вотъ одежды волнуются бѣлыя,
Колыхаясь вкругъ гибкаго стана!

II.

Утро дохнуло; горитъ лучезарное
Солнце на небѣ давно.
Въ кубки, о други, скорѣе янтарное,
Чистое лейте вино.
Листья тюльпана росой серебристою
Вспрыснуты ранней зарей...
Чаши наполните влагой душистою
Пейте дружнѣе со мной.
Пусть изумрудный коверъ разстилается
Въ полѣ изъ пышныхъ цвѣтовъ,
Искры рубина въ винѣ зажигаются
И зажигаютъ намъ кровь.
Будто изъ рая, струи благовонныя
Воздухъ приноситъ съ полей,
Но не забудемъ мы ночи безсонныя,
Пьемъ же, друзья, веселѣй.

Солнце весны въ небесахъ улыбается,
Въ краски одѣлась весна...
Пусть наши кубки полнѣй наливаются —
Кубки осушимъ до дна.
Пьемъ же... Аллахъ намъ вино благодатное
Пить разрѣшаетъ давно,
Кравчій невидимый льетъ ароматное
Въ наши стаканы вино.

---

## III.

Дышетъ садъ ароматомъ Эдема...
Есть вино и желанной объятья:
Что мнѣ въ роскошѣ царской гарема,
Я и нищимъ блаженствую, братья!

Служитъ облако мнѣ — пеленою,
Мнѣ подъ пальмой — чертога не надо,
И въ садахъ — наливаясь весною,
Ждетъ румяная кисть винограда.

Пусть Орифъ, пусть мудрецъ, укоряя
Не протянетъ руки мнѣ участья:
Онъ живетъ для небеснаго рая,
Я живу для земли сладострастья.

---

## Мотивы Гейне.

---

### I.

### ПРОЛОГЪ.

Вкругъ меня темный, таинственный лѣсъ,
Пышныя липы рядами....
Какъ очарованный мѣсяцъ, глядитъ,
Лѣсъ обливая лучами.

Вотъ соловьиная пѣсня вдали
Звонкою трелью промчалась.
То она вся изнывала въ любви,
То въ ней тоска откликалась.

Чудныя ноты звучали, росли,
Слышны въ нихъ хохотъ и слезы....
Ожили вновь мои прошлые сны,
Старыя, милыя грезы.

Дальше я въ лѣсъ: на полянѣ лѣсной
Замокъ стоитъ предо мною,
Длинныя, острыя башни его
Скрыты подъ черною мглою.

Въ замкѣ ни звука, и окна темны,
Всюду молчанье кладбища,
Будто бы смерти дыханье сожгло
Мрачное это жилище.

Каменный сфинксъ здѣсь одинъ сторожилъ.
Лапы, спина какъ у львицы,
Груди же женскія, съ женскимъ лицемъ....
Чудный символъ небылицы!

Статуя дивно была хороша!
Страстію очи блистали,
Будто лобзанья просили уста,
Ласки любви ожидали.

Плакалъ и нылъ надо мной соловей,
Сердце вдругъ сжалося болью,
Кровь закипѣла и къ хладнымъ устамъ
Съ жаркой приникъ я любовью.

Камень статуи вдругъ жизнью пахнулъ,
Ожилъ недвижимый камень....
Съ жадностью губы лобзаній моихъ
Пили сжигающій пламень.

Вся сладострастья и нѣги полна
Чудная женщина млѣла,
Съ бѣшеной страстью меня обняла,
Когти впивая мнѣ въ тѣло.

Были такъ сладки восторги любви,
Мучили, жгли и ласкали....
Полонъ блаженства звучалъ поцѣлуй,
Когти мнѣ грудь разрывали.

А соловей въ тѣ мгновенія пѣлъ:
«Сфинксъ и любовь, разскажите,
О, для чего вы мученья и скорбь
Въ самомъ блаженствѣ таите?

И неужели-же сфинксъ никогда
Мнѣ не отвѣтитъ на это?
Вѣрно напрасно я много вѣковъ
Жду-не дождуся отвѣта.»

---

## II.

Въ локонахъ дѣвочку видѣлъ во снѣ я.
Глазки, какъ звѣзды полночи.
Съ нею встрѣчалъ я подъ липой зеленой
Теплыя, лѣтнія ночи.

Тамъ — раздавались любовныя рѣчи;
Тамъ — поцѣлуи звучали,
Будто ревнуя, далекія звѣзды
Въ небѣ ночномъ трепетали.

Вотъ я проснулся — и сердце заныло,
Свѣтлые сны отлетѣли,
Только насмѣшливо съ синяго неба
Звѣзды ночныя глядѣли.

---

III.

Ахъ, оставь пустыя фразы!
Это пошло и не ново....
Въ вѣкъ общественной невзгоды
Нужно дѣло, а не слово!

Посмотри: облитый кровью,
Пóтомъ, — братъ твой погибаетъ,
А предъ знатнымъ негодяемъ
Міръ колѣни преклоняетъ.

Неужель для правды мѣста
На землѣ теперь не стало?
Или всѣ мы такъ безсильны,
Чувства праваго въ насъ мало?

Вотъ тѣ грустные вопросы,
Чтó насъ мучатъ, жгутъ, тревожатъ....
А въ отвѣтъ — насъ въ гробъ толкаютъ....
Да то, полно ли, поможетъ?...

IV.

На показъ обнаженныя плечи,
Фраки черные, узкіе платья,
Поцѣлуи, притворныя рѣчи, —
Только сердца не могъ въ васъ сыскать я.

Чувства въ васъ пробудить невозможно.
Ваши вопли не стоятъ вниманья,
Вы въ любви своей мелки, ничтожны,
И смѣшатъ меня ваши страданья.

Въ горы, въ горы отъ васъ убѣгаю,
Гдѣ живутъ одни люди простые,
Гдѣ вольнѣе я воздухъ впиваю,
И смолкаютъ гдѣ помыслы злые,

Гдѣ лишь ели стоятъ вѣковыя,
Красоты и величія полны,
Гдѣ поютъ соловьи и живыя,
Прихотливыя прыгаютъ волны.

Залы пышныя, пышные люди....
О, бѣгу я отъ васъ, негодуя —
Въ горы, въ горы!... вольнѣе тамъ груди,
Тамъ вновь пѣсни свои запою я.

---

## V.

### ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДЪ.

---

Мрачнымъ трауромъ покрытый,
Челнъ несется по волнамъ,
И пловцы сидятъ, какъ тѣни,
Неподвижны по бортамъ.

Возлѣ нихъ окровавленный
Трупъ поэта распростертъ,

Какъ живой: взоръ вдохновенный
Устремленъ въ небесный сводъ.

Тихо все... но будто нимфа
Въ пѣнѣ шепчется морской,
Будто горько плачутъ волны
Объ утратѣ роковой.

---

## VI.

Край родной я зналъ когда-то:
Тамъ алѣютъ розы,
Тамъ природа такъ богата!...
Это были грезы.

Языка родного звуки,
И родныя слезы,
Простираемыя руки...
Это были грезы.

---

## VII.

Міръ — это дѣвушка съ румянцемъ чистоты,
Міръ — это фурія. И оба взгляда эти
Зависятъ отъ очковъ, въ которыхъ ходишь ты,
Жизнь видя въ розовомъ иль въ самомъ черномъ цвѣтѣ.

Но тотъ, кто въ телескопъ міръ этотъ разглядитъ,
Какого пола онъ? не разрѣша загадки,
Тотъ, бросивъ въ сторону безплодныя догадки,
Придетъ лишь къ одному: что міръ — гермафродитъ.

## Изъ Виктора Гюго.

Oh! n'insultez jamais une femme qui tombe!

*V. Hugo.*

Надъ падшей женщиной не смѣйтесь съ поруганьемъ!
Вашъ строгій приговоръ не сталъ бы такъ жестокъ,
Когда бы знали вы, какъ нѣкогда съ страданьемъ
Невидимо боролся въ ней порокъ,
Когда она не разъ, быть можетъ, ожидала —
Вотъ-вотъ протянется спасенія рука...
Такъ иногда на зелени листка,
Со всею чистотой прозрачнаго кристалла,
Блеститъ роса зори; но листъ затрепеталъ, —
Она спадаетъ въ грязь — и блескъ ея пропалъ.

За что жь, несчастная, услышитъ крикъ проклятья?
Не ты-ль, истасканный, безнравственный богачъ,
Съ презрѣньемъ слушая ея мольбы и плачъ,

Бросалъ ей золото и звалъ въ свои объятья?
Позоръ и вѣчный стыдъ!... Но кто же виноватъ?
Кто обвинитъ ее сурово за развратъ?
Всему своя пора! Пусть въ грязь она упала,
Какъ та роса, — и блескъ свой потеряла;
Но, чтобъ для нихъ опять сокрылся мракъ ночей, —
Имъ нуженъ свѣтъ любви, свѣтъ солнечныхъ лучей.

## Изъ Виктора Гюго.

*Oh! n'insultez jamais une femme qui tombe!*

*V. Hugo.*

Надъ павшей женщиной не смѣйтесь съ поруганьемъ!
[illegible], строгій приговоръ не [illegible] бы такъ [illegible],
[illegible] бы знали вы, какъ [illegible] съ страданьемъ
Невинность [illegible] въ ней порою,
Когда [illegible] можетъ, ожидала
Всѣ [illegible] руки...
[illegible] листья,
[illegible] хрусталя,
[illegible],
[illegible] пропалъ.

[illegible] уныло [illegible] прокляли
[illegible] бездушный богачъ,
[illegible] плачь.

# II.

# МАРІОНЪ ДЕ-ЛОРМЪ.

# Тайное свиданіе.

---

ПЕРВЫЙ АКТЪ

ИЗЪ ДРАМЫ ВИКТОРА ГЮГО:

## МАРІОНЪ ДЕ-ЛОРМЪ.

(ДѢЙСТВІЕ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ БЛУА).

**Спальня; въ глубинѣ сцены окно, открытое на балконъ. Направо — столъ съ лампой, передъ столомъ кресло; налѣво дверь подъ драпировкой. Въ тѣни кроват.**

---

## СЦЕНА I.

---

*Маріонъ-де-Лормъ,* одѣтая въ пышное платье, сидитъ у стола и вышиваетъ по канвѣ. *Маркизъ-де-Саверни,* очень молодой человѣкъ, безъ усовъ, одѣтый по послѣдней модѣ 1638 года, подходитъ къ Маріонъ и хочетъ обнять её.

**Саверни.**

Довольно, помиримся же, малютка!

**Маріонъ** *(отталкивая его).*

Пожалуйста, не-близко такъ...

**Саверни** *(настаивая).*

Одинъ
Хоть поцѣлуй...

**Маріонъ** *(вспыхнувъ).*

Маркизъ! какая шутка!

**Саверни.**

Вы сердитесь, но вѣрьте — гнѣвъ и сплинъ
Вамъ не къ лицу.

**Маріонъ.**

Вы забываться стали!...

**Саверни.**

Какая клевета! Клянусь вамъ, что едва-ли
Забыть мнѣ можно то, что помнить суждено
Всю жизнь...

**Маріонъ.**

Несносный!...

**Саверни.**

Слушайте-жь: грѣшно
Своихъ друзей обманывать и мучить.
Признайтесь мнѣ: уже-ли вамъ наскучить
Успѣлъ Парижъ? — скрываться для чего-жь?
Съ ума свели вы нашу молодежь.

Она бѣсилася, искала васъ напрасно,
А вы, измѣнница, въ Блуа, въ глуши.... прекрасно!
Два мѣсяца живете здѣсь, — зачѣмъ,
Нельзя-ль узнать отъ васъ?

**Маріонъ.**

Затѣмъ,
Что такъ хочу, мое желанье это.
Я въ правѣ тутъ и не давать отвѣта
Зачѣмъ и почему...

**Саверни.**

И даже тѣмъ
Кому вы дороги, кому незамѣнимы?
О, Маріонъ, какъ вы неумолимы!...
Я, Гонди бѣдный, что за васъ
Чуть-чуть на дняхъ не умеръ на дуэли,
Несмондъ, д'Аркьенъ, Кассадъ — уже-ль всѣхъ насъ
Вы позабыть такъ скоро здѣсь успѣли?

**Маріонъ.** *(увлекаясь).*

Что жь Бовильянъ?

**Саверни.**

Онъ молится на васъ!

**Маріонъ.**

А мой Серестъ?

**Саверни.**

Онъ васъ — и спитъ — и видитъ.

**Маріонъ.**

А Понсъ что говоритъ?

**Саверни.**

На этотъ разъ
Онъ кажется васъ просто ненавидитъ.

**Маріонъ.**

А я увѣрена, что онъ-то больше всѣхъ
Страдаетъ обо мнѣ... но вотъ и не спросила:
Что старый президентъ? ему-бы, право, грѣхъ
Невѣрнымъ быть... Какъ я его дразнила,
Вы, вѣрно, помните? *(смѣется)*.

**Саверни.**

О, старый селадонъ
Все тотъ же, что и былъ: по прежнему вздыхаетъ
И вашу красоту въ сонетахъ восхваляетъ.
Довольны-ли вы имъ?

**Маріонъ.**

Да, знаете-ли, онъ
Скромнѣй васъ всѣхъ, и больше, чѣмъ два года,
Играетъ роль... поставщика стиховъ.

**Саверни.**

О, для него любовь есть — стансы или ода;
Но нашъ пѣвецъ сжечь васъ скорѣй готовъ,
Чѣмъ свой куплетъ. Ужь такова природа

Поэтовъ всѣхъ... И такъ, безъ дальнихъ словъ
Я жду отъ васъ открытаго признанья.
Что это: добровольное изгнанье,
Интрига, шалость новая?...

**Маріонъ** *(строго).*

Маркизъ,
Повѣрьте мнѣ, не прихоть, не капризъ
Заставили бѣжать меня отъ свѣта.
Вы ждете откровеннаго отвѣта?
Узнайте же, раскаянья полна,
Я съ прошлымъ связь порвать теперь должна,
Оставить путь открытаго позора,
Должна въ слезахъ стыдъ прежнихъ дней омыть,
И блескъ безчестіемъ добытаго убора
Одеждой бѣдности убогой замѣнить.

**Саверни.**

Интригу новую прикрыли вы лукаво.
Но только я въ обманъ не дамся скоро...

**Маріонъ** *(горько).*

Право?

**Саверни.**

О, полноте!... васъ вижу-ль въ первый разъ?
Вѣдь для такихъ чудесныхъ, жаркихъ глазъ
Нужны пиры, таинственныя ночи,
Имъ жизнь нужна и длинный рядъ побѣдъ...
Короче —
Вы насъ морочите и, чтобы спрятать слѣдъ

Романа новаго — уѣхали въ пустыню.
Не знаю, кто герой, но знаю героиню.

**Маріонъ.**

Вы ошибаетесь...

**Саверни.**

На этотъ разъ
Едва-ли такъ...

**Маріонъ.**

Теперь который часъ?
Гдѣ, Роза, ты?

**Роза** *(за кулисами).*

Ужь полночь будетъ скоро.

**Маріонъ** *(въ сторону).*

Что дѣлать мнѣ?

**Саверни.**

Я понялъ вашъ намекъ.
За что жь такая строгость приговора?
Едва найдти, едва поймать васъ могъ,
Вы гоните...

**Маріонъ.**

Скажу вамъ откровенно:
Я здѣсь живу теперь уединенно,

Гостей не принимаю, а притомъ
Здѣсь путь ночной теперь не безопасенъ:
Ограбить могутъ васъ...

Саверни.

Напрасенъ
Весь вашъ испугъ: съ пустымъ я кошелькомъ.

Маріонъ.

Убійства здѣсь теперь не рѣдки тоже.

Саверни.

Убійства? Ну, убьютъ меня, такъ что же!

Маріонъ.

Но....

Саверни.

Полноте, вѣдь это ужь смѣшно!
Но, Маріонъ, клянусь вамъ, что, покуда
Я правды не добьюсь, я не уйду отсюда
И буду ждать отвѣта. Рѣшено!...
Кого вы любите, признайтесь, ради Бога?

Маріонъ.

Я? никого, маркизъ!

Саверни.

Я буду тайну строго
Хранить въ душѣ своей... ни слова никому,

Пусть говорятъ, что мы, не знаю почему,
И этотъ слухъ не очень-то почётенъ,
Способны лишь запутывать узлы
Несбыточныхъ, невѣроятныхъ сплетенъ,
Но вѣрьте мнѣ — ни сколько мы не злы.
Мы даже *говорить* давно отвыкли, право!...
*Болтать* всю жизнь свою — вотъ наша вся забава.
Молчите вы? *(садится).*
— И такъ я остаюсь!

**Маріонъ.**

Маркизъ! я вашей дерзости дивлюсь.
Чего хотите вы? хотите вы признанья?
Ну такъ узнайте же: счастливаго свиданья
Я жду теперь, жду нынче, въ эту ночь.
Довольны-ль вы? прошу, уйдите жь прочь.

**Саверни.**

Вотъ, наконецъ, вы на себя похожи.
Но гдѣ же тотъ, кто сталъ вамъ всѣхъ дороже?
Онъ явится? Неужели...

**Маріонъ.**

Сюда!

**Саверни.**

Онъ будетъ здѣсь? и съ вами? но когда?

**Маріонъ.**

Сейчасъ, сію минуту можетъ статься.

*(Идетъ къ балкону и прислушивается).*

Чу! вотъ походка чья-то... тише... нѣтъ.

*(Къ Саверни).*

Вы наконецъ довольны-ли?

**Саверни.**

Признаться,

Такъ не совсѣмъ.

**Маріонъ.**

Уйдите-жь, мой совѣтъ.

**Саверни.**

Еще вопросъ. Одно скажите слово:
Какое имя, имя носитъ тотъ,
Изъ-за кого я принятъ такъ сурово?

**Маріонъ.**

Зову его Дидьё, и имени другаго
Не знаю я, а онъ меня зоветъ
Маріей просто. Это мнѣ такъ ново...

**Саверни.**

Еще бы нѣтъ! Какая клевета!

**Маріонъ.**

Не вѣрите?

**Саверни.**

Пастушескіе нравы,
Любовь, поэзія и чистота!

Да васъ ли вижу я? Иль для забавы
Вы шутите?

**Маріонъ.**

Охоты нѣтъ смѣяться;
Но, вспомните, вы начали прощаться.
(*Въ сторону*).
Мученье съ нимъ!...

**Саверни** (*серьёзно*).

Вопросъ еще одинъ:
Кто *онъ* такой? придворный? дворянинъ?

**Маріонъ.**

Не знаю я...

**Саверни.**

Я въ удивленьѣ снова.
(*Маріонъ тѣснитъ его къ дверямъ*).
Иду, иду, еще лишь только слово.
(*Вынимаетъ изъ кармана книгу*).
Совсѣмъ вонъ изъ ума, — здѣсь книгъ, я вижу, нѣтъ —
Въ уединеніи займитесь этой книжкой,
Которой автора нельзя назвать мальчишкой,
Но вашимъ именемъ былъ вдохновленъ поэтъ.

**Маріонъ** (*читаетъ заглавіе книги*).

«Гирлянда любви» — посвящена Маріонъ-де-Лормъ.

**Саверни.**

Въ Парижѣ книга та, — я вамъ за новость выдамъ —
Читалась на расхватъ, соперничая съ «Сидомъ».

**Маріонъ** *(беретъ книгу).*

Благодарю за честь. Но вамъ пора, маркизъ,
Покойной ночи вамъ.

**Саверни.**

О, слава! удались...
Какое дѣло ей — кѣмъ заняты въ Парижѣ!
Здѣсь, въ бѣдной хижинѣ, отъ свѣта далека,
Пастушка сельская ждетъ въ гости пастушка.

**Маріонъ** *(звонитъ; выходитъ Роза).*

Маркизъ уходитъ. Роза, посвѣти-же...

**Саверни** *(удаляясь).*

Я ухожу, но помни, Маріонъ:
Ты скромности послѣдней измѣнила.

*(Уходитъ).*

---

## СЦЕНА II.

**Маріонъ** *(одна, затворяя дверь).*

Ушелъ... я вся дрожу... что если-бъ *онъ*,
Засталъ его со мной...

*(Часы бьютъ полночь).*

Вотъ полночь било,
Свиданія давно желанный срокъ...
Дидьё придетъ, онъ здѣсь, онъ не далекъ...

*(Бѣжитъ и смотритъ съ балкона).*

Нѣтъ никого, все тихо... *(возвращается печальная).*
Прежде было
Не такъ: онъ не запаздывалъ...

---

## СЦЕНА III.

Дидьё (показывается за перилами балкона, прыгаетъ въ комнату и кладетъ на кресло шляпу и шпагу. На немъ черный костюмъ. Онъ дѣлаетъ шагъ, останавливается и нѣсколько секундъ смотритъ на Маріонъ, которая сидитъ, опустивъ голову).

**Маріонъ** *(поднимая голову, радостно).*

Ахъ, ты?...

*(Съ упрекомъ.)*

Грѣшно, Дидьё, такъ медлить. Ожидала
Я съ трепетомъ полночной темноты,
Ждала тебя давно...

**Дидье.**

Ахъ, если-бъ знала,
Чего мнѣ стоилъ этотъ важный шагъ...
Когда бъ могла...

**Маріонъ.**

Понять тебя мнѣ какъ?

**Дидье** *(отвѣчая на свою мысль).*

Мнѣ за тебя, Марія, страшно стало.
Сейчасъ, внизу, передъ твоимъ окномъ
Невольная тоска мнѣ сердце сжала.

И думалъ я: идти-ль однимъ путемъ
Мнѣ съ ангеломъ земнымъ вдвоемъ?
Не осквернитъ-ли жгучее дыханье
Моей любви твой дѣвственный покой?
Ты — чистое, высокое созданье,
А я!... Ты знаешь-ли, дитя, кто я такой?
Бѣднякъ безъ прозвища и книга безъ названья...
Могу-ли, долженъ ли любви я ожидать?
Смущу-ль покой души твоей зеркальной?
Рѣшусь-ль жизнь твою на вѣки я связать
Съ своей судьбой проклятой и печальной?
Сроднится-ль ночь съ румянымъ утромъ дня?
О, счастлива-ль ты будешь близъ меня,
Отвѣтивъ на любовь мою любовью?

**Маріонъ** *(въ сторону)*.

Меня онъ словно учитъ богословью.
Не гугенотъ-ли онъ?

**Дидье.**

Но я едва
Услышалъ голосъ твой магическій и чудный —
Вдругъ все забылъ опять — сомнѣнья, подвигъ трудный,
И бросился къ тебѣ...

**Маріонъ.**

Уже-ль мои слова
Ты слышать могъ?

**Дидье.**

И не одинъ, а два
Я слышалъ голоса...

**Маріонъ** *(торопливо).*

Я съ Розой говорила...
У Розы голосъ грубъ... Но, Богъ съ ней, я — съ тобой,
Досады больше нѣтъ, я горе позабыла.
Мой милый, вотъ сюда, сядь рядомъ ты со мной.

*(Указывая ему мѣсто рядомъ).*

Вотъ здѣсь...

**Дидье.**

У ногъ твоихъ скорѣе
Мнѣ мѣсто...

*(Беретъ табуретъ и садится. Нѣсколько минутъ молча смотритъ на Маріонъ.)*

Знаешь-ли, кто я, Марія? нѣтъ?
Моей исторіи ты не найдешь грустнѣе.
Младенчество мое не согрѣвалъ привѣтъ
Отца и матери; кто я? чей сынъ? откуда?
Никто не зналъ. У церкви, межъ колонъ, больной
Я брошенъ былъ въ пеленкахъ. Случай или чудо
Меня спасли отъ смерти. Женщиной простой,
Старушкой бѣдной былъ я взятъ. Она второй
Была мнѣ матерью, пригрѣла, пріютила,
Чему могла она, и какъ могла, — учила
И умерла. Безвѣстной сиротой
Остался снова въ мірѣ я. На средства,
Довольно скудныя, одинъ я началъ жить,
(Отъ доброй женщины я получилъ наслѣдство —
Девять сотъ ливровъ въ годъ). На свѣтѣ мнѣ любить
Ужь было некого и не съ кѣмъ разставаться.
Я началъ путешествовать, толкаться
Въ толпѣ, между людей, и — горько въ томъ сознаться —

Сталъ бѣгать ихъ. Повсюду зло,
Ничтожество, корысть и торжество разврата,
И стала холодомъ и бѣшенствомъ объята
Моя душа. А время шло, да шло....
Взгляни ты на меня — мое чело
Теперь морщинами безвременно покрыто,
И я состарѣлся, не бывши молодымъ.
Желанья, счастіе... казалось, все убито,
Надежды юности разсѣялись, какъ дымъ,
И вотъ я началъ жизнь бродяги, нелюдима.
Однажды, наконецъ, — забыть-ли этотъ мигъ —
Тебя увидѣлъ я, — ты проходила мимо, —
Съ того мгновенія невольно я постигъ
Мнѣ незнакомое дотолѣ наслажденье.
Я бѣгать сталъ тебя. Твои движенья,
Твои слова, улыбка, кроткій взглядъ
Во мнѣ разшевелили новый адъ.
Въ себѣ носилъ я долго пламень затаенный
И изъ Парижа въ край уединенный
Бѣжалъ сюда, и, — чудная судьба! съ тобой
Опять здѣсь встрѣтился. Все той же чистотой
Сіяешь ты теперь. Во мнѣ нѣтъ силы снова
Тебя оставить... нѣтъ, я безраздѣльно — твой.
Вели, приказывай, проговори лишь слово
И все исполню я. Чья жизнь тебѣ нужна?
Моя рука безстрашна и вѣрна —
Я вырву жизнь изъ груди безъ пощады.
Скажи, что хочешь ты?

**Маріонъ** *(улыбаясь)*.

Любить тебя!

**Дидье.**

Мой другъ,
Легко сказать: «люблю»! Такое чувство надо

Глубоко выстрадать, какъ роковой недугъ.
Любовь — когда она слилася съ нашимъ духомъ,
И въ жизнь и кровь вошла, когда она
Для насъ становится и зрѣніемъ и слухомъ,
Владѣетъ разумомъ, когда душа полна·
Одною только ей, — любовь неизмѣрима
И глубока, какъ самый океанъ.
Надежды, молодость и счастіе, все мимо
Пройдетъ для насъ, и язвы старыхъ ранъ
Закроются, — забвенія не знаетъ
Одна любовь, одна любовь переживаетъ
И жизнь и смерть. Ты думала-ль о томъ,
Марія?

**Маріонъ** *(взволнованная).*

Да!

**Дидье.**

О, если бы тайкомъ,
Марія, въ грудь мою ты заглянула,
Ты поняла бъ меня. Вновь счастіемъ пахнуло,
Я снова молодъ, крѣпокъ и силенъ,
Я — въ первый разъ люблю!...

**Маріонъ.**

Какъ былъ несчастливъ онъ!

**Дидье.**

Марія!...

**Маріонъ.**

О, Дидьё, какъ сердце бьется скоро.
Пойми, тебя люблю не меньше я, — клянусь —
Чѣмъ ты меня.

**Дидье** *(падая на колѣни).*

О, Боже! я боюсь
Повѣрить счастію. Душѣ оно такъ ново.
О, говори же мнѣ — ты можешь, ты готова
Любить меня? Скажи, чтобъ вѣрить могъ,
Что здѣсь, у этихъ милыхъ ногъ,
Забывъ года безплодной, долгой муки,
Я буду вѣкъ лежать, твои цѣлуя руки.
Но если все — обманъ...

**Маріонъ.**

Но чѣмъ увѣрить мнѣ
Тебя въ любви своей? Вели — и чѣмъ угодно
Я докажу тебѣ.

**Дидье.**

Ты можешь и вполнѣ
Мнѣ это доказать. Скажи, вѣдь ты свободна,
Ты независима, въ желаніяхъ вольна?

**Маріонъ.**

Я? да, свободна я...

**Дидье.**

Такъ будь ты мнѣ жена,
Сестрой моей, подругой будь...

**Маріонъ** *(въ сторону).*

О, Боже, Боже!
Зачѣмъ я не могу...

Дидье.

Марія! отчего же
Ты смущена, блѣднѣешь такъ, скажи мнѣ...

Маріонъ.

Но...

Дидье.

Я понялъ, наконецъ... И горько, и смѣшно!...
Я — побродяга, нищій безпріютный, нынѣ
Осмѣлился руки твоей просить.
Ты права; я нанесъ ударъ твоей гордынѣ.
Но успокойся же, старайся позабыть
Мои слова, какъ бредъ, какъ шопотъ сновидѣнья,
И даже позабудь, что я тебя любилъ.

*(Хочетъ уйти; Маріонъ его удерживаетъ).*

Маріонъ *(плача).*

О, для чего ты такъ заговорилъ!...

Дидье.

Прости меня, но... блѣдность и смущенье,
Весь трепетъ этотъ...

*(Приближаясь къ ней).*

Выслушай меня. Съ тобой
Мы новый, чудный міръ въ любви откроемъ оба,
Покинемъ родину, оставимъ край родной...
Есть небо лучшее, гдѣ дышетъ все весной,
Гдѣ проживемъ съ тобой мы счастливо до гроба,
И будетъ намъ завидовать весь свѣтъ.

**Маріонъ.**

Мечта прекрасная!

**Дидье.**

Она осуществима.

**Маріонъ** *(въ сторону).*

Несчастная! зачѣмъ...

*(Вслухъ).*

Нѣтъ, невозможно, нѣтъ!...
Моя судьба! какъ ты неумолима!...

*(Вырывается изъ рукъ Дидье и падаетъ на кресла).*

**Дидье** *(холодно).*

Довольно! кончилъ я; вопросъ теперь рѣшенъ:
Отъ первыхъ словъ моихъ вы испугались... скоро!...
Ошибка горькая...

**Маріонъ** *(въ сторону).*

О, если бъ понялъ онъ,
Что плачу я отъ горя, отъ позора.

*(Громко).*

Дидьё, но выслушай! ты честенъ, ты не золъ,
Я не скажу тебѣ...

**Дидье** *(холодно).*

Когда я къ вамъ вошелъ,
Читали книгу вы.

*(Беретъ со стола книгу).*

Могу прочесть названье
*(Читаетъ).*

Что вижу я? Здѣсь имя Маріонъ
Де-Лормъ *(съ горестью)*, которую со всѣхъ сторонъ
Клеймятъ презрѣніемъ! *(съ негодованіемъ бросаетъ книгу на полъ)*. Погибшее созданье!
Блудница наглая!...

**Маріонъ** *(содрагаясь)*.

Опомнитесь!

**Дидье.**

И вы
Читаете о ней? Зачѣмъ здѣсь книга эта?

**Маріонъ.**

Она... нечаянно...

**Дидье.**

Посмѣшище молвы,
Игрушка моднаго, безнравственнаго свѣта!
Вы слышали-ль когда о Маріонъ де-Лормъ?
То дьяволъ самъ въ обличьѣ женскихъ формъ,
Прелестница, взобравшаяся ловко
На пьедесталъ, безстыдная торговка,
Которая, какъ Фрина позднихъ дней,
Торгуетъ красотой плѣнительной своей.

**Маріонъ** *(закрывая лицо руками)*.

О, пощади, Дидьѐ!..

**Дидье.**

Кого жь вы такъ щадите?

*(За окномъ слышенъ шумъ шаговъ, стукъ оружія и голосъ).*

Бездѣльники! Убійцы!

**Дидье** *(съ спокойствіемъ).*

Что за крикъ?
Такъ близко здѣсь...

*(Крикъ продолжается).*

Эй, стража!... помогите!...

**Дидье.**

Убійцы! я бѣгу.

*(Схватываетъ шпагу и хочетъ перепрыгнуть черезъ перила балкона. Маріонъ встаетъ и бѣжитъ за нимъ, стараясь удержать его за плащъ).*

**Маріонъ.**

Остановись на мигъ...
Тебя убьютъ... останься...

**Дидье.**

Но взгляните:
Они зарѣжутъ тамъ несчастнаго!...

*(Выскакиваетъ на улицу).*

Я здѣсь. Смѣлѣй,
Не бойтесь, съ вами я...

*(Стукъ оружія).*

A, негодяи — мало,
Такъ вотъ еще...

*(Стукъ оружія и голоса).*

**Маріонъ** *(у балкона съ ужасомъ).*

О, господи! на двухъ напало
Шесть человѣкъ...

*(Голосъ съ улицы).*

Да это сущій чортъ! Назадъ живѣй,
Назадъ...

*(Шумъ оружія мало-по-малу стихаетъ. Шаги удаляются. Дидье влѣзаетъ на балконъ).*

**Дидье** *(все еще за балкономъ, обращаясь на улицу).*

Они ушли; теперь вы безопасны
И можете идти спокойно.

**Саверни** *(за сценой).*

Вотъ прекрасно!
Но вы спаситель мой, и васъ благодарить
Хочу...

**Дидье** *(съ досадой).*

Напрасный трудъ. Не стоитъ говорить
Объ этомъ намъ. Теперь прощайте.

**Саверни.**

Нѣтъ, напрасно.
Я васъ обнять хочу,—вы слишкомъ ужь горды, —
Я такъ не удалюсь, васъ честью завѣряю.

Дидье.

Послушайте! я васъ избавилъ отъ бѣды,
Но какъ отъ васъ избавится — не знаю:
Зачѣмъ вы здѣсь?

---

## СЦЕНА IV.

Маріонъ, Дидье и Саверни.

Саверни *(вскакиваетъ въ комнату, со шпагой въ рукѣ.)*

Вы странный человѣкъ! Понять
Мнѣ какъ поступокъ вашъ! спасти мнѣ жизнь сначала,
А послѣ отъ себя такъ нелюбезно гнать.
Вы храбры — видѣлъ я, но этого мнѣ мало,
И ваше имя, избавитель мой,
Хочу я знать...

Дидье.

Меня зовутъ Дидье.

Саверни.

Другой
Своей фамиліи сказать вы не готовы?

Дидье *(презрительно)*.

Я спасъ вамъ жизнь сейчасъ, не зная вовсе, кто вы,
А вы справляетесь о званіи моемъ.
Прощайте жь! вотъ окно...

**Саверни.**

Я васъ не понимаю.
Когда-бъ не вы, меня — ручаюсь въ томъ —
Мошенники убили бъ вшестеромъ,
Чортъ ихъ возьми — я это вѣрно знаю.

*(Замѣтивъ Маріонъ, которую до сихъ поръ не видалъ).*

Но извините, я... я вижу помѣшалъ,
Пришелъ не кстати я...

*(Въ сторону).*

Взгляну я, кто-бы это?

*(Приближается къ Маріонъ, которая дрожитъ. Узнаетъ ее. Шопотомъ).*

Какъ это вы! а онъ? теперь я угадалъ.

**Маріонъ** *(тихо).*

О, пощадите же!

**Саверни** *(кланяясь, тихо).*

Не надо мнѣ отвѣта.

**Дидье** *(въ сторону).*

Что за нахалъ такой! какъ смѣетъ дерзко онъ
Ее разсматривать...

*(Рукой сбрасываетъ со стола лампу).*

**Саверни.**

Что съ вами? Вы, признаться...

**Дидье.**

А значитъ, сударь то, что дольше оставаться
Намъ здѣсь нельзя. Теперь пойдемте... вотъ балконъ.

**Саверни.**

За вами я иду.

*(Кланяясь Маріонъ).*

Мой низкій вамъ поклонъ.

**Дидье** *(въ сторону).*

О, жалкій вертопрахъ?...

*(Къ Саверни).*

Вы кончили прощаться?

**Саверни.**

Послушайте, Дидье! Пусть рѣзокъ и суровъ
Со мною вашъ языкъ, пусть колки замѣчанья,
Но вы спасли мнѣ жизнь, и братски я готовъ
Всегда, вездѣ помочь вамъ — дружбой, состояньемъ,
Всѣмъ, что по силамъ мнѣ. Не тратя лишнихъ словъ,
Вотъ карточка моя — взгляните ниже,
Тутъ есть и адресъ мой: Маркизъ-де-Саверни,
Отель де-Несль, извѣстный всѣмъ въ Парижѣ.

**Дидье.**

Благодарю.

*(Выходятъ на улицу чрезъ балконъ голосъ Дидье слышенъ за сценой).*

Теперь ступайте вы одни,
Не по дорогѣ намъ...

---

## СЦЕНА V.

**Маріонъ и Роза** *(входитъ)*.

**Маріонъ** *(указывая Розѣ на окно)*.

Запри скорѣй окошко.

*(Роза затворяетъ окно и, повернувшись, замѣчаетъ слёзы на глазахъ Маріонъ)*.

**Роза** *(въ сторону)*.

Бѣдняжка! — вижу я, — разстроена она.
*(Громко)*.
Сударыня, уснуть пора бы вамъ немножко:
Свѣтаетъ...

**Маріонъ** *(распуская волосы)*.

Ты сама устала и блѣдна.
Пора въ постель. Раздѣнь меня и поскорѣе
Усни!

**Роза** *(раздѣвая Маріонъ)*.

Сударыня, сегодня вы грустнѣе
Обыкновеннаго. Глаза у васъ горятъ...
Чтò этотъ господинъ — вотъ былъ у васъ — богатъ?

**Маріонъ.**

Онъ? нѣтъ!

Роза.

Ну, знатенъ, наконецъ? фамиліи старинной?

Маріонъ.

О, нѣтъ!... И, вѣришь-ли, что цѣлый вечеръ длинный
Ни разу онъ руки моей не цѣловалъ.

Роза.

Такъ въ чемъ же вся бѣда, — волненье, эти слезы?
Такъ чѣмъ же нашъ дикарь милѣе прочихъ сталъ?

Маріонъ.

Пойми, бѣда одна: — его люблю я, Роза!

*(Занавѣсъ опускается).*

Роза.

Ну, знатенъ, наконецъ? фамилiи старинной?

Марiонъ.

О, нѣтъ!... И, вѣришь-ли, что цѣлый вечеръ длинный
Ни разу онъ руки моей не цѣловалъ.

Роза.

Такъ въ чемъ же вся бѣда, — волненье, эти слезы?
Такъ чѣмъ же нашъ дикарь милѣе прочихъ сталъ?

Марiонъ.

Пойми, бѣда одна: — его люблю я, Роза!

(Заливается слезами)

# III.

# МАНФРЕДЪ.

# МАНФРЕДЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА ВЪ 3 ДѢЙСТВІЯХЪ,

БАЙРОНА.

---

**Дѣйствующія лица.**

**Манфредъ**, графъ.
**Горный охотникъ.**
**Аббатъ Св. Морица.**
**Мануэль** } служители Манфреда.
**Германъ** }
**Дѣва горъ.**
**Немезида.**
**Духи.**
**Парки.**

ДѢЙСТВІЕ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ АЛЬПАХЪ: ЧАСТІЮ ВЪ ЗАМКѢ МАНФРЕДА, ЧАСТІЮ ВЪ ГОРАХЪ.

## Дѣйствіе I.

---

### СЦЕНА I.

(Готическая галерея; полночь).

**Манфредъ** *(одинъ)*.

Наполню лампу вновь, но не дождется
Она минуты той, когда засну я.
Мой сонъ не просто сонъ, не просто греза,
Но продолженье мысли безконечной,

Которая ничѣмъ не отразима.
Мой духъ не спитъ; глаза я закрываю,
Чтобъ посмотрѣть, что дѣлается въ сердцѣ...
И я живу, какъ человѣкъ дышу я, —
Во мнѣ его подобіе и образъ!...
Страданіе! ты лучшій нашъ учитель;
Печаль для насъ — глубокая наука.
Кто могъ во все умомъ своимъ проникнуть,
Тотъ истину встрѣчаетъ воплемъ скорби,
И знаніе — ему не древо жизни.
Что въ знаніи? Я былъ мудрецъ, философъ,
Я разгадалъ всѣ таинства природы,
Все необъятное обнялъ мой разумъ —
И все напрасно было. Въ этомъ мірѣ
Я расточалъ добро, я въ людяхъ даже
Добро нашелъ — но это все напрасно...
Встрѣчались мнѣ враги, — не побѣдили
Они меня, но раздавилъ я многихъ —
Напрасно все!... Вокругъ добро и злоба,
Волненья, страсти, все, что сродно людямъ,
Съ минуты неизвѣстной мнѣ, ложилось
На грудь мою, какъ дождь въ пустынѣ мертвой.
Боязнь мнѣ незнакома. Нѣтъ проклятья
Ужаснѣе: не знать движеній страха,
Ласкъ нѣжности, не чувствовать желаній,
Или любви къ кому-нибудь хоть въ мірѣ.
Довольно ждать!
Таинственныя силы!
Вы, призраки незримые вселенной,
Которыхъ я искалъ во тьмѣ и свѣтѣ!
Изъ нѣдръ земли, изъ областей эѳирныхъ,
Изъ омутовъ бездонныхъ океана,
Съ высокихъ горъ, заклятіемъ суровымъ
Я васъ зову! явитесь предо мною!

*(молчаніе.)*

Васъ именемъ первѣйшаго надъ вами
Зову къ себѣ; васъ заклинаю знакомъ,
Который страшенъ вамъ; кляну той силой
Которая безсмертна! выходите!

*(молчаніе.)*

А!... вы противитесь!... Но я заставлю
Повиноваться васъ! могучей властью
И клятвою ничѣмъ неотразимой,
Которой я не испыталъ надъ вами,
Той клятвою, родившейся когда-то
На проклятой, разрушенной кометѣ,
Блуждающей въ безгранномъ царствѣ ада, —
Проклятіемъ, на мнѣ отяготѣвшимъ,
И мыслею, во мнѣ живущей, — духи,
Я васъ зову! явитесь же покорно!

*(Въ темномъ углу галереи показывается звѣзда и останавливается неподвижно. Слышенъ поющій голосъ).*

**Первый Духъ.**

Изъ заоблачнаго міра,
Гдѣ безсмертною весной,
Лишь дыханіе эѳира
Мнѣ служило пеленой,
Гдѣ денница свѣтомъ алымъ
Расцвѣтила мой пріютъ,
Гдѣ душистымъ опахаломъ
Тучки таютъ и плывутъ, —
Зову смертнаго послушный,
Для него, на краткій срокъ,
Я оставилъ свой воздушный,
Свой серебряный чертогъ.
На лучѣ звѣзды блестящей
Я примчался въ этотъ край...
Смертный, помощи просящій,
Что ты хочешь? отвѣчай!

### Второй духъ.

Коронованный горами,
Гдѣ на солнцѣ — снѣгъ румянъ,
Бѣлой тучею закутанъ,
Возвышается Монбланъ.
Станъ его лѣса обвили,
И, теряясь въ облакахъ,
Смертоносныя лавины
Держитъ онъ въ своихъ рукахъ.
Но, когда, порой, надъ міромъ
Онъ подниметъ снѣжный шаръ, —
Я скажу — замретъ на взмахѣ
Заколдованный ударъ.
Прикажу — и мнѣ покорна
Эта масса синихъ льдинъ;
Я велю — летятъ обвалы
Съ ледяныхъ своихъ вершинъ.
Я зовуся горнымъ духомъ,
Захочу — и ихъ хребты
Срыть могу до основанья, —
Такъ чего же хочешь *ты?*

### Третій духъ.

Въ бездонной, прозрачной пучинѣ,
Гдѣ спитъ голубая волна,
Гдѣ ползаютъ гады морскіе,
Гдѣ вѣчно царитъ тишина,
Гдѣ жемчугъ вплетаютъ русалки
Въ зеленыя пряди кудрей,
Стоитъ мой коралловый замокъ.
Я — духъ, я — властитель морей.
Твой вызовъ послушное эхо
Домчало въ мою глубину;

Зачѣмъ же тревожишь меня ты
И сонную будишь волну?

**Четвертый духъ.**

Тамъ, гдѣ подземные раскаты
Земныя нѣдра шевелятъ,
Гдѣ мечетъ бѣшеная лава
Свой огнедышущій каскадъ,
Гдѣ корни Андъ вросли глубоко
И крѣпли многіе вѣка,
А ихъ зубчатыя вершины
Взбѣжали гордо въ облака, —
Тамъ я услышалъ заклинанье,
Къ твоимъ призывамъ не былъ глухъ.
Что нужно дѣлать? Прикажи мнѣ:
Исполнитъ все подземный духъ.

**Пятый духъ.**

Повелитель вѣтровъ, грозъ и бурь великанъ,
Заставлялъ я ревѣть океаны.
Я летѣлъ, а за мною бѣжалъ ураганъ
И мой слѣдъ заметали бураны.
На крылѣ непогоды я мчался сюда
По призыву таинственной власти,
Мнѣ на встрѣчу попались морскіе суда:
Мачты новыя, свѣжія снасти...
Но клянуся, что въ ночь, до восхода зари,
Утоплю корабли я въ пучинѣ...
Смертный! звалъ ты меня, говори жь, говори,
Чѣмъ служить могу смертному нынѣ?

**Шестой духъ.**

Тѣнь мрака, тѣнь ночи ты вызвалъ на свѣтъ,
Зачѣмъ же тревожилъ меня — дай отвѣтъ!

**Седьмой духъ.**

Въ дни первобытнаго и дѣвственнаго міра
Твою планету я зажегъ среди эѳира.

Иной звѣзды съ такимъ прозрачно-чистымъ свѣтомъ
Еще не видѣли на темномъ небѣ этомъ.

Сверкая и блестя, какъ лучшій перлъ вселенной,
Она текла въ выси стезею неизмѣнной,

Но пробилъ казни часъ: сіянье отлетѣло,
И вдругъ проклятіе на ней отяготѣло,

И понеслась она съ своей зловѣщей славой,
Безъ сферы, безъ путей, кометою кровавой,

Чудовищемъ небесъ, позоромъ всей природы,
Своимъ теченіемъ вездѣ страша народы...

И ты, родившійся при свѣтѣ той кометы,
Червякъ ничтожества, сказать что можешь мнѣ ты?...

Тебѣ покоренъ я, я повинуюсь, — знаю, —
Но, повинуяся, тебя я презираю...

Такъ, здѣсь, среди духовъ, склонившихся отъ страха,
Что просишь у меня ты, сынъ земли и праха?

**Хоръ духовъ.**

Звѣзды, воздухъ, горы, вѣтры,
Духи неба и земли,
Смертный! все тебѣ покорно —
Ждешь чего ты? повели!

Манфредъ.

Хочу забвенія.

Первый духъ.

Чего? О чемъ же?

Манфредъ *(указывая на свою грудь)*...

Того, что здѣсь и что назвать нѣтъ звука.
Узнаешь самъ, въ мое взглянувши сердце.

Духъ.

Мы можемъ дать лишь то, что въ нашихъ силахъ.
Проси у насъ владычества надъ міромъ,
Толпу рабовъ, сокровищъ драгоцѣнныхъ,
И надъ природой власти безграничной
Проси у насъ, — все это въ нашей волѣ
И все — твое...

Манфредъ.

Забвенія мнѣ дайте,
Самозабвенія! О, неужели
Его-то и не могутъ дать мнѣ духи?

Духъ.

Его? О, нѣтъ, оно не въ нашей власти,
Но пожелай, и умереть ты можешь.

Манфредъ.

Но смерть сама забвеніе мнѣ дастъ ли?

Духъ.

Безсмертному забвенье незнакомо.
Прошедшее слилось для насъ съ грядущимъ;
Намъ нѣтъ часовъ — у насъ есть только вѣчность.
Вотъ нашъ отвѣтъ.

Манфредъ.

Не смѣйтесь! вы рабы лишь,
Повелѣвать которыми могу я;
Не вамъ шутить надъ непреклонной силой!
Во мнѣ живъ духъ и искра Прометея,
Горящая тѣмъ высшимъ, чистымъ свѣтомъ,
Что вамъ самимъ даетъ существованье.
Я равенъ вамъ, хоть плоть моя изъ праха.
Отвѣтьте же, иль горе непокорнымъ!

Духъ.

Все нами сказано. Ищи отвѣта
Въ своихъ словахъ.

Манфредъ.

Въ словахъ своихъ? зачѣмъ же?

Духъ.

Ты говоришь, что равенъ намъ, а всѣ мы
Такъ созданы, что незнакомы съ чувствомъ,
Которое зовется въ мірѣ смертью.

Манфредъ.

Зачѣмъ же звалъ я васъ, когда помочь мнѣ
Вы не умѣете, иль не хотите?

Проси у насъ возможнаго. Подумай,
Иль отпусти скорѣе. Власть и силу,
Покорность странъ дадимъ мы, если хочешь,
Иль продолженье дней твоихъ...

**Манфредъ.**

Проклятье!
О, будьте прокляты! Что̀ въ вашихъ дняхъ мнѣ?
И безъ того они ужасно длинны.
Идите жь прочь...

**Духъ.**

Не торопись! быть можетъ,
Тебѣ полезны будутъ наши силы,
И новое откроется желанье
Въ твоей душѣ... Подумай же немного.

**Манфредъ.**

Желаній нѣтъ. Но, погодите — прежде,
Чѣмъ пропадете вы, — хоть на минуту
Вы въ образахъ явитесь предо мною.
Звукъ вашихъ голосовъ ловлю я жадно,
Какъ музыку, чарующую въ морѣ,
Но вмѣсто васъ въ пространствѣ вижу ясно
Одну звѣзду — и только. Покажитесь
Передо мной вы въ настоящемъ видѣ.

**Духъ.**

Жильцы стихій, мы формы не имѣемъ,
Но пожелай, и выбери лишь форму —
И предъ тобой мы явимся въ томъ видѣ.

**Манфредъ.**

Гдѣ жъ выбирать? я формъ не видѣлъ въ мірѣ
Достойныхъ отвращенья иль восторга;
Такъ пусть теперь первѣйшій духъ межъ вами
Здѣсь явится въ какой угодно формѣ.

**Седьмой духъ** *(принимая видъ прелестной женщины).*

Я здѣсь. Смотри!...

**Манфредъ.**

О, Боже мой! Когда бы
Прелестный призракъ не былъ лишь обманомъ,
Насмѣшкою фантазіи капризной,
Я былъ бы счастливъ снова... О, позволь мнѣ
Тебя обнять... съ тобою вновь...
*(призракъ изчезаетъ).*
На части
Мнѣ разорвало сердце...

*(Манфредъ падаетъ безъ чувствъ, слышенъ заклинающій голосъ).*

**Голосъ.**

Когда луна въ волнахъ трепещетъ,
Червякъ на листьяхъ засвѣтилъ,
И огонекъ болотный блещетъ,
И тѣни бродятъ вкругъ могилъ,
Когда звѣзда съ небесъ спадаетъ
И эхо чутко повторяетъ
Совиный крикъ, совиный свистъ,
Когда въ вѣтвяхъ не дрогнетъ листъ,
Тогда владѣетъ духъ безсонный
Твоей душою непреклонной. —

Пусть не отходитъ сонъ съ лица,
Но онъ души твоей не тронетъ:
Есть мысли — ихъ никто не сгонитъ,
Есть тѣни — нѣтъ для нихъ конца.
Хранимъ таинственной судьбою,
Наединѣ съ самимъ собою
Ты не пробудешь двухъ часовъ
И, словно ризой облаковъ,
Ты обовьешься властью новой,
Всегда ревнивой и суровой.

***

Хоть не найдетъ меня твой взоръ,
Но ты почувствуешь, что всюду,
Тебѣ во слѣдъ ходить я буду,
Вездѣ безсмѣнно съ этихъ поръ.
Когда жь меня тревожнымъ взглядомъ
Ты не найдешь съ собою рядомъ —
Не довѣряйся силѣ глазъ —
Вблизи скажусь тебѣ тотчасъ
И тайный страхъ твой, обнаружась,
Переродится въ явный ужасъ.

***

Тебя проклятью обрекли
Въ волшебныхъ пѣсняхъ духи міра;
Тебя властители эѳира
Вкругъ, какъ змѣями, оплели,
И вѣтра яростные звуки
Къ тебѣ однѣ приносятъ муки;
Ты до утра въ глухую ночь
Тоски не можешь превозмочь,
Тебѣ денница надоѣла
И солнца лучъ не грѣетъ тѣла.

Изъ слезъ твоихъ я выжму ядъ;
Изъ этой груди непокорной
Я вырву сердце съ кровью черной,
Я выпью твой змѣиный взглядъ,
Съ неумолимой злобой ада;
Сорву съ лица улыбку гада,
Твоею кровью обагрю,
И ядъ убійственный сварю:
Изъ всѣхъ отравъ и ядовъ свѣта
Ужаснѣй всѣхъ отрава эта.

* *
*

Кляну тебя твоимъ же зломъ,
Твоей неправдою безмѣрной,
Твоей улыбкой лицемѣрной,
Лукавымъ, каинскимъ умомъ,
Твоею властію огромной
И добродѣтелью заемной,
Твоей двуличною слезой
Надъ человѣческой судьбой —
Кляну тебя твоимъ же ядомъ: —
Вѣкъ самъ себѣ ты будешь адомъ.

* *
*

Отравой гнусной окропленъ,
Тебѣ мученье сердце сгложетъ,
И смерть сойдти къ тебѣ не можетъ,
И не слетитъ покойный сонъ;
И проклятыя жизни силы
Напрасно будутъ ждать могилы...
Терзая, муча и губя,
Кладу проклятье на тебя.
Конецъ! Свершилось заклинанье:
Живи жь для скорби и страданья!

## СЦЕНА II.

(Гора Юнгъ-фрау; утро).

**Манфредъ** *(одинъ на скалѣ.)*

Я вызывалъ духовъ — они изчезли;
Наука волшебства мнѣ измѣнила,
И вмѣсто благъ дала одни терзанья,
И больше къ ней я прибѣгать не стану.
Что можетъ дать она? Ей непокорно
Прошедшее, а будущее скрыто
Подъ черной тьмой: тутъ знаніе безсильно....
О, мать-земля! ты, утро золотое,
Вершины горъ, зачѣмъ вы такъ прекрасны?
Зачѣмъ теперь любить васъ не могу я?
Ты, солнце лучезарное вселенной,
Равно для всѣхъ готовое на ласки,
Ты сердца моего ужь не согрѣешь....
Вы, скалы дикія! Съ вершины вашей
Передо мною пропасти открыты,
Бѣгутъ ключи въ зіяющія бездны,
И съ высоты, гдѣ голова кружится
При видѣ необъятнаго пространства,
Гигантскій лѣсъ мелькаетъ, какъ кустарникъ....
Одинъ прыжокъ отсюда, шагъ — не больше —
Одно движенье вѣтра — и довольно,
Чтобъ эти скалы стали мнѣ гробницей,
И я бъ уснулъ.... Зачѣмъ же я такъ медлю?
Я смерть зову — но къ ней не йду на встрѣчу,
Хочу прыгнуть, — но недвижимъ стою я,
Прикованный къ скалѣ какой-то властью:
И эта власть меня связала съ жизнью.
А что мнѣ жизнь? Слѣпая немощь духа,
Сознаніе своихъ неправыхъ дѣйствій,

Безсилье зла, безсильнаго на дѣло,
Холодный гробъ, въ который трупъ мой брошенъ...

*(Надъ его головой пролетаетъ орелъ).*

Пернатый царь заоблачнаго царства!
Ты, чье крыло такъ часто видитъ небо,
Не даромъ пролетѣлъ ты надо мною:
Мой прахъ твоей добычей скоро будетъ,
И обращусь я въ ужинъ твой кровавый!..
Но ты опять взвился и потерялся
Тамъ, въ синевѣ небеснаго пространства,
Откуда все твоимъ открыто взорамъ....
А вкругъ такъ хорошо! Все въ этомъ мірѣ
Течетъ спокойно, ровно, безконечно;
А мы — его цари и лже-владыки,
Часть божества въ смѣшеньѣ съ частью праха—
Равно безсильные — подняться къ верху
Иль внизъ упасть, — мы двойственной натурой
Гармонію природы оскорбляемъ.
Въ насъ гордость съ униженьемъ ходитъ рядомъ,
И подлѣ благороднаго порыва
Въ насъ шевелятся низкія желанья.
И, наконецъ, похищенные смертью
Становимся мы тѣмъ, о чемъ не смѣемъ
Признаться и украдкою другъ другу.

*(Вдали слышенъ звукъ рожка).*

Чу! звукъ рожка!... Не миѳъ — патріархальность
Средь этихъ горъ, — здѣсь звукъ простой свирѣли
Несется звонко въ воздухѣ свободномъ,
Сливаясь съ колокольчиками стада.
Мнѣ прямо въ сердце рвутся эти звуки....
О, какъ бы я хотѣлъ летать въ пространствѣ
Живой гармоніей иль пѣсней нѣжной,
Хотѣлъ бы я родиться только звукомъ
И звукомъ же по воздуху растаять.

**Горный охотникъ** *(поднимаясь на скалу)*.

Сюда прыгнула лань. Подъ самымъ носомъ
Она передо мною промелькнула,
И, быстроногая, надула славно,
И вотъ за трудъ опасный, и тяжелый
Останусь я, пожалуй, безъ добычи.
Но что это? Я вижу человѣка,
Достигшаго такихъ вершинъ, которыхъ
Не достигалъ и лучшій нашъ охотникъ.
Но онъ не изъ простыхъ, — одѣтъ богато,
Въ лицѣ — безстрашіе, во взорѣ — гордость
Привыкшаго къ свободѣ гражданина.
Я ближе подойду къ нему....

**Манфредъ.**

Быть вѣчно
Покрытымъ сѣдиною отъ печали,
Расколотымъ, подобно этимъ соснамъ,
Которыя, изломанныя бурей,
Среди ущелій трупами упали.
И быть такимъ, не бывъ такимъ когда-то!...
Глубокія морщины на челѣ мнѣ
Не годы провели, — минуты скорби,
Часы страданій лютыхъ и ужасныхъ.
Вы, скалы снѣжныя, лавины ледяныя,
Которымъ нуженъ только шелестъ вѣтра,
Чтобы низринуть каменныя груды,
Сорвитесь же, и прахъ мой раздавите!
Вокругъ меня вездѣ ревутъ обвалы
Грозой долинъ и рощъ, одѣтыхъ въ зелень,
Пастушескихъ жилищъ, убогихъ хижинъ,
И давятъ тѣхъ, которымъ жить хотѣлось,
Но лишь меня, не трогая, минуютъ.

Охотникъ.

Туманы поднимаются все выше.
Ему я дамъ совѣтъ — съ горы спуститься,
А иначе сломать онъ можетъ шею.

Манфредъ.

Вкругъ ледниковъ. клубясь, плывутъ туманы;
Ихъ сѣрный дымъ взлетаетъ надо мною
Сѣдою пѣной бѣшенаго моря,
Когда отъ рева волнъ весь берегъ стонетъ,
Какъ будто бы отъ вздоховъ человѣка....
Я весь горю....

Охотникъ.

Мнѣ нужно осторожно
Къ нему подкрасться сзади, а не то онъ
Малѣйшимъ шумомъ можетъ быть испуганъ....
Онъ, кажется, дрожитъ теперь....

Манфредъ.

Я знаю:
Бывали дни — и разсыпались горы;
До облаковъ всходившія вершины,
Летѣли въ прахъ, окрестность потрясая
И изрыгая вкругъ себя обломки.
Потоки рѣкъ серебряною пылью
Мгновенно разсыпались, и мгновенно
Себѣ русло другое пробивали!
Такъ пала Розенбергъ-гора когда-то....
Зачѣмъ же тамъ не могъ я быть въ то время,
Чтобы погибнуть въ общемъ разрушеньѣ?...

**Охотникъ.**

Пріятель, берегись! Твой путь опасенъ;
Здѣсь что̀ ни шагъ — опасность предъ тобою.
Прошу тебя: надъ пропастью не стой ты.

**Манфредъ** *(не слушая его).*

Тамъ для себя я тихій гробъ нашелъ бы
И для костей пріютъ нашелъ бы вѣчный.
А вотъ теперь, когда я брошусь въ бездну,
По скаламъ разлетятся эти кости
Игрушкою вѣтровъ и непогоды....
Прощайте жь, небеса! О, не смотрите
Вы на меня теперь съ такимъ укоромъ,
А ты, земля, прими мои останки!

*(Хочетъ броситься со скалы, но охотникъ схватываетъ и удерживаетъ его однимъ движеніемъ).*

**Охотникъ.**

Безумецъ! стой! Хоть жизнь тебѣ постыла,
Но этихъ чистыхъ скалъ не обагряй ты
Своей преступной кровью. Нѣтъ, за мною
Теперь ступай, — тебя я не оставлю.

**Манфредъ.**

Я чувствую, что кровь во мнѣ застыла....
Оставь меня, оставь.... я слабъ.... не вижу
Здѣсь ничего.... вкругъ горы точно пляшутъ....
Но кто ты самъ?...

**Охотникъ.**

Узнаешь это послѣ.
Иди за мной, — вкругъ облака̀ темнѣютъ;

Вотъ такъ, — склонись ко мнѣ теперь, не бойся, —
Сюда, сюда, — на палку опирайся!
Вотъ дерево — рукой схватись за вѣтви,
Дай руку мнѣ, держись за поясъ крѣпче...
Потише, не спѣши, — намъ недалеко
Съ тобой идти; опасность миновалась —
Мы вышли на знакомую тропинку.
Ступай, — вотъ такъ, вотъ такъ... идешь ты
бодро,
Какъ опытный охотникъ. Ну, впередъ же!...

*(Спускается со скалы. Ночь).*

**Конецъ 1-го дѣйствія.**

---

## Дѣйствіе II.

---

### СЦЕНА I-я.

Хижина въ Бернскихъ Альпахъ.

**Манфредъ и горный охотникъ.**

**Охотникъ.**

Нѣтъ, нѣтъ, не торопись, — начать дорогу
Тебѣ нельзя, — ты слабъ еще, безсиленъ.
Покуда отдохни, а тамъ готовъ я
И проводить тебя; скажи лишь только
Куда?...

**Манфредъ.**

Напрасный трудъ! Мнѣ путь извѣстенъ,
И проводникъ не нуженъ будетъ вовсе.

Охотникъ.

По виду твоему и по одеждѣ
Въ тебѣ призналъ я одного изъ знатныхъ
Владѣтелей тѣхъ неприступныхъ замковъ,
Которыхъ много здѣсь. Такъ гдѣ жь твой замокъ?
Я человѣкъ простой — и очень рѣдко
Случалось мнѣ бывать въ парадныхъ залахъ,
Но всѣ тропинки къ нашимъ замкамъ
Я съ дѣтства изучилъ, — лишь укажи мнѣ мѣсто—
Я проведу тебя.

Манфредъ.

Не безпокойся.

Охотникъ.

Прости мнѣ любопытство и вопросы,
И будь повеселѣе хоть немного.
Вотъ выпей моего домашняго вина ты,
Которое не разъ меня спасало
Средь ледниковъ, гдѣ я дрожалъ отъ стужи.
Вино мое тебя согрѣетъ тоже.
Ну, чокнемся!

Манфредъ.

Прочь отъ меня! Не нужно!
Я вижу кровь, кровь по краямъ стакана....
Ужели эта кровь струиться будетъ вѣчно!...

Охотникъ.

Что говоришь? Ты потерялъ разсудокъ.

**Манфредъ.**

Та кровь есть кровь моя — источникъ чистый,
Бѣжавшій въ жилахъ нашихъ древнихъ предковъ
И въ насъ самихъ въ дни юности кипѣвшій...
Когда мы были молоды и чисты,
И сердце въ насъ однимъ желаньемъ билось,
Когда любили сильно мы другъ друга —
Источникъ пролитъ былъ, и капли крови,
Поднявшись вверхъ, забрызгали собою
Всѣ облака, и облака закрыли
Мнѣ путь на небеса и въ ту обитель,
Гдѣ нѣтъ тебя, гдѣ я не буду вѣчно.

**Охотникъ.**

Ты странный человѣкъ. Твое страданье
Быть можетъ тяжело, невыносимо,
Но для тебя осталось утѣшенье
Въ несчастіи: терпѣнье и молитва.

**Манфредъ.**

Терпѣніе, терпѣніе! Вотъ слово,
Которое придумали для вьючныхъ,
Тупыхъ скотовъ, но не для хищныхъ тварей....
Толкуй о томъ другимъ, себѣ подобнымъ, —
Я не похожъ ни въ чемъ на васъ....

**Охотникъ.**

Ей-Богу,
Не помѣнялся бъ мѣстомъ я съ тобою
За славу самаго Вильгельма Телля;
Но ты страдать безъ ропота не можешь:
Въ страданьѣ гнѣвъ безсиленъ и напрасенъ.

Манфредъ.

Но развѣ я не выношу всѣ скорби?
Вѣдь я живу — и этого довольно.

Охотникъ.

Такая жизнь ужаснѣй всѣхъ терзаній.

Манфредъ.

Скажу тебѣ, мой другъ — живу я
Ужь много долгихъ лѣтъ, но эти годы
Не значатъ ничего въ сравненьѣ съ тѣми,
Которые еще прожить мнѣ нужно.
Я буду жить вѣка, всю вѣчность буду
Томиться на землѣ желаньемъ смерти,
И все же смерть сойдти ко мнѣ не смѣетъ.

Охотникъ.

Но по лицу твой ранній возрастъ виденъ.
Ты — среднихъ лѣтъ, а я гораздо старше....

Манфредъ.

Ты думаешь, что наша жизнь зависитъ
Отъ времени? Нѣтъ, мы отъ дѣлъ старѣемъ.
Мои дѣла моимъ существованьемъ
Владѣли постоянно; дни и ночи
Отъ нихъ до безконечности тянулись
И стали такъ похожи межъ собою,
Какъ мелкія песчинки средь пустыни.
Жизнь для меня — пустынный дикій берегъ,
Гдѣ стонутъ волны, пылью разсыпаясь,

И изъ себя выбрасываютъ только
Обломки скалъ и бѣлые скелеты....

**Охотникъ.**

Рехнулся онъ; его я не оставлю.

**Манфредъ.**

О, еслибъ я съ ума сошелъ? Тогда бы
Мои видѣнья были только бредомъ.

**Охотникъ.**

Что жь видишь ты, иль думаешь, что видишь?

**Манфредъ.**

Я вижу самого себя, и рядомъ
Тебя съ собою вижу я, охотникъ.
И вижу твой гостепріимный домъ я,
Твой кроткій духъ, терпѣнье, силу вѣры,
Твое здоровье, сонъ покойный ночью,
Опасные труды, оружіе охоты,
Не видѣвшее крови преступленій,
А въ будущемъ — незлобливую старость
Съ душистыми цвѣтами на могилѣ,
Которую оплачутъ горько внуки, —
Все это вижу я; въ себѣ жь самомъ я
Не вижу ничего. Во мнѣ убиты
Давно надежды, мысли и желанья.

**Охотникъ.**

А ты бъ хотѣлъ со мною помѣняться
Своею участью?

**Манфредъ.**

О нѣтъ, не думай!
Я на обманъ подобный неспособенъ.
И ни съ однимъ изъ смертныхъ не хотѣлъ бы
Мѣняться долею. Существованье,
Которое нести лишь мнѣ по силамъ,
Другихъ убило бы и въ самой грезѣ,
И мукъ моихъ въ минутномъ сновидѣньѣ
Не вынесъ бы никто.

**Охотникъ.**

Но ты скажи мнѣ:
Съ участіемъ къ судьбѣ несчастныхъ,
Ужели могъ тяжелымъ преступленьемъ
Ты запятнать себя? Нѣтъ, я не вѣрю!
Съ такой душой едва ли ты способенъ
Убить врага изъ ненавистной мести.

**Манфредъ.**

О, нѣтъ, — мои проклятія ложились
На тѣхъ людей, которыхъ лишь любилъ я,
Которые меня любили тоже.
Враговъ я не щадилъ лишь только въ битвѣ,
Для нихъ я въ жизни вовсе не былъ страшенъ,
Но былъ, какъ ядъ, ужасенъ и смертеленъ
Мой поцѣлуй для тѣхъ, кого любилъ я.

**Охотникъ.**

Пусть Богъ спасетъ тебя и успокоитъ,
Раскаяньемъ смиривъ и умъ и сердце;
Я жь за тебя молиться буду небу.

**Манфредъ.**

Оставь; не нужны мнѣ твои молитвы,
Участіе жь твое не отвергаю.
Прощай; вотъ золото — не откажи же
Мнѣ въ благодарности, но вслѣдъ за мною
Не слѣдуй ты — дорога мнѣ знакома, —
Прошу опять — за мною не ходи ты.

*(Уходитъ).*

---

## СЦЕНА II.

(Низменная долина въ Альпахъ. Водопадъ).

**Манфредъ.**

До полдня далекò еще, а солнце
Зажгло огнями брызги водопада
И разноцвѣтной радугою блещетъ,
А со скалы серебрянымъ каскадомъ
Бѣжитъ потокъ, сверкая млечной пѣной,
Какъ бѣлый конь съ своей косматой гривой,
Волшебный конь, несущій призракъ смерти.
И я одинъ въ прекрасномъ мѣстѣ этомъ
Любуюся картиной водопада.
Но дѣву горъ я вызову — и съ нею
Еще полнѣе будетъ наслажденье.
Зову ее…:

*Зачерпываетъ на ладонь нѣсколько капель воды и бросаетъ ихъ въ воздухъ, произнося заклинанія. Дѣва горъ является въ радугѣ водопада.*

Духъ чистый и прелестный!
Твой ясный взоръ и кудри золотыя,
И этотъ станъ, божественныя формы,
Напомнившія мнѣ земныхъ красавицъ —
Ихъ красоты изящный первообразъ, —
И щекъ твоихъ румянецъ вѣчно яркій,
Какъ цвѣтъ щеки невиннаго ребенка
У матери заснувшаго съ улыбкой, —
Какъ отблескъ розовый, которымъ солнце
Румянитъ снѣгъ на ледникахъ прозрачныхъ
Въ часъ вечера, когда земля стыдливо
Цѣлуется зорею съ небесами, —
Все, все въ тебѣ одной соединилось
Въ какія-то божественныя чары,
И радуга, сверкающая въ краскахъ,
Теряется, блѣднѣя предъ тобою!
Прелестный духъ, котораго безсмертье
Я на челѣ божественномъ читаю!
Прости меня за то, что я, сынъ праха,
Дерзающій бесѣдовать съ духами,
Тебя рѣшился вызвать силой власти,
Которая не всѣмъ дается въ мірѣ.

**Дѣва горъ.**

Кто ты, я знаю, смертный, — знаю также,
Гдѣ почерпнулъ ты силу власти тайной.
Я знаю: мысль тебя терзаетъ вѣчно;
Добро и зло твои волнуютъ страсти
Съ одною силою; всегда страдая,
И въ жизнь другихъ ты вносишь лишь страданья.
Ты звалъ меня; скажи — чего же хочешь?

Манфредъ.

Взглянуть на красоту твою — и только.
Жилецъ земли — на ней я обезумѣлъ
И сталъ искать внутри ея — отвѣта,
Проникъ въ прiютъ духовъ ея подземныхъ,
Но мнѣ они помочь не въ состоянье,
Чего просилъ — мнѣ дать они не въ силахъ.
Теперь отъ нихъ не жду ужь ничего я.

Дѣва горъ.

Но развѣ есть такая просьба, смертный,
Которой духи могутъ не исполнить?

Манфредъ.

Да, есть одна.... Но для чего же буду
Я говорить! вѣдь это безполезно.

Дѣва горъ.

Для насъ неисполнимыхъ нѣтъ желанiй.
Скажи мнѣ все....

Манфредъ.

Хоть это будетъ трудно,
Но я скажу: мнѣ скорбь моя дастъ силы.
Отъ раннихъ лѣтъ съ людьми я не сходился;
Ихъ взглядъ — мнѣ былъ чужой; ихъ честолюбье
Житейское меня не волновало;
Цѣль жизни ихъ мнѣ не служила цѣлью.
Мои страданья, радости, желанья
Съ людскими расходились постоянно.

Хотя носилъ я образъ человѣка,
Но между мной и братьями земными
Симпатій не было, и въ цѣломъ мірѣ
Я близкаго не находилъ созданья....
Была одна.... о ней скажу я послѣ....
Такъ, бѣгая людей вездѣ, въ пустыни
Я уходилъ, взбирался на вершины
Высокихъ скалъ, увѣнчанныхъ снѣгами,
И упивался воздухомъ нагорнымъ,
Гдѣ птица вить гнѣзда себѣ не смѣетъ,
Гдѣ никогда по голому граниту
Не бились крылья слабыхъ насѣкомыхъ;
А иногда кидался я въ пучину
Кипучихъ волнъ сердитаго потока
И прихотямъ волны я отдавался;
То по ночамъ любилъ смотрѣть я въ небо,
Теченье звѣздъ далекихъ наблюдая
Или слѣдя за блескомъ яркихъ молній;
То я любилъ, подъ плачъ вѣтровъ осеннихъ
Смотрѣть, какъ листья желтые летаютъ.
Такъ жизнь моя и юность проходили;
Когда жь, порой, мнѣ люди попадались —
Я собственнымъ ничтожествомъ томился
И самъ себя я чувствовалъ тѣмъ прахомъ,
Въ который обратятся эти люди.
Тогда сходилъ я въ темныя пещеры,
Въ жилище смерти, и ея начало
Я разгадать старался на могилахъ,
Гдѣ черепа съ скелетами нѣмыми
Загробныя мнѣ раскрывали тайны;
Я много лѣтъ наукѣ предавался,
Таинственной, магической наукѣ,
Теперь забытой всѣми. Рядъ тяжелыхъ
И страшныхъ испытаній и лишеній,
Упорный трудъ среди ночей безсонныхъ

Мнѣ дали власть приказывать стихіямъ,
Повелѣвать незримыми духами
И проникать въ невѣдомую вѣчность,
Подобно древнимъ магамъ знаменитымъ
Иль мудрецу, умѣвшему въ Гадарѣ
Вдругъ вызвать, какъ тебя я вызвалъ нынче,
Изъ волнъ морскихъ незримаго Эроса....
Такъ съ знаніемъ росла и жажда знанья,
Мой гордый умъ блисталъ такою силой,
Такою властью, что....

**Дѣва горъ.**

Что? продолжай же.

**Манфредъ.**

Мнѣ тяжело тревожить раны сердца,
А потому я длилъ разсказъ нарочно
И съ умысломъ себя превозносилъ я....
Но, продолжаю дальше. Въ цѣломъ свѣтѣ
Я близкихъ не имѣлъ, не зналъ любимыхъ
Отца и мать, любовницу иль друга,
Съ которыми я былъ бы чувствомъ связанъ,
И если бы такихъ я даже встрѣтилъ,
Я въ нихъ бы не повѣрилъ.... Только въ жизни
Была одна.... она....

**Дѣва горъ.**

Будь безпощаденъ
Къ себѣ и продолжай....

**Манфредъ.**

Она похожа
Была со мной — во многомъ. Тотъ же голосъ,

Черты лица, глаза, и тѣ же кудри,
Но только все сверкало красотою
Особенной, которой нѣтъ сравненья.
Какъ и во мнѣ, въ ней мысли были тѣ же —
Далекія отъ міра; съ той же жаждой
Она наукѣ тайной предавалась,
И умъ ея пытливый, столь же сильный
Могъ властвовать надъ цѣлою вселенной,
Но были въ ней та мягкость, состраданье,
Которыхъ не имѣлъ я; были слезы,
Мнѣ незнакомыя; та нѣжность сердца,
Лишь для нея которую сберегъ я,
А въ ней для всѣхъ она была открыта.
Ея ошибки были и моими,
Но добродѣтели принадлежали
Одной лишь ей. Любя ее безумно,
Я погубилъ ее.

**Дѣва горъ.**

Своей рукою?

**Манфредъ.**

Нѣтъ, не рукой, но сердцемъ ядовитымъ
Разбилъ я это любящее сердце
И изсушилъ. Я пролилъ кровь чужую,
Но не ея, а все же пролилася
И эта кровь... Не въ силахъ былъ спасти я,
Хоть видѣлъ все...

**Дѣва горъ.**

И вотъ, для тѣхъ ничтожныхъ
Тобою презираемыхъ созданій,

Ты, просвѣтлённый мудростью науки
И, чрезъ науку, равный съ нами, хочешь
Для слабаго созданія земного,
Пренебрегая знаніемъ высокимъ,
Въ ничтожество земное обратиться!
Ты думалъ ли о томъ?

**Манфредъ.**

О, дочь эѳира!
Я говорю тебѣ, что съ той минуты...
Но что слова?... одни пустые звуки!
Но еслибъ ты была всегда со мною,
Во снѣ и на яву, то ты узнала бъ,
Что злыя фуріи мое уединенье
Уже давно, давно не покидаютъ.
Я скрежещу зубами темной ночью
И утра дожидаюсь; — день настанетъ,
И день я проклинаю вплоть до ночи.
Я умолялъ, чтобы угасъ мой разумъ, —
Мнѣ отказали въ просьбѣ этой; съ воплемъ
Бросался я не разъ на встрѣчу смерти,
Въ борьбѣ стихій искалъ себѣ могилы;
Но разступались волны океана
Передо мной покорными рабами,
И гибель отъ меня бѣжала всюду.
Мой злобный духъ безжалостной рукою
На волоскѣ держалъ меня, но волосъ
Нигдѣ и никогда не разрывался;
Искалъ обмана я въ воображеньѣ,
Въ мечтахъ своихъ, въ фантазіи капризной,
Но тѣ мечты тревожныя, какъ волны
На берегу морскомъ въ часы прилива,
Меня кидали въ бездну темной мысли.
Бросался я и въ міръ, на встрѣчу къ людямъ,
Межъ нихъ искалъ хоть краткаго забвенья —

И не нашелъ. Все знанье, все искусство,
Добытыя тяжелыми трудами,
Все это вздоръ... По прежнему живу я
Съ отчаяньемъ — и нѣтъ ему исхода.

Дѣва горъ.

Я, можетъ быть, помочь тебѣ могла бы?

Манфредъ.

Но для того должна ты вызвать мертвыхъ
Иль къ нимъ теперь меня свести въ могилу.
Что жь! я готовъ на новое страданье,
Когда бъ оно послѣднимъ только было...

Дѣва горъ.

Не властна въ этомъ я, но, если хочешь,
Чтобы сбылись теперь твои желанья —
Дай клятву мнѣ во всемъ повиноваться.

Манфредъ.

Повиноваться? мнѣ? духамъ подвластнымъ?
Рабамъ, обязаннымъ служить мнѣ всюду?
Нѣтъ? никогда предъ ними не склонюсь я.

Дѣва горъ.

Ты такъ рѣшилъ? Но погоди немного, —
Одумайся.

Манфредъ.

Я все сказалъ.

**Дѣва горъ.**

Мнѣ можно
Тебя теперь оставить?

**Манфредъ.**

Можешь.

*(Дѣва горъ изчезаетъ).*

**Манфредъ.**

Всѣ мы —
Игрушка времени и страха. Годы
Проходятъ передъ нами незамѣтно,
Но каждый годъ хоть что-нибудь уноситъ
Отъ насъ, — и мы живемъ, скучая жизнью,
И смерти опасаясь. Жизни иго
Насъ тяготитъ то радостью больною,
То скорбью безконечной, то проклятьемъ
Въ прошедшемъ и грядущемъ; не имѣемъ
Мы настоящаго, и нѣтъ минуты,
Въ которую — мы смерти не желали бъ,
Но предъ которой все-таки трепещемъ,
Боясь ея холодной, мертвой ласки;
Хоть одного мгновенія довольно,
Чтобъ кончить съ жизнью разомъ. Остается
Мнѣ лишь одно теперь — поднять изъ гроба
Покойниковъ — и ждать отъ нихъ отвѣта:
Чего боимся мы по смерти? Скажутъ,
Быть можетъ, намъ: могилы! Что же? это
Не страшно мнѣ... А если не отвѣтятъ?
Но вѣдь пророкъ умершій отвѣчалъ же
По вызову волшебницы Эндорской;
Спартанскій царь свой приговоръ услышалъ

Изъ предсказанья дѣвы византійской;
Вотъ эта рѣчь: «онъ ту сгубилъ жестоко,
Которую любилъ, и безъ прощенья
За то погибъ, хоть призывалъ къ себѣ онъ
Фиксійскаго Юпитера на помощь,
Хоть умолялъ волшебниковъ Аркадскихъ —
Просить себѣ прощенья и пощады
Въ мольбахъ передъ разгнѣванною тѣнью».
То предсказанье темное сбылося...
О, если бъ нѐ жилъ я, она жила бы
Еще теперь; когда бы не любилъ я,
То ты, моей убитая любовью,
Еще бъ жила, сіяла и любила,
Неся другимъ и счастіе и ласки...
А что она теперь? Святая жертва,
Страдалица чужого преступленья,
Иль то, о чемъ сказать себѣ боюсь я,
Иль, наконецъ, ничто? О, скоро, скоро,
Мои сомнѣнья разлетятся дымомъ,
Я жду со страхомъ роковаго часа,
Хоть предъ духами добрыми и злыми
Я не дрожалъ, но трепещу теперь я,
И тайный холодъ мнѣ сжимаетъ сердце...
Но надъ собой я власть еще имѣю
И прогоню свой страхъ и ужасъ тайный...
Я буду ждать. Ужь ночь плыветъ по небу.

## СЦЕНА III.

(Вершина горы Юнгъ-фрау).

**Первая парка.**

Румяный мѣсяцъ на небѣ зажегся.
Здѣсь по ночамъ, слѣдовъ не оставляя,
Блуждаемъ мы по тѣмъ вершинамъ снѣжнымъ,
Гдѣ смертный не ступалъ своей ногою.
Здѣсь, гдѣ стоятъ прозрачныя лавины,
Какъ волны вверхъ взлетѣвшія и разомъ
Застывшія отъ леденящей стужи,
Здѣсь, на скалáхъ, разбросанныхъ капризно
Землетрясеньями, здѣсь, по уступамъ,
Гдѣ облака, порою, отдыхаютъ, —
Мы сходимся для тайныхъ совѣщаній.
Здѣсь, въ эту ночь сберутся наши сестры,
Чтобъ поспѣшить на праздникъ Аримана,
Въ его чертогъ... Но что жь онѣ такъ медлятъ?

*(Слышны голоса, поющіе въ отдаленіи).*

**Первый голосъ.**

Съ престола низвергнутъ злодѣй,
Готовый на всѣ преступленья;
Онъ, міромъ забытый, лежалъ,
Лежалъ онъ въ цѣпяхъ безъ движенья.
Я съ рукъ его цѣпи сняла,
Шепнула злодѣю о волѣ,
Дала ему армію я —
И снова тиранъ на престолѣ...
И мнѣ за услугу
Отплатитъ злодѣй

Погибелю многихъ
И многихъ людей.
Онъ царства разрушитъ,
Погубитъ народъ,
И самъ на обломкахъ
Безславно падетъ.

**Второй голосъ.**

Плылъ корабль по волнамъ, — я его стерегла,
Мачты вырвала вонъ, — паруса сорвала,

* *
*

И теперь не найдти отъ всего корабля
Ни кормы, ни доски, ни снастей, ни руля.

* *
*

И не спасся никто изъ пловцовъ, чтобъ взглянуть,
Какъ пловцы будутъ въ темной пучинѣ тонуть.

* *
*

Одному лишь изъ нихъ утонуть не пришлось:
Я его удержала за пряди волосъ,

* *
*

И оставила жить на порокъ, на развратъ:
Онъ разбойникъ — на сушѣ, а въ морѣ — пиратъ.

* *
*

И за то, что его я отъ смерти спасла
Многихъ кровь онъ прольетъ, много сдѣлаетъ зла.

**Первая парка.**

Спалъ городъ во мракѣ;
Разсѣялась мгла, —

И тучей зараза
На городъ легла;
Не слышно свершала
Зловѣщій обходъ, —
И мертвой рукою
Давила народъ.
Отъ друга больного
Здоровый бѣжитъ,
Но всюду зараза
Его сторожитъ.
Надъ цѣлой страною
Тоска и испугъ, —
И дрогнуло царство,
И рушится вдругъ.
Незримая въ мірѣ,
Я въ мірѣ прошла
И синіе трупы
Въ могилы несла.
Такъ цѣлую вѣчность
Я буду летать,
И смертнымъ лобзаньемъ
Людей усыплять.

*(Входятъ вторая и третья парки).*

**Тріо.**

Сердца людей у насъ во власти, —
Гдѣ мы пройдемъ — тамъ смерть ихъ ждетъ;
Мы жизнь даемъ имъ, и отъ нихъ же
Жизнь отнимаемъ въ свой чередъ.

**Первая парка.**

Всѣ собрались. Но гдѣ же Немезида?

Вторая парка.

Навѣрно занялася важнымъ дѣломъ
Она теперь, — какимъ же? — я не знаю,
Я и сама безъ дѣла не дремала.

Третья парка.

Смотрите, вотъ идетъ она!
*(Входитъ Немезида).*
Скажи намъ,
Гдѣ ты была? Сегодня всѣ мы поздно
Здѣсь собрались.

Немезида.

Я власти воскрешала,
Людьми убитыя; земнымъ тиранамъ
Развязывала руки; съ чувствомъ мести
Знакомила я сердце человѣка,
А послѣ мщеньемъ собственнымъ пугала.
Вездѣ съ ума сводила мудрецовъ я,
На дураковъ навѣсила оковы,
И новые разставила кумиры
Въ замѣну идоловъ, пришедшихъ въ ветхость,
Къ которымъ ужь давно привыкли люди, —
Невольники, скучающіе рабствомъ,
Свою судьбу клянущіе повсюду
И всѣ вкусить желающіе жадно
Запретный плодъ общественной свободы.
Но намъ пора. На облака — и мчимся!

## СЦЕНА IV.

(Чертоги Аримана).

*(Ариманъ сидитъ на тронѣ своемъ — огненномъ шарѣ, окруженный духами).*

**Гимнъ духовъ.**

Хвала властелину земли и эѳира!
Онъ тучами правитъ, онъ воды мутитъ,
Въ рукѣ его скипетръ стихій всего міра —
Онъ въ хаосъ по слову весь міръ обратитъ.
Дохнетъ онъ — и море застонетъ отъ бури,
Велитъ онъ — и молніи небо зажгутъ,
Онъ взглянетъ на солнце — и въ ясной лазури
Отъ солнца лучи золотые спадутъ.
Идетъ онъ — и лаву волканы бросаютъ,
Обвалы несутся и горы дрожатъ,
Чума и заразы его провожаютъ,
Надъ нимъ постоянно кометы горятъ.
Онъ ходитъ надъ міромъ великій, спокойный,
И смерть ему мертвыя дани несетъ,
И жертвы готовятъ кровавыя войны,
И путь поливаетъ слезами народъ.

*(Входятъ Парки и Немезида).*

**Первая парка.**

Да здравствуетъ нашъ Ариманъ великій!
Все на землѣ покорно Ариману;
Исполнили мы всѣ желанья.

**Вторая парка.**

Да здравствуетъ нашъ Ариманъ! Предъ трономъ
Его весь міръ склонился раболѣпно.

**Третья парка.**

Да здравствуетъ нашъ Ариманъ великiй!

**Немезида.**

Твои мы, царь царей, и все, на свѣтѣ
Живущее, покорно нашей волѣ.
Но, чтобъ твою и нашу власть возвысить,
Мы на услуги новыя готовы.
Приказывай, — а все, что было прежде
Намъ велѣно, мы совершили точно.

*(Входитъ Манфредъ.)*

**Духъ.**

Кто это? Смертный? Дерзкое творенье!
Боготвори, упавши на колѣни!

**Второй духъ.**

Его я знаю; выше всѣхъ людей онъ
Волшебной властью и великимъ знаньемъ.

**Третiй духъ.**

Презрѣнный рабъ, склонись предъ Ариманомъ!
Онъ твой и нашъ владыка! Повинуйся
Ему теперь...

**Всѣ духи вмѣстѣ.**

Сынъ праха! въ прахъ пади ты,
Иль трепещи.

Манфредъ.

Я знаю, знаю это,
Но не склонюсь...

Четвертый духъ.

Такъ мы тебя научимъ....

Манфредъ.

О, этому ужь я наученъ въ мірѣ.
Я много лѣтъ привыкъ во прахѣ ползать
И, голову посыпавъ пепломъ, часто
Передъ своимъ отчаяньемъ я падалъ,
Склонялся ницъ передъ своею скорбью.

Пятый духъ.

Но какъ же здѣсь, предъ трономъ Аримана,
Который заставлялъ дрожать всю землю,
Не хочешь покориться ты? Смирись же...

Манфредъ.

Скажи, чтобъ онъ склонился вмѣстѣ съ нами
Передъ Творцемъ могучимъ и всесильнымъ,
Не для того создавшимъ Аримана,
Чтобъ мы его боготворили.

Духи.

Дерзкій!
На части разорвемъ его...

Первая парка.

Постойте!
Онъ мой!... Нашъ повелитель! Въ этомъ смертномъ
Ты видишь не простого человѣка,
И межъ людей такіе люди рѣдки:
Его страданья вѣчны, какъ и наши;
Въ немъ есть тѣ знанья, сила та и воля,
Которыя для смертныхъ недоступны,
И намъ, духамъ, онъ сталъ во многомъ равенъ.
Хоть мысль его во все теперь проникла,
Но не нашелъ онъ счастья въ знаньѣ этомъ,
И онъ его считаетъ переходомъ
Отъ одного невѣжества къ другому,
Еще сильнѣйшему. Свобода, страсти,
Которыми во всей вселенной дышатъ
Всѣ существа — отъ духа и до червя, —
Въ его душѣ глубоко отразились
И жизнь его на столько отравили,
Что я, не понимая состраданья
Ни для кого, прощаю тѣхъ, кто станетъ
Ему сочувствовать. Онъ мой, и также
Твоимъ быть можетъ,—такъ иль нѣтъ, — но знай ты,
Что въ области духовъ, тебѣ подвластныхъ,
Мы не найдемъ души ему подобной,
И что надъ нимъ мы не имѣемъ власти.

Немезида.

Но для чего жь онъ здѣсь?

Первая парка.

На это самъ онъ
Отвѣтитъ намъ.

**Манфредъ.**

Вамъ власть моя извѣстна,
Я безъ нея не могъ бы быть межъ вами,
Но есть въ природѣ силы выше вашихъ,
И я отъ нихъ-то жду теперь отвѣта.

**Немезида.**

Чего же хочешь ты?

**Манфредъ.**

Нѣтъ, ты не можешь
Отвѣтить мнѣ, но мертвую изъ гроба
Ты вызови, и мнѣ она отвѣтитъ.

**Немезида.**

Великій Ариманъ! Ты разрѣшишь ли
Исполнить просьбу эту?

**Ариманъ.**

Разрѣшаю.

**Немезида.**

Кого жь изъ мертвыхъ хочешь воскресить ты?

**Манфредъ.**

Ее одну, уснувшую безъ гроба,
Астарту вызови...

**Немезида.**

Тѣнь ли незримая,
Духъ ли гробовъ,
Сбрось на мгновеніе

Смерти покровъ.
Въ прахъ обращенная
Сила, проснись,
Съ прежними формами
Смѣло явись.
Жизнь отлетѣвшую
Ты улови,
Сердце заснувшее
Вновь оживи.

*(Призракъ Астарты поднимается и останавливается посреди духовъ.)*

**Манфредъ.**

Ужели это смерть? Не вѣрю... Силы жизни
Играютъ на щекахъ ея румянцемъ...
Но, нѣтъ, обманчивъ призракъ твой, Астарта,
И краска щекъ съ больною красотою
Есть осени мертвящія румяны
На листьяхъ пожелтѣвшихъ и увядшихъ...
И это ты? О, Боже! отчего я
Въ глаза смотрѣть боюсь ей? Ты, Астарта!..
Я не могу сказать ей даже слова...
Велите жь ей заговорить со мною,
Назначить мнѣ иль казнь, или прощенье...

**Немезида.**

Повинуйся тайной власти,
Духъ твой вызвавшей изъ тьмы,
И теперь давай отвѣты
Ты на все, что спросимъ мы.

*(Молчаніе.)*

**Манфредъ.**

Она молчитъ, но мнѣ ея молчанье
Теперь понятнѣй всякаго отвѣта.

Немезида.

Здѣсь власть моя безсильна. Царь эѳира!
Одинъ лишь ты приказывать ей можешь.

Арманъ.

Тѣнь! говори! Вотъ скипетръ — повинуйся!

Немезида.

Опять молчитъ. Инымъ духамъ и силамъ
Подвластная, она отвѣтитъ только.
Нѣтъ, смертный, здѣсь твоя напрасна просьба:
Тебѣ помочь — мы не имѣемъ власти.

Манфредъ.

Молю тебя, Астарта, отвѣчай мнѣ.
Я такъ страдалъ, я такъ теперь страдаю...
Взгляни же на меня: ты и въ могилѣ
Не измѣнилась такъ, какъ измѣнился
Я за тебя, живя на этомъ свѣтѣ.
Да, мы любили сильно и безумно;
Любовь такая хуже преступленья,
А для того ль мы созданы съ тобою,
Чтобъ истерзать другъ друга и измучить?
Скажи же, что меня не проклинаешь,
Что я одинъ наказанъ за обоихъ,
И что тебѣ назначено блаженство,
А мнѣ — забвенье смерти. Въ этомъ мірѣ
Все ненавистное соединилось,
Чтобъ безконечно жить меня заставить
Съ неотразимой мыслью о безсмертьѣ,
Которое одной сковало цѣпью

Прошедшее съ грядущимъ. Нѣтъ покоя
Моей душѣ; хочу чего — не знаю,
Не знаю я — чего ищу, и только
Лишь чувствую — кто я, — кто ты... Астарта!
Пока я не погибъ, хоть разъ хотѣлъ бы
Услышать вновь твой голосъ музыкальный.
О, говори жь со мной! Нерѣдко ночью
Я вызывалъ тебя, въ зеленыхъ рощахъ
Будилъ заснувшихъ птицъ своимъ призывомъ,
Пугалъ въ горахъ дремавшую волчицу;
Я научилъ въ пещерахъ темныхъ эхо
За мною повторять Астарты имя —
И эхо мнѣ покорно отвѣчало, —
Мнѣ отвѣчало все — природа, люди,
По мановенью духи откликались,
Лишь ты одна отвѣтить не хотѣла.
Ужель теперь твой не услышу голосъ?
Я по землѣ блуждалъ, но я ни разу
Не встрѣтилъ на землѣ тебѣ подобной.
О, говори жь со мной! Смотри: вотъ духи,
*Они* ко мнѣ почувствовали жалость;
Но я ихъ не боюсь, и это сердце
Наполнено одною лишь тобою.
Проговори хоть къ гнѣвѣ что нибудь мнѣ,
Позволь хоть разъ тебя послушать!

**Призракъ Астарты.**

Манфредъ!

**Манфредъ.**

О, говори!,.. Твой слышу голосъ!...
Я весь живу въ тѣхъ звукахъ... Говори же...

Призракъ Астарты.

Манфредъ! Конецъ твоимъ страданьямъ — завтра!
Прощай!...

Манфредъ.

Постой! еще лишь только слово:
Простила ль ты меня?

Призракъ Астарты.

Прощай!

Манфредъ.

Лишь слово
Прощенія! Что я любимъ — скажи мнѣ.

Призракъ Астарты.

Манфредъ!

*(Призракъ Астарты изчезаетъ).*

Немезида.

Она изчезла и не можетъ
Быть вызвана, но что она сказала —
То сбудется. Иди жъ опять на землю.

Духъ.

Душа его страдаетъ... Вотъ, что значитъ
Быть смертнымъ и проникнуть смѣлой мыслью
Въ познаніе таинственнаго міра.

**Другой духъ.**

Но, посмотри, какъ онъ превозмогаетъ
Свое страданье, волѣ подчиняя,
И если бы, какъ духи, былъ онъ созданъ,
То сталъ бы величайшимъ самымъ духомъ.

**Немезида.**

О чемъ еще теперь спросить желаешь?
У насъ или у нашего владыки?

**Манфредъ.**

Ни слова болѣе.

**Немезида.**

И такъ на время
Пока прощай!

**Манфредъ.**

Увидимся мы снова?
Гдѣ? на землѣ? мнѣ все равно, гдѣ хочешь.
Но я вамъ всѣмъ глубоко благодаренъ
За помощь, а теперь пока прощайте.

*(Манфредъ уходитъ).*

КОНЕЦЪ II-ГО ДѢЙСТВІЯ.

## Дѣйствіе III.

### СЦЕНА I-я.

(Зала въ замкѣ Манфреда.)

**Манфредъ и Германъ.**

**Манфредъ.**

Который часъ?

**Германъ.**

Ужь до заката солнца
Осталося не много; вѣрно, нынче
Прекрасный будетъ вечеръ.

**Манфредъ.**

Все ли въ башнѣ
По моему желанію готово?

**Германъ.**

Готово, графъ! Вотъ ключъ и вотъ шкатулка.

**Манфредъ.**

Теперь ты можешь, Германъ, удалиться.

*(Германъ уходитъ.)*

**Манфредъ** *(одинъ).*

Кругомъ меня здѣсь тишина такая,
Какой еще не испыталъ я въ жизни...

Когда бы я не твердо былъ увѣренъ,
Что философія — пустая сказка
И риторовъ безсмысленная фраза,
Которой прежде я бывалъ обманутъ, —
Я бъ думать могъ, что философскій камень
И тайна золота открыты мною;
Но мой обманъ не можетъ долго длиться,
Хоть впрочемъ, испытать его полезно.
Меня онъ ознакомилъ съ чувствомъ новымъ,
И что такое чувство существуетъ,
Я запишу теперь себѣ на память..
Кто здѣсь?

**Германъ** *(входитъ.)*

Васъ, графъ, теперь желаетъ видѣть
Аббатъ Святаго Мориса.

*(Входитъ аббатъ Св. Мориса.)*

**Аббатъ.**

Да будетъ
Миръ дому твоему...

**Манфредъ.**

Благодарю я
Тебя, святой отецъ! Войди: приходъ твой
Приноситъ честь великую для замка,
А всѣмъ живущимъ въ немъ — благословенье.

**Аббатъ.**

О, если бъ это было такъ! Но я бы
Наединѣ желалъ побыть съ тобою.

Манфредъ.

Иди отсюда, Германъ... Что жъ угодно
Тебѣ, почтенный гость мой?

Аббатъ.

Я желаю
Поговорить съ тобою откровенно.
Мой скромный санъ, мой возрастъ престарѣлый
И добрыя намѣренія дали
Мнѣ право на такую откровенность.
Сосѣдство близкое, — хоть очень мало
Мы межъ собой знакомы, — позволяетъ
Мнѣ прямо говорить теперь съ тобою.
Графъ! странные, дурные ходятъ слухи
Объ имени твоемъ; — а это имя
Издревле отличалось благородствомъ, —
И было бъ горько, еслибъ тотъ, кто носитъ
Теперь тò имя — передалъ потомству
Его запятнаннымъ...

Манфредъ.

Что жъ, продолжай же,
Я слушаю...

Аббатъ.

Молва прошла такая,
Что будто ты знакомъ съ нечистой силой,
Что ты вступилъ въ союзъ богопротивный
Со всѣми обитателями ада,
И что тебѣ покорны злые духи.
Я знаю, что сближенья съ человѣкомъ

Ты избѣгалъ и жилъ въ уединеньѣ,
А это не всегда есть вѣрный признакъ
Благочестивыхъ дѣлъ...

**Манфредъ.**

Кто жъ распускаетъ
Такія вѣсти?

**Аббатъ.**

Это общій голосъ:
Объ этомъ говорятъ всѣ прихожане,
Мои собратья по служенью, даже
Тебѣ принадлежащіе вассалы,
Которые напуганы тобою.
Да, жизнь твоя въ опасности...

**Манфредъ.**

Возмите жь
Вы эту жизнь!...

**Аббатъ.**

Я призванъ для спасенья, —
И разрушать — не пастырьское дѣло;
Я не хочу въ твою проникнуть душу,
Но ежели всѣ слухи справедливы,
То знай, мой сынъ, еще осталось время,
Чтобы покаяться; чрезъ покаянье
Ты примиришься съ церковью, а церковь
И съ небомъ примиритъ тебя.

**Манфредъ.**

Я слушалъ
Тебя, отецъ, и вотъ тебѣ отвѣтъ мой:

Кто бъ ни былъ я, и что бы ни случилось
Съ моей душой, но между мной и небомъ
Такія тайны есть, что человѣка
Въ посредники свои не изберу я.
Когда жъ уставы ваши я нарушилъ,
Мнѣ докажите вы, и наказанье
Какое вамъ угодно назначайте.

**Аббатъ.**

Мой сынъ, о наказаньѣ я ни слова,
Я говорю о покояньѣ только
И о прощеніи. Законы церкви
Мнѣ дали власть помочь тебѣ совѣтомъ,
Какъ выйти на стезю спасенья въ жизни,
Раскаявшись въ грѣхахъ своихъ великихъ;
А что до наказанья — предоставлю
Исполнить это небу; воля Божья!...
«*Мщу — я одинъ!*» такъ самъ Господь повѣдалъ,
А я, его служитель, только долженъ
Произносить покорно это слово.

**Манфредъ.**

Старикъ! Ни власть людей благочестивыхъ,
Ни чистаго раскаянья молитва,
Ни тяжкій постъ, ни изнуренье плоти,
Ни собственная внутренняя пытка,
Которая ужаснѣй адской муки
Сосетъ, грызетъ измученное сердце, —
Ничто, ничто въ насъ заглушить не можетъ
Ни нашихъ чувствъ, ни нашихъ преступленій,
Ни вѣчной мести надъ самимъ собою,
И въ будущемъ такой нѣтъ казни лютой,
Какъ та, которою душа караетъ
Сама себя.

Аббатъ.

Но это все не долго,
А послѣ въ сердцѣ страждущемъ родится
Опять, мой сынъ, надежда на спасенье;
И во грѣхи поверженныя души,
Раскаявшись, въ тотъ край стремиться будутъ,
Гдѣ каждаго прощенье ожидаетъ.
Покаяться лишь должно, а начало
Раскаянья — есть первое сознанье
Его необходимости. Лишь только
Ты пожелай — и церковь всеблагая,
Моляся за тебя, тебя наставитъ
И дастъ твоимъ проступкамъ отпущенье.

Манфредъ.

Когда шестой владыка грозный Рима,
Чтобъ избѣжать стыда публичной смерти
Отъ рукъ рабовъ, подосланныхъ сенатомъ,
Нанесъ себѣ мучительную рану
И гордо умиралъ; тогда, увидя
Его страданіе, прохожій воинъ
Хотѣлъ унять полой своей одежды
Кровь, бьющую изъ царственнаго горла;
Но строго умиравшій императоръ
Прочь оттолкнулъ протянутую руку
И, бросивъ взглядъ, въ которомъ загорѣлось
Прошедшаго могущества величье,
Сказалъ: «оставь меня! теперь ужь поздно!
И преданность такая безполезна...»

Аббатъ.

Но говоришь къ чему же ты объ этомъ?

**Манфредъ.**

Отвѣчу я, какъ римлянинъ: «ужь поздно!»

**Аббатъ.**

Нѣтъ, никогда не поздно примириться
Съ своей душой и съ небомъ... Неужели
Ты потерялъ ужь всякую надежду?
Дивлюсь тебѣ. Вѣдь даже тѣ, которымъ
Спасеніе казалось невозможнымъ,
Несбыточной надеждой утѣшались
И съ трепетомъ чего-то ожидали.

**Манфредъ.**

Да, мой отецъ, такъ было и со мною,
И тѣ жь мечты, когда я былъ моложе,
Отъ головы моей не отходили.
Я думалъ стать въ числѣ людей великихъ,
Хотѣлъ подняться — до чего? — не знаю, —
До высоты, съ которой мнѣ, быть можетъ
Случилось бы упасть, но пасть съ величьемъ.
Такъ водопадъ, серебрянымъ потокомъ
Съ крутыхъ высотъ сбѣгая прямо въ бездны, —
Въ ихъ глубины съ собой свой блескъ уноситъ,
А брызги пѣны къ верху поднимаясь,
Волнами незамѣтнаго тумана
Сливаются съ самими облаками...
Великое и грозное паденье!...
Но — то мечты! Онѣ теперь изчезли.

**Аббатъ.**

Но почему же такъ?

**Манфредъ.**

Своей натуры
Переломить и обуздать не могъ я.
Тотъ, кто желаетъ властвовать на свѣтѣ
И межъ людей ничтожныхъ быть могучимъ,
Тотъ долженъ испытать всѣ муки рабства,
Тотъ долженъ льстить умѣть и пресмыкаться,
Жить постоянной ложью и притворствомъ
И достигать могущества обманомъ.
Таковъ весь міръ. Я былъ не въ состояньѣ
Мѣшаться съ стадомъ, даже съ волчьимъ стадомъ,
Хоть межъ волковъ навѣрно могъ быть первымъ.
Нѣтъ, я, какъ левъ, остался одинокимъ.

**Аббатъ.**

Но для чего же общества ты бѣгалъ,
И изъ людей ни съ кѣмъ не могъ ужиться?

**Манфредъ.**

Затѣмъ, что жизнь глубоко презиралъ я,
Хотя меня никто не зналъ жестокимъ.
На злое дѣло не былъ я способенъ, —
Зато я зло любилъ искать повсюду.
Я — какъ самумъ. Дыханьемъ раскаленнымъ
Онъ на пути все жжётъ и пожираетъ;
Онъ носится въ одной пустынѣ мертвой;
Гдѣ не растетъ ни травки, ни былинки,
Гдѣ онъ одинъ въ песчаномъ океанѣ
Крутитъ песокъ зловѣщимъ ураганомъ.
Онъ никого не ищетъ и не ловитъ,
Но если кто идетъ къ нему на встрѣчу, —
Отъ встрѣчи съ нимъ все тотчасъ умираетъ.

Таковъ былъ я въ своей прошедшей жизни,
И то, что на пути ея случилось,
Тому не повториться снова...

**Аббатъ.**

Сынъ мой!
Теперь я опасаться начинаю,
Что поздно я пришелъ къ тебѣ, что помощь
Духовника здѣсь стала безполезна.
Но ты еще такъ молодъ... Я хотѣлъ бы...

**Манфредъ.**

Вглядись въ мое лицо. Бываютъ люди, —
Къ нимъ въ юности еще приходитъ старость,
Они не живши скоро умираютъ,
И смертью не насильственной. Иные
Безславно погибаютъ отъ разврата,
Иные отъ труда и напряженья,
Иные отъ бездѣйствія и скуки,
Отъ помѣшательства, и отъ тяжелыхъ
Сердечныхъ мукъ и потрясеній. Людямъ
Ужаснѣй нѣтъ послѣдняго недуга:
Подъ формами различными скрываясь,
Онъ, въ сердце заползая незамѣтно,
Быстрѣе всѣхъ недуговъ убиваетъ.
Взгляни же на меня: изъ этихъ золъ я
Всѣ испыталъ, — хотя довольно было
И одного изъ нихъ, чтобъ умереть мнѣ.
Такъ не тому теперь ты удивляйся,
Что сдѣлался такимъ я, а тому лишь,
Что я еще живу на этомъ свѣтѣ.

**Аббатъ.**

Но, выслушай меня...

Манфредъ.

Почтенный старецъ!
Священный санъ твой я не презираю,
Я уважаю возрастъ твой и знаю,
Что всѣ твои намѣренія чисты,
Но, мой отецъ, они теперь напрасны.
Оставь свои совѣты и, повѣрь мнѣ,
Что одного тебя оберегая,
Я въ этотъ поздній часъ бесѣду нашу
Хочу прервать. Прощай!

*(Манфредъ уходитъ.)*

Аббатъ.

Онъ странно созданъ:
Съ такимъ умомъ, съ такою силой духа —
Онъ могъ бы быть созданіемъ великимъ;
Теперь же онъ — есть только страшный хаосъ,
И свѣтъ и тьма, духъ мощный вмѣстѣ съ прахомъ,
Смѣсь чистыхъ помысловъ съ страстями
Безумными, и внутренняя пытка,
Которой нѣтъ конца, и нѣтъ начала,
Соединенье творчества съ желаньемъ
Все разрушать. И онъ погибнуть долженъ,
Хотя и лучшей доли былъ достоинъ!...
Нѣтъ, еще разъ всѣ испытаю средства,
Чтобы спасти его, и стану зорко,
Внимательно слѣдить за нимъ повсюду.

*(Аббатъ уходитъ.)*

## СЦЕНА II.

(Другая комната въ замкѣ).

**Манфредъ и Германъ.**

**Германъ.**

Графъ, къ вамъ явиться мнѣ вы приказали
Передъ закатомъ солнца. Ужъ садится
Оно теперь...

**Манфредъ.**

Такъ скоро?... Я желалъ бы
Въ минуту эту имъ полюбоваться.

*(Манфредъ подходитъ къ окну.*
*Германъ уходитъ.)*

Великолѣпное свѣтило неба!
Кумиръ для первенцовъ земного шара,
Кумиръ гигантовъ, нѣкогда рожденныхъ
Отъ свѣтлыхъ херувимовъ и созданій,
Пересіявшихъ даже херувимовъ,
Которые, узнавъ земныя страсти,
За нихъ паденьемъ вѣчнымъ поплатились.
Лучистое, безсмертное свѣтило!
Тебя еще тогда боготворили,
Когда не знали тайны мірозданья.
Ты — самый чистый спутникъ Саваоѳа;
Ты — пастуховъ халдейскихъ вдохновлявшій
И слушавшій ихъ теплыя молитвы, —
Ты сдѣлался для всей природы богомъ,
И самый богъ явилъ въ тебѣ свой образъ!
Царь между звѣздъ и центръ для звѣздъ небесныхъ,
Ты землю обливаешь свѣтомъ жизни

И грѣешь все цѣлебными лучами!..
Тебѣ покорны климаты и время,
И наши скорби, мысли и желанья,
Ты видишь, проникая въ нашу душу;
Ты въ вѣчной славѣ всходишь и заходишь!
Прощай! тебя я не увижу больше!
Прощай! Какъ нѣкогда тебѣ принесъ я
Свой первый взоръ любви и удивленья,
Такъ и теперь прими мой взглядъ послѣдній.
Ты вновь взойдешь, но не увидишь снова
Того, кому награды жизни этой
Наградами служили роковыми...
Конецъ! потухло солнце за горами,
А вслѣдъ за нимъ теперь и я потухну.

*(Манфредъ уходитъ).*

---

## СЦЕНА III.

(Горы. Въ нѣкоторомъ разстояніи замокъ Манфреда; терасса передъ башней. Полночь).

**Германъ, Мануэль и другіе слуги Манфреда.**

**Германъ.**

Довольно, право, странно! Сколько лѣтъ ужь,
Едва наступитъ ночь — вотъ въ этой башнѣ
Запрется онъ — а для чего? Богъ знаетъ...
Мы въ этой странной башнѣ всѣ бывали,
Но по вещамъ, которыя нашли тамъ,
Едва ли можно было догадаться,
Чѣмъ по ночамъ нашъ графъ бываетъ занятъ.
Навѣрно тамъ есть комната такая,

Которая намъ неизвѣстна. Вѣрьте:
Три года прослужить готовъ я даромъ,
Лишь только бъ заглянуть туда украдкой.

**Мануэль.**

Совѣтую не очень-то храбриться...
Доволенъ будь и тѣмъ, что знаешь.

**Германъ.**

Правда!...
Послушай, Мануэль: ты старъ, и много
Испытывать въ свой вѣкъ тебѣ случалось...
Пораскажи-ка намъ. Вѣдь въ этомъ зàмкѣ
Ты ужь давно живешь?

**Мануэль.**

Да, не родился
Еще нашъ графъ, какъ я вступилъ на службу
Къ его отцу. Онъ не чета былъ сыну.

**Германъ.**

Да, съ дѣтками бываетъ это часто...
А чѣмъ они не схожи были?

**Мануэль.**

Дѣло
Тутъ не въ лицѣ, а въ жизни и привычкахъ.
Графъ Сигизмундъ былъ гордъ, но нравъ имѣлъ онъ
Веселый и радушный; храбрый воинъ,
Онъ жить любилъ открыто, на распашку,

Кутнуть любилъ, и ужь не сталъ бы киснуть
За книгой взаперти въ проклятой башнѣ,
А пировалъ съ друзьями дни и ночи;
Не сталъ бы, какъ сынокъ, по ска́ламъ лазить,
Въ лѣсныхъ трущобахъ безъ толку шататься,
Да отъ людей волчицей дикой бѣгать.

**Германъ.**

Вотъ было времечко!.. Не то, что наше!
Эхъ, если бъ время это воротилось
И прежнее житье вернулось въ замокъ!
Ужь онъ забылъ, какъ веселятся люди!..

**Мануэль.**

То сбудется, когда другой хозяинъ
Въ него войдетъ... Да, Герма́нъ, довелось мнѣ
Здѣсь видѣть чудеса въ былое время.

**Германъ.**

Такъ разскажи, пожалуйста, что знаешь.
Мнѣ помнится, ты говорилъ однажды,
Что здѣсь, близъ замка нашего, когда-то
Исторія ужасная случилась.

**Мануэль.**

Да, это было ночью. Ночь такая жь
Была тогда, какъ нынче. Надъ вершиной
Эйгѐра облако остановилось,
Вотъ какъ теперь — и такъ же красно было, —
Дулъ сильный вѣтеръ; снѣжныхъ горъ вершины
Всходившій мѣсяцъ залилъ яркимъ блескомъ.

Нашъ графъ, Манфредъ, какъ и теперь, былъ въ
башнѣ,
А занятъ чѣмъ — одинъ онъ только знаетъ, —
Но съ нимъ тогда была его подруга,
Подруга дней, ночей его безсонныхъ.
Изъ всѣхъ существъ земныхъ на этомъ свѣтѣ
Одну ее нашъ графъ любилъ, казалось,
И былъ родствомъ съ ней связанъ онъ. Астартой
Звалась она. Его... Постой... чу! кто-то
Сюда идетъ.

*(Входитъ аббатъ св. Мориса).*

**Аббатъ.**

Гдѣ графъ вашъ?

**Германъ.**

Въ этой башнѣ.

**Аббатъ.**

Его мнѣ нужно видѣть.

**Мануэль.**

Въ это время
Графъ никого къ себѣ не принимаетъ.

**Аббатъ.**

За нарушенье правилъ вашихъ буду
Самъ графу отвѣчать я, если только
Тутъ есть какое-либо нарушенье.
Мнѣ графа видѣть нужно непремѣнно.

Германъ.

Но вы его ужъ видѣли сегодня.

Аббатъ.

Сейчасъ тебѣ приказываю, Германъ,
Идти, и о моемъ приходѣ графа
Увѣдомить.

Германъ.

Мы этого не смѣемъ.

Аббатъ.

Такъ мнѣ войдти придется безъ доклада.

Мануэль.

Нѣтъ, мой отецъ, прошу васъ: не ходите.

Аббатъ.

Но почему?

Мануэль.

Пожалуйте за мною.
Я кое-что готовъ поразсказать вамъ.

---

## СЦЕНА IV.

Внутренность башни).

**Манфредъ одинъ.**

**Манфредъ.**

Какъ ярко блещутъ звѣзды! Луннымъ свѣтомъ
Озарены нагорныя вершины...
Какъ хорошо кругомъ! Еще донынѣ
Люблю я разговаривать съ природой,
И страстный шепотъ ночи мнѣ понятнѣй,
Чѣмъ голоса людей; въ ея дыханьѣ,
Подъ звѣзднымъ кровомъ неба, постоянно
Я изучалъ языкъ другого міра.
Мнѣ памятна — въ то время я былъ молодъ, —
Одна такая жъ точно ночь; стоялъ я
На верхней галереѣ Колизея —
Въ виду громадъ разрушеннаго Рима.
Вокругъ дремала полночь голубая;
Въ разбитыя, широкія аркады,
Врывались вѣтви темныя деревьевъ
И, милліономъ глазъ своихъ сверкая,
Въ амфитеатръ заглядывали звѣзды...
Тамъ, далеко, за Тибромъ, раздавался
Чуть только слышный лай собакъ, а ближе
Изъ стѣнъ дворца, гдѣ цезари живали,
Совы полночной крики доносились,
Да иногда молчанье нарушали
Унылые напѣвы часового,
Сквозь ниши стѣнъ, столѣтьями пробитыхъ,
Виднѣлись кипарисы и, казалось,
Они росли вдали, на горизонтѣ,

А между тѣмъ зеленыя ихъ вѣтви
Качались близко... Всюду разрушенье:
Тамъ, гдѣ когда-то римскіе владыки
Бросали взоры дерзкаго величья,
Теперь живутъ однѣ ночныя птицы,
И на гробницахъ, рухнувшихъ въ обломкахъ,
Гдѣ цезарей положены останки,
Сквозь ихъ сердца теперь лишь проростаетъ
Одна трава и дикая крапива,
И ивы, вмѣсто лавровъ, наклонились
Надъ ихъ могилами. Дворцы, палаты
Всѣхъ Августовъ сравнялися съ землею
И лишь одинъ остался невредимымъ
Циркъ гладіаторовъ, какъ грозный остовъ
Презрѣннаго могущества и звѣрства...
И въ тѣ часы, на всю картину эту
Смотрѣлъ ты, мѣсяцъ, нѣжно обливая
Развалины прозрачнымъ, мягкимъ свѣтомъ,
И оживлялъ собою мертвый городъ,
Раздавленный безстрастными вѣками;
Ты освѣщалъ обломки падшихъ зданій,
И подъ твоими яркими лучами
Прекрасное манило красотою
Вновь обновленною, и просыпалась
Та красота, которая увяла...
Среди такихъ классическихъ развалинъ
Благоговѣнье чувствуешь невольно
И поклоняешься гробамъ великихъ предковъ,
Которые и мертвецами даже
Живутъ для насъ — и изъ своей гробницы
Имѣютъ власть надъ нашими умами.
Да, эту ночь я помню... только странно,
Что мнѣ она теперь пришла на память...
Но это такъ: чѣмъ глубже мы уходимъ
Въ самихъ себя — тѣмъ дальше мысль уноситъ.

**Аббатъ** *(входитъ).*

Мой добрый графъ, за то, что я сегодня
Вторично прихожу къ тебѣ — прости мнѣ,
Служителю смиреннѣйшему церкви,
Прости, что я, непрошенный, явился,
И да пошлетъ Создатель лучъ спасенья
Твоей душѣ, блуждающей во мракѣ...
О, если бы молитвами своими
Я тронуть могъ твое больное сердце,
Которое лишь только заблудилось,
Но не погибло!...

**Манфредъ.**

Ты меня не знаешь.
Всѣ дни мои сосчитаны; поступки
Всѣ взвѣшены... Здѣсь быть тебѣ опасно:
Иди скорѣй. Прощай!

**Аббатъ.**

Мой сынъ! навѣрно
Ты мнѣ не угрожаешь?

**Манфредъ.**

Нѣтъ, нисколько...
Я только лишь тебя предупреждаю,
Что здѣсь опасно долго оставаться...

**Аббатъ.**

Но почему?..

Манфредъ.

А вотъ взгляни сюда ты...
Что видишь тамъ?

Аббатъ.

Я ничего не вижу.

Манфредъ.

Но посмотри внимательно, прошу я...
Теперь что видишь ты?

Аббатъ.

Я вижу... Боже!..
Тѣнь грозная... но я смотрю безъ страха...
Я вижу всталъ какой-то мрачный образъ,
Подобный духу тьмы... Совсѣмъ закрыто
Его лицо подъ мантіей широкой...
Обвитый темнымъ облакомъ, онъ выросъ
И здѣсь стоитъ межъ мною и тобою...
Но онъ не страшенъ мнѣ!

Манфредъ.

Не нужно
Его бояться: онъ тебя не тронетъ,
Но самый видъ его невыносимый
Убьетъ твой дряхлый мозгъ однимъ ударомъ.
Я говорю тебѣ: иди отсюда!..

Аббатъ.

Нѣтъ, не уйду, и здѣсь до тѣхъ поръ буду,
Пока не изгоню я злого духа.
Зачѣмъ онъ здѣсь?

Манфредъ.

Зачѣмъ онъ здѣсь? Не знаю...
Его никто не звалъ.

Аббатъ.

Иди, иди за мной!
Погибшій грѣшникъ!
Какое ты сношеніе имѣешь
Съ нечистой силою? Зачѣмъ такъ смотришь
На демона, свой взоръ въ него вперяя?
А! это онъ!.. лицо его открыто...
Проклятый видъ!.. громовые удары
Вкругъ язвами чело его покрыли,
И адскимъ блескомъ взоры загорѣлись...
Оставь насъ, злобный духъ!

Манфредъ.

Духъ! отвѣчай мнѣ:
Зачѣмъ ты здѣсь?

Духъ.

Иди!

Аббатъ.

Но кто ты, кто ты,
Созданье мрачное?

Духъ.

Я духъ, я геній
Стоящаго здѣсь смертнаго! Приходитъ
Послѣдній часъ его... Иди за мною!

Манфредъ.

Я сталъ на все готовъ, но отвергаю

Я власть, меня зовущую. Кѣмъ посланъ
Ты былъ сюда?

Духъ.

Узнаешь это послѣ...

Манфредъ.

Духъ! ты мнѣ жалокъ!
Я управлялъ духами высшей силы,
Передъ которыми ничтоженъ ты; боролся
Я съ гордыми владыками твоими...
Прочь отъ меня!..

Духъ.

Но прбилъ часъ твой, смертный;
Я говорю — иди во слѣдъ за мною!

Манфредъ.

Я знаю самъ, что часъ мой прбилъ — знаю, —
Но не тебѣ отдамъ я эту душу,
Прочь съ глазъ моихъ! Какъ жилъ я, одинокимъ,
Такъ и умру — одинъ!

Духъ.

Къ себѣ на помощь
Я братьевъ вызову. Явитесь!

(*Является множество духовъ*).

Аббатъ.

Духи
Проклятые! изчезните отсюда —
Сейчасъ! вы въ той обители безсильны,
Гдѣ обитаетъ Божье милосердье!
Я именемъ —

Духъ.

Старикъ, повѣрь, мы знаемъ
Свои права и силу; знаемъ также,
Какой ты носишь санъ. Не трать безъ пользы
Напрасныхъ словъ: онъ осужденъ навѣки.

Манфредъ.

Я презираю васъ! хоть мнѣ извѣстно,
Что я умру, но все жь васъ презираю.
Пока во мнѣ есть капля только жизни —
Не двинусь съ мѣста я; пока есть силы —
Я до конца бороться съ вами буду,
И иначе меня вы не возьмете,
Какъ растерзавъ на части!

Духъ.

Дерзкій смертный!
Ты, думавшій проникнуть въ тайны міра
И между нами равнымъ быть, — ты можешь
Еще любить свое существованье,
Любить ту жизнь, которая разбила
Твое земное счастье!..

Манфредъ.

Лжешь ты, дьяволъ!
Я знаю — жить осталось мнѣ не долго,
И ни одной минуты я не сталъ бы
Выпрашивать, чтобъ жизнь моя продлилась:
Не съ смертью я борюсь, но только съ вами.
Я власть свою купилъ — не по условью
Съ такимъ ничтожествомъ, какъ ты, но знаньемъ,
Усильями ума и трезвой мысли,
Тревожными, безсонными ночами
И изученіемъ науки той древнѣйшей,

Когда въ одну семью соединялись
И ангелы, и люди, — и не знали
Надъ нами превосходства херувимы...
Прочь отъ меня! однимъ презрѣньемъ только
На вызовъ твой я отвѣчаю...

**Духъ.**

Вспомни,
Какъ всѣ твои пороки безконечны.

**Манфредъ.**

Но что̀ мои пороки предъ твоими?
Тебѣ ль казнить меня за преступленья,
Когда ты самъ ужаснѣй всѣхъ пороковъ...
Иди въ свой адъ проклятый! Надо мною
Ты власти не имѣешь, и не можешь
Владѣть душой моей, — я это знаю.
Что сдѣлалъ я — то кончено. Есть муки,
Которыхъ увеличить невозможно,
И ты ничѣмъ теперь ихъ не усилишь.
Безсмертный гордый разумъ человѣка
Лишь самому себѣ даетъ отвѣты
За каждое движенье тайной мысли;
Добро и зло, послушныя разсудку,
Родятся въ немъ и въ немъ же умираютъ.
Отъ времени и мѣста не зависитъ
Свободный умъ; стряхнувъ оковы праха,
Условьями минутными не связанъ,
Въ самомъ себѣ умѣетъ находить онъ
Страданіе иль счастье...

Такъ меня ли
Могъ искушать ты? Никогда я не былъ
Твоей добычей адской и игрушкой,
И постояно — царь своихъ желаній,
Руководился собственною властью...

Изъ книгъ А. Б. Кокорева

Идите жь прочь, непризнанные духи!...
На мнѣ лежитъ рука холодной смерти,
Но та рука — не ваша...

*(Духи изчезаютъ.)*

**Аббатъ.**

Какъ ты блѣденъ!
Покрылись губы мертвой синевою...
Какъ тяжело твое дыханье... голосъ
Хрипитъ .. Молись, пока есть время, небу,
Молись хоть мысленно, но безъ молитвы
Не умирай.

**Манфредъ.**

Всему конецъ! Не видятъ
Тебя мои глаза... вотъ всѣ предметы
Кружатся, плаваютъ, а подъ ногами
Дрожитъ земля... Прощай!... дай руку...

**Аббатъ.**

Чуть слышно бьется. Сынъ мой, умоляю:
Хоть звукъ одинъ молитвы! — Что съ тобою?

**Манфредъ.**

Повѣрь, старикъ, смерть вовсе не страшна мнѣ!

*(Умираетъ.)*

**Аббатъ.**

Онъ въ вѣчность отошелъ, и улетѣла
Его душа — куда? о томъ боюсь подумать,
Но жизнь его покинула на вѣки.

# IV.

# БЕППО.

# Беппо.

ВЕНЕЦІАНСКАЯ ПОВѢСТЬ

*Лорда Байрона.*

---

I.

Извѣстенъ всѣмъ, — не сомнѣваюсь въ томъ, —
Католиковъ классическій обычай:
За нѣсколько недѣль передъ постомъ
Они толпой всѣхъ классовъ, безъ различій, —
Будь хоть богачъ, иль въ званіи простомъ,
Съ спасительной, какъ думаю я, цѣлью,
Спѣшатъ предаться общему веселью;
Готовясь къ покаянію, спѣшатъ
Въ блистательный и пестрый маскарадъ,
Гдѣ въ вихрѣ пѣсенъ, музыки и пляски
Скользятъ и вьются бѣшеныя маски.

II.

Лишь только ночь свой пологъ развернетъ,
(И чѣмъ темнѣй, тѣмъ лучше) наступаетъ
Пора, которой мужъ со страхомъ ждетъ
И съ трепетомъ любовникъ ожидаетъ,
Ханжа кривитъ улыбкою свой ротъ, -
И, скромности оковы разбивая,
Шалитъ открыто юность огневая.
Разгулъ и плескъ!... на языкѣ у всѣхъ
Запасъ остротъ и неподдѣльный смѣхъ,
И звукъ руладъ, и шепотъ страстной пары
Сливаются съ аккордами гитары.

III.

Пестрѣютъ вкругъ одежды разныхъ странъ,
Костюмовъ фанастическія краски,
Нарядъ жидовъ, и грековъ и римлянъ,
И арлекиновъ прыгающихъ маски,
И индусовъ затѣйливый тюрбанъ,
И подъ чалмой прелестныя турчанки,
И, наконецъ, — нескладный, хмурый янки.
Нарядовъ — тьма; лишь въ этотъ маскарадъ
Не разрѣшается носить одинъ нарядъ...
На карнавалъ веселый и донынѣ
Избавь васъ Богъ явиться въ капуцинѣ.

IV.

Нѣтъ, лучше вовсе будь безъ панталонъ,
Иль терніемъ обвей себя для танца,

Чѣмъ возмутить людей со всѣхъ сторонъ
Намекомъ на одежду францисканца.
Тогда не пощадитъ тебя законъ,
И будешь ты (какъ ни былъ бы ты важенъ)
Въ аду на угли красные посаженъ,
Гдѣ грѣшника изъ адскаго котла
Ничья рука спасти бы не могла,
И... лишь посредствомъ денежнаго вклада,
Тебя, быть можетъ, выпустятъ изъ ада.

V.

И такъ, за исключеньемъ черныхъ рясъ,
Вы можете одѣться по картинкѣ,
Какой угодно только: такъ не разъ
На лондонскомъ тряпичномъ старомъ рынкѣ
Иной колетъ лишь изъ однихъ проказъ,
Искали вы для вечера иль бала.
Въ Италiи подобныхъ мѣстъ не мало,
Но, — ужь таковъ волшебной рѣчи складъ, —
Названья ихъ, какъ музыка звучатъ,
А въ Англiи кварталъ найдемъ едва ли,
Который бы «Piazza» называли.

VI.

Тѣмъ праздникамъ названье: карнавалъ,
«Прощайся съ мясомъ», — значитъ въ переводѣ.
Понятенъ смыслъ: лишь только постъ насталъ,
О мясѣ и не думаютъ въ народѣ;
Но одного лишь я не понималъ —
Зачѣмъ же постъ съ его трапезой тощей
Встрѣчается веселостью всеобщей?

Не потому ли самому мы пьемъ,
Сбираясь въ кругъ, и пѣнистымъ виномъ
Бокалы наши дружно наполняемъ,
Когда друзей въ дорогу провожаемъ?

VII.

Наступитъ постъ — и мяса больше нѣтъ;
Всѣ сорокъ дней, вкушая лососину,
Хоть злостью приправляйте свой обѣдъ,
А соусы? — о нихъ нѣтъ и помину.
О, путники! не разъ отъ этихъ бѣдъ,
Застигнуты негаданно діэтой, —
Вы бранью раздражались (брани этой
Я съ музою не стану повторять),
Не забывая гнѣвно объявлять:
— Не можемъ мы (вамъ все одни пиры бы!)
Ѣсть безъ приправъ, безъ сои этой рыбы...

VIII.

Охотникамъ до соусныхъ приправъ
Рѣшаюсь дать совѣтъ такого рода,
И думаю, что я останусь правъ:
Сбираясь въ путь, во всякій мѣсяцъ года
Съ собою брать запасы разныхъ травъ,
Коренья пряные и соусы Горвея,
Чтобъ не сидѣть голодными говѣя,
Иначе же, поклясться въ томъ могу,
Вы, гдѣ-нибудь, на чуждомъ берегу,
Безъ собственнаго повара, — повѣрьте, —
Умрете разомъ отъ голодной смерти.

IX.

Я только лишь католикамъ внушалъ
Какъ соблюдать обычай древній Рима;
Но той діэтой вовсе не пугалъ
Я чужестранца, ѣдущаго мимо,
И чтобы онъ постовъ не соблюдалъ —
Спѣшу предупредить: для протестантовъ,
Для всѣхъ больныхъ, для прихотливыхъ франтовъ
И.... и для дамъ — охотницъ до причудъ,
Не существуетъ вовсе рыбныхъ блюдъ.
. . . . . . . . . . . . . .
. . . . . . . . . . . . . .

X.

Нигдѣ во время оно не бывалъ
Такъ безконечно веселъ и потѣшенъ,
И шуменъ итальянскій карнавалъ,
Такъ оживленъ и несдержимо бѣшенъ,
Какъ посреди венеціанскихъ залъ,
Гдѣ покрывалъ разгулъ толпы нарядной
Не мало тайнъ интриги маскарадной,
И не одинъ ловился жгучій взглядъ
Подъ страстные напѣвы серенадъ. —
Вотъ въ ту Венецію, рожденную волною,
Послѣдовать прошу теперь за мною.

XI.

Ахъ, красота венеціанскихъ женъ!
Ихъ быстрый взглядъ, улыбки ихъ приманки!...

Припоминалъ я образы мадоннъ,
При взглядѣ на лицо венеціанки.
Когда она склонится па балконъ,
Вы, отдаваясь прелести обмана,
Въ ней видите Венеру Тиціана
(Хоть ту, что во Флоренціи стоитъ),
Иль, наконецъ, ея прелестный видъ
Напомнитъ вамъ, лишь только въ новомъ фонѣ,
Одно изъ лицъ картинъ Джіорджіоне,

XII.

Гдѣ краски правдой жизненной полны.
Когда зайдете вы въ дворецъ Манфрини,
То множествомъ картинъ окружены,
Вы, можетъ быть, одной его картинѣ
Останетесь покорны и вѣрны,
И станетъ вамъ всего она дороже.
Такъ нѣкогда со мною было то же,
А почему? — тому разгадки нѣтъ,
То просто былъ жены его портретъ,
Но какъ онъ созданъ!... Творческая сила
Земной любви въ немъ образъ воплотила.

XIII.

Да, той любви, которой міръ живетъ,
Любви людской, встрѣчаемой на дѣлѣ,
И вѣришь тутъ, что только жизнь даетъ
Художнику подобныя модели,
И что мечта до нихъ не дорастетъ...
Въ картинѣ той, которую бъ желали
Вы унести, которую бъ украли,

Когда бы страхъ иль стыдъ не помѣшалъ,
Чудесный образъ тотъ напоминалъ,
Что вамъ давно черты знакомы эти,
Но что ужь вновь не встрѣтить ихъ на свѣтѣ.

XIV.

Тотъ образъ намъ знакомъ когда-то былъ
Въ дни юности, на подвиги готовой,
И юноша искать его любилъ
На лицахъ дѣвъ, при каждой встрѣчѣ новой,
Когда онъ въ тишинѣ боготворилъ
Созданія безъ имени, безъ тѣла,
Которыхъ жизнь создать намъ не хотѣла,
Которыхъ мы не встрѣтимъ никогда,
Какъ тѣхъ плеядъ, пропавшихъ безъ слѣда,
Растаявшихъ дыханіемъ эѳира
И ставшихъ невидимками для міра.

XV.

Дѣйствительно, венеціанки видъ
Напоминаетъ кисть Джіорджіоне,
Особенно когда она стоитъ
Одна, передъ рѣшеткой на балконѣ.
(Вѣдь красота сильнѣе поразитъ
Когда мы къ ней стоимъ не очень близко).
И вотъ тогда, склонясь къ рѣшеткѣ низко,
Таинственно раздвинувъ складки шторъ
И вкругъ себя бросая томный взоръ,
Венеціанка кажется прекрасна,
Что не всегда бываетъ безопасно.

XVI.

За тѣмъ, что взоръ невольный вздохъ родитъ,
Вздохъ пробуждаетъ тайныя желанья,
Желанье наконецъ заговоритъ
И — перейдетъ въ любовное посланье,
Съ посланьемъ же Меркурій полетитъ,
Охотникъ до подобныхъ порученій,
А тамъ — не миновать и приключеній,
Когда Амуръ войдетъ въ права сердецъ:
Свиданья, вѣчный страхъ, и наконецъ
Разбитыя ревнивцемъ съ жаждой мщенья
И головы, и клятвы увлеченья.

XVII.

Шекспиромъ былъ давно изображенъ
Типъ этихъ женщинъ въ милой Дездемонѣ.
Въ Италіи до нынѣшнихъ временъ
Въ Венеціи роскошной и въ Веронѣ
Вы встрѣтите подобныхъ много женъ,
Съ той разницей, — мы думать можемъ смѣло, —
Что ихъ мужья не слѣдуютъ Отелло,
Что всѣ мужья прекрасной той страны,
Какъ черный мавръ, для женщинъ не страшны,
И женъ душить едвали-бъ захотѣли,
За то, что тѣ поклонниковъ имѣли.

XVIII.

Но если кто въ нихъ ревность и найдетъ,
То свойства очень мирнаго, и нынѣ

Изъ нихъ никто подушки не возьметъ,
Чтобъ задушить жену свою въ перинѣ;
Нѣтъ, беззаботный, вѣтренный народъ
Въ несчастіи иную приметъ мѣру,
И если въ женъ мужья теряютъ вѣру,
Изъ нихъ никто не будетъ пораженъ
Открытою невѣрностію женъ,
Но каждый мужъ супругѣ отомщаетъ
Лишь только тѣмъ, что самъ ей измѣняетъ.

## XIX.

Случалось ли гондолу видѣть вамъ?
Я опишу подробно: лодка эта
Съ навѣсомъ и рѣзьбою по угламъ,
Безмолвная, вся трауромъ одѣта,
Какъ темный гробъ, несется по волнамъ.
За веслами сидятъ два гондольера,
И веселъ ихъ разсчитанная мѣра
Едва слышна.... несется странный гробъ,
И разгадать не въ силахъ былъ никто бъ,
О томъ, что въ тишинѣ его творится,
Что подъ его навѣсомъ говорится.

## XX.

И день, и ночь гондолы вкругъ скользятъ,
Шныряютъ вдоль Ріальто, по каналамъ,
И у театровъ группы ихъ стоятъ,
Открытыя всѣмъ путникамъ усталымъ,
Но, какъ гондолы мрачно ни глядятъ,
Закутàвшись угрюмо въ балдахины, —
Ихъ мрачными считать намъ нѣтъ причины,

За тѣмъ, что и въ гондолѣ мы, порой,
Встрѣчали жизнь, и смѣхъ, и пиръ горой.
Такъ часто мы съ процессіи печальной
Спѣшимъ, смѣясь, въ каретѣ погребальной.

XXI.

Но я еще разсказъ не начиналъ.
Лѣтъ за сорокъ тому открылся
Въ Венеціи блестящій карнавалъ,
И переряженный народъ завеселился.
Однажды, разодѣта, какъ на балъ,
Одна венеціанка пожелала
Взглянуть на шумный праздникъ карнавала.
Какъ имя ей! — не могъ я угадать,
А потому хочу ее назвать
Лаурою. Названіе Лауры
Удобнѣе для риѳмъ и для цезуры.

XXII.

Она была не очень молода,
Но ужь никакъ старухой не смотрѣла,
Иль дамой, у которой никогда,
При отношеньяхъ нѣжныхъ самыхъ, смѣло
Нельзя спросить о возрастѣ. Года
Подобныхъ дамъ покрыты строгой тайной
И ни за что — ни прямо ни случайно —
У нихъ (таковъ упрямый женскій родъ)
Не выпытать: который же вамъ годъ?
Онѣ молчатъ съ терпѣніемъ великимъ,
Что, впрочемъ, мнѣ всегда казалось дикимъ.

## XXIII.

Не такова была Лаура. Нѣтъ,
Еще года лицо ея щадили,
И жизнь ея въ разцвѣтѣ зрѣлыхъ лѣтъ
Была свѣтла; Лауру находили
Красавицей, когда, являясь въ свѣтъ,
Неслись за ней восторженныя рѣчи
(Съ красавицей въ толпѣ пріятны встрѣчи).
И потому-то было такъ свѣтло
Всегда ея высокое чело,
Улыбка съ устъ ея не изчезала
И всякаго, казалось, награждала.

## XXIV.

Лаура — замужемъ. Я здѣсь замѣчу вамъ:
Замужнихъ дамъ покойнѣе дорога:
За тѣмъ, что на грѣшки подобныхъ дамъ
Вездѣ сквозь пальцы смотримъ мы, не строго,
Но если же — со страхомъ передамъ —
Дѣвица, отшатнувшись отъ приличій,
Замужствомъ не прикроетъ грѣхъ дѣвичій,
То ждутъ ее позоръ и вѣчный стыдъ,
Когда она сама не поспѣшитъ
Свои дѣла, какъ только будетъ можно,
Вести съ людьми умно и осторожно.

## XXV.

Лауры мужъ, по званью моряка,
Скитался по морямъ и по чужбинѣ;

Когда же, возвратясь издалека,
Сидѣлъ въ сорокадневномъ карантинѣ,
И имъ овладѣвала тамъ тоска, —
Жена его на вышку поднималась,
Откуда ей все море открывалось,
И судно, на которомъ мужъ приплылъ
Изъ странствія далекаго. Онъ былъ
Купецъ-морякъ, торгующій съ Алеппо,
По имени Джузеппе, или Беппо.

## XXVI.

Съ его лица загаръ не пропадалъ
И былъ онъ смуглъ, какъ ис иный испанецъ,
Но красоту едва ль въ немъ уменьшалъ
Его густой, кори невый рум нецъ;
Онъ, какъ морякъ, нисколько не терялъ
Отъ этого суроваго загара,
И вообще съ женой своей былъ пара.
Лаура же, хоть не была горда,
Непобѣдимою считалася всегда,
Была для всѣхъ, какъ свѣтъ ее ославилъ,
Женою самыхъ строгихъ, строгихъ правилъ.

## XXVII.

Съ послѣдней ихъ разлуки много лѣтъ
Прошло, — но все домой не ѣхалъ Беппо.
Какъ, почему его такъ долго нѣтъ? —
Судили большею частію нелѣпо.
— Онъ утонулъ! рѣшилъ сначала свѣтъ,
Потомъ же остроумно порѣшили,
Что отъ долговъ бѣжалъ онъ; даже были

Охотники побиться объ закладъ:
Вернется ль онъ когда нибудь назадъ? ..
Такъ многіе, чтобъ въ мнѣньѣ убѣдиться,
Тотчасъ же объ закладъ спѣшатъ побиться.

## XXVIII.

Печально очень было, говорятъ,
Супруговъ разлучавшихся прощанье,
И каждый былъ предчувствіем объятъ,
Что это ихъ послѣднее свиданье.
(Предчувствія подобныя страшатъ,
Какъ сонъ воображенія больного;
Испытывать ихъ вовсе мнѣ не ново).
Подъ чарами такихъ же смутныхъ грезъ
Предчувствіе печальное унесъ
Съ собою мужъ, и затаилъ онъ горе,
Плывя въ Адріатическое море.

## XXIX.

Не ѣдетъ мужъ. Лаура все груститъ,
Лаура плачетъ, въ трауръ наряжалась,
Вдругъ потеряла вовсе аппетитъ
И спать одна рѣшительно боялась:
Едва гдѣ только ставень заскрипитъ,
Малѣйшее услышитъ гдѣ движенье —
Ей чудится — то воръ, то привидѣнье:
Ей цѣлый день нигдѣ покоя нѣтъ.
И вотъ она, во избѣжанье бѣдъ
И чтобъ чего не сдѣлалось съ ней хуже,
Рѣшилась завести себѣ вицъ-мужа.

## XXX.

Лаурою былъ выбранъ для услугъ
(А женщины искусны такъ на это),
Пока не возвращается супругъ,
Давно ужь безъ вѣсти пропавшій гдѣ-то,
Ей выбранъ былъ, сказалъ я, новый другъ,
Одинъ изъ тѣхъ, всѣ дамы на которыхъ
Глядятъ съ негодованьемъ въ чистыхъ взорахъ,
А въ тайнѣ ихъ не прочь и полюбить;
То былъ шалунъ, привыкшій шумно жить,
Богатый графъ, мотавшій денегъ груду.
О немъ такое мнѣнье было всюду.

## XXXI.

Онъ музыку и танцы изучилъ,
Блистательно умѣлъ играть на скрипкѣ,
Онъ по-французски бойко говорилъ,
И даже по-тоскански без ошибки.
Послѣднимъ онъ особенно дивилъ
(Въ Италіи — спѣшу предостеречь я —
Ломаютъ всѣ этрусское нарѣчье)
И, постановки, оперной знатокъ,
Къ пѣвцамъ онъ былъ неумолимо строгъ:
Ту арію всегда встрѣчали хмуро,
Когда кричалъ онъ въ креслахъ: «siccatura!»

## XXXII.

Всей оперѣ давалъ онъ приговоръ
Молчаніемъ иль громкимъ крикомъ: «bravo!»

Дрожалъ оркестръ, страшась за свой позоръ,
Когда, смотря на-лѣво и на-право,
Бросалъ ему нашъ графъ презрѣнья взоръ,
Иной фальшивой нотой возмущенный;
И дрожь овладѣвала примадонной,
Когда, трудясь надъ выводомъ рулядъ,
Встрѣчала вдругъ его лукавый взглядъ;
Желали всѣ: сопрано, басъ, контръ-альто,
Чтобъ онъ хоть провалился подъ Ріальто.

## XXXIII.

Онъ былъ поэтъ, романсы распѣвалъ,
Острилъ подчасъ находчиво и мѣтко,
Всегда импровизаторовъ ласкалъ
И самъ импровизировалъ нерѣдко;
Достоинство картины понималъ
И даже слылъ за ловкаго танцора, —
Въ Италіи жь подобной славы скоро
Не заслужить; извѣстно съ давнихъ поръ,
Что итальянецъ вовсе не танцоръ.
И такъ, онъ слылъ за льва въ извѣстномъ кругѣ
И былъ герой... хоть для своей прислуги.

## XXXIV.

Къ тому же, онъ для многихъ женщинъ былъ
Находкой рѣдкой, въ этомъ я увѣренъ:
Чѣмъ холоднѣй онъ женщину любилъ,
Тѣмъ долѣе ей оставался вѣренъ,
И потому ни разу не смутилъ
Иной души блаженнаго покоя.
Въ немъ билось сердце вовсе не такое,

Которое, принявъ любовь въ себя,
Само затрепетало бы любя.
Онъ былъ любвникъ школы очень странной—
Не любящій хотя, но постоянный.

XXXV.

Вотъ почему печальная жена
Вдругъ увлеклась такимъ героемъ слѣпо
И мужу не осталася вѣрна.
Кто жь виноватъ, что не вернулся Беппо?
И сколько жъ лѣтъ Лаура ждать должна?
Она могла считать себя вдовою,
И мужъ ея досужею молвою
Давно, давно ужь былъ похороненъ;
Дѣйствительно, когда не ѣдетъ онъ,
То долженъ мертвецомъ для всѣхъ казаться,
Или, по крайней мѣрѣ, имъ считаться.

XXXVI.

При томъ, для заальпійскихъ женъ
(Хоть грѣхъ большой, прибавлю я къ тому же)
Уже давно почти вошло въ законъ —
Прости ихъ Богъ! имѣть и по два мужа.
Не знаю вѣрно, кѣмъ былъ занесенъ
За Альпы тотъ прелестнѣйшій обычай,
Но онъ ничѣмъ не нарушалъ приличій
И повсемѣстно въ обществѣ терпимъ,
Гдѣ никог‹ не трогало, что имъ
Между двумя *вторичный* бракъ скрѣплялся,
Которымъ *первый* тотчасъ нарушался.

## XXXVII.

Въ Италіи «побочный« мужъ прослылъ
Подъ именемъ вульгарнымъ «чичисбея»,
(Но это имя прежде онъ носилъ).
Тотъ модный бракъ, нисколько не робѣя,
Къ испанцамъ даже доступъ получилъ.
Надежда есть, что очень, очень скоро,
Моря переплывая и озера,
Всѣ страны эта мода заразитъ.
Но Англіи пускай не посѣтитъ, —
Иначе тамъ отъ язвы этой моды
Начнутся только штрафы да разводы.

## XXXVIII.

Хотя всегда съ почтеньемъ я гляжу
На юныхъ дѣвъ,—лукавить для чего же?
Я откровенно все-таки скажу:
Мнѣ женщина гораздо ихъ дороже,
Когда за ней я въ обществѣ слѣжу
Иль съ глазу на глазъ съ нею повстрѣчаюсь.
Обрисовать я этимъ не стараюсь
Ни англійскихъ и ни французскихъ женъ;
Я говорю: всѣхъ дамъ свободный тонъ
И эта рѣчь, текущая свободно,
Плѣнятъ, сведутъ съ ума, кого угодно.

## XXXIX.

Взгляните жь вы на рядъ прелестныхъ миссъ.
Какъ хороши!... но такъ онѣ пугливы,

Такъ часто опускаютъ глазки внизъ,
И краскою алѣютъ, точно сливы,
Что вы отъ нихъ всегда бы отреклись.
Всего стыдясь, молчатъ онѣ упрямо
И словно ждутъ, что имъ подскажетъ «mámma».
И ихъ занятья, лепетъ, робкій взглядъ
Напомнятъ вамъ спелененныхъ ребятъ.
Притомъ, отъ миссъ межъ англійскимъ народомъ,
Всегда немножко пахнетъ бутербродомъ.

XL.

И такъ названье: Cavalier servente
(Вездѣ употребительное слово)
Лишь значитъ—мужъ заштатный, или франтъ,
Занятія не знающій иного,
Какъ постоянно — это ихъ талантъ, —
Быть продолженьемъ шлейфа милой леди,
Пріятно улыбаться на обѣдѣ,
Отыскивать гондолу, экипажъ,
Услуживать при случаѣ, какъ пажъ,
Носить за ней перчатки, шали, шляпки
И въ магазинахъ купленныя тряпки.

XLI.

Какъ ни была бъ Италія страшна
Для всѣхъ мужей, знакомыхъ съ мукой ада,
Люблю тебя, роскошная страна,
Люблю смотрѣть на кисти винограда,
Въ полдневный зной у вскрытаго окна,
Віющихся въ несвязанныхъ размѣрахъ,
(Тотъ виноградъ не тотъ, что на шпалерахъ).

Гдѣ лозы прихотливо заплелись,
Зеленой бахрамой спадая внизъ.
Такъ на холстѣ, натянутомъ на рамахъ,
Малюютъ виноградникъ въ мелодрамахъ.

## XLII.

Люблю скакать безъ устали верхомъ
Въ осенній день, не спрашивая грума,
Лежитъ ли плащъ дорожный за сѣдломъ,
Боясь, что солнце спрячется угрюмо
И я могу промокнуть подъ дождемъ.
Передо мною вся въ зелени аллея,
И путь свой перерву я не жалѣя,
Когда возовъ увижу длинный рядъ,
Везущихъ спѣлый, красный виноградъ, —
А въ Англіи на каждомъ перекресткѣ,
Съ навозомъ бы попались намъ повозки.

## XLIII.

Любилъ я, солнце, весело смотрѣть
На твой закатъ, увѣренный заранѣ,
Что завтра такъ же будешь ты горѣть
И, не скрываясь въ утреннемъ туманѣ,
Какъ и всегда не перестанешь грѣть.
Нѣтъ, не напомнитъ намъ твой взоръ привѣтный
Взоръ пьяницы мертвящій и безцвѣтный,
И при лучахъ роскошныхъ южныхъ дней,
Не вспомню я о заревѣ огней,
Съ болѣзненны ъ мерцаніемъ горящихъ
Въ чаду паровъ, надъ Лондономъ висящихъ.

## XLIV.

Люблю тебя, Италіи языкъ!
Ты, каждый слухъ чаруя и балуя,
Напоминать гармоніей привыкъ
Волшебный звукъ святого поцѣлуя,
Съ устъ женщины сбѣжавшій въ сладкій мигъ.
Въ томъ языкѣ, — весь югъ благоуханный!
Сравню ль его съ нарѣчьемъ нашихъ странъ,
Иль съ разговоромъ хмурыхъ англичанъ,
Которые не могутъ выражаться,
Чтобъ не шипѣть, свистать и не плеваться?

## XLV.

Люблю еще (и кто же слабость ту
Мнѣ не проститъ?) прелестныхъ итальянокъ,
Равно ихъ всѣхъ люблю за красоту:
И смуглолицыхъ, огненныхъ крестьянокъ,
Ихъ черныхъ глазъ и жаръ, и теплоту,
Въ которыхъ страсть горитъ съ улыбкой кроткой,
И важныхъ дамъ съ классической походкой;
Люблю ихъ взоръ, вамъ говорящій вдругъ,
Что въ немъ живетъ — и этотъ теплый югъ,
И той природы дѣвственныя ласки,
И тѣхъ небесъ полуденныя краски.

## XLVI.

О, красота! Ты Ева той страны!
Рафаэля не ты ли возродила,

Чьи образы безсмертью преданы?
Не ты ль его съ богами породнила,
Которые завидовать дожны
Его твореньямъ?... Чья же, чья же лира
Достойна воспѣвать тебя для міра?
Нѣтъ, ни одинъ пѣвецъ не воспоетъ
Твоихъ чудесъ, твоихъ живыхъ красотъ,
И всѣ слова безсильны и не новы,
Пока живутъ созданія Кановы.

## XLVII.

«Все въ Англіи люблю я» (такъ въ Калэ
Я говорилъ), и даже недостатки!»
Оставшись вѣренъ этой похвалѣ,
Люблю твое правительство, порядки
Люблю свободу въ англійской землѣ,
(Пока ее имѣютъ англичане),
Права пера въ литературномъ станѣ,
Люблю типографическій станокъ,
Котораго стѣснить никто не могъ,
Люблю я шумъ парламентскаго спора,
Лишь только бъ онъ оканчивался скоро.

## XLVIII.

Люблю налогъ, который не тяжелъ,
И огонекъ, пылающій въ каминѣ,
Люблю бифштексъ, поставленный на столъ,
И пиво я люблю еще донынѣ,
Люблю, покамѣстъ дождикъ не пошелъ,
Хорошую погоду (а погода

Бываетъ хороша, въ теченье года,
Три мѣсяца, и то едва-едва). —
И такъ, люблю Британіи права,
Ея гражданъ солидность и свободу
И не совсѣмъ веселую природу,

XLIX.

Ея солдатъ и темныхъ фабрикъ дымъ,
Ея проекты, подати, реформы,
И митинги, которыми хотимъ
Себя увѣрить съ очень давнихъ поръ мы,
Что мы—народъ свободный; мной любимъ
Ея банкротствъ тяжелыхъ списокъ длинный
И ледъ, и холодъ леди нашей чинной,
И нашъ холодный сѣверный туманъ,
Ну, словомъ, — все въ отчизнѣ англичанъ,
Какъ есть теперь, или какъ прежде было,
Мнѣ кажется плѣнительно и мило.

L.

Но возвращусь къ разсказу. Мнѣ давно
Пора окончить это отступленье,
Къ тому жь, въ глазахъ читателя, оно
Со стороны поэтовъ—преступленье.
Читателю совсѣмъ не суждено
Такъ подчиняться авторскимъ капризамъ;
И, склонный къ неожиданнымъ сюрпризамъ,
Онъ непремѣнно требуетъ отъ насъ
Съ моралью и съ завязкою разсказъ,
Который нервы трогалъ бы, — а это
Вѣдь не всегда по силамъ для поэта.

## LI.

Когда бъ я могъ, читатели, для васъ
Писать легко, зѣвать не заставляя!
Когда бъ я могъ взобраться на парнассъ,
Гдѣ засѣдаютъ музы, вдохновляя
Иныхъ пѣвцовъ!... О, что бы за разсказъ,
Хоть греческій иль ассирійскій даже,
Я написалъ тотъ часъ же для продажи,
И отдалъ бы книгопродавцамъ въ плѣнъ
Богатое собранье пестрыхъ сценъ,
Чувствительныхъ весьма, сантиментальныхъ,
Съ присутствіемъ героевъ идеальныхъ.

## LII

Но я пѣвецъ, увы! не безъ грѣха,
Мнѣ мѣста нѣтъ на славномъ Геликонѣ,
Я риѳму подбираю для стиха,
Какая попадется въ лексиконѣ
(Пусть риѳма будетъ даже и плоха),
О критикахъ не думая заранѣ,
Меня предать готовыхъ грозной брани;
И даже я не рѣдко на пути
Предполагалъ до прозы низойти,
Но мода на стихи пошла въ народѣ —
И я останусь вѣренъ этой модѣ.

## LIII.

Съ Лаурой графъ жилъ мирно и въ ладу,
Почти шесть лѣтъ ихъ связь не прерывалась,

Хоть иногда у нихъ—разъ нѣсколько въ году—
И ссора межъ собою начиналась,
Но не служила, впрочемъ, къ ихъ вреду,
И ревностью навѣянная ссора
Всегда кончалась очень, очень скоро.
Въ подобныхъ отношеніяхъ нельзя жь,
Чтобъ маленькая ссора или блажь,
Рѣвнивый гнѣвъ, иль что нибудь такое,
Не нарушали изрѣдка покоя.

## LIV.

Но вообще счастливою четой
Назвать ихъ можно было безъ пристрастья,
Счастливою на столько, что пустой
Иной капризъ не нарушалъ ихъ счастья:
Она плѣняла зрѣлой красотой,
Онъ нѣженъ былъ, для нихъ любви оковы
Казалися легки и не суровы.
Свѣтъ ихъ щадилъ, и лишь порой ханжа
Ихъ къ чорту посылалъ, но, сторожа
Всѣхъ юношей, попавшихъ въ сѣть къ амуру,
Чортъ пощадилъ и графа и Лауру.

## LV.

Да, молодость любовь ихъ сберегла.
Любовь и юность — всюду неразлучны;
Вѣдь безъ любви и юность не тепла,
Безъ юности любви порывы скучны.
Одна любовь въ дни юности могла
Насъ оживлять, смиряя жизни ропотъ,
Одну любовь не улучшаетъ опытъ,

Печальный опытъ многихъ трудныхъ лѣтъ.
Не потому ль старикъ, въ которомъ нѣтъ
Того огня, что юность оживляетъ,
Насъ ревностью своею забавляетъ.

## LVI.

Былъ карнавалъ. (Строфъ тридцать шесть назадъ
Я объявилъ читателю объ этомъ).
Лаура, приготовивъ свой нарядъ,
Заняться поспѣшила туалетомъ.
Такъ дѣлалъ, вѣроятно, мой собратъ,
Заботясь о задуманномъ нарядѣ,
Чтобъ быть у мистриссъ Бемъ на маскарадѣ.
Лишь разница въ тѣхъ случаяхъ одна:
Веселью долѣе Италія вѣрна.
Тамъ карнавалъ всѣмъ маски надѣваетъ
И шесть недѣль съ толпы ихъ не снимаетъ.

## LVII.

Лаура нарядилась, не спѣша.
Подобныхъ женщинъ рѣдко встрѣтишь въ мірѣ.
Она была свѣжа и хороша,
Какъ херувимъ.... на вывѣскѣ въ трактирѣ,
Иль наконецъ, сравненьемъ не грѣша,
Какъ первая виньетка на журналѣ,
Гдѣ модныя картинки прикрывали
Обертками изъ тонкаго листка,
Затѣмъ, чтобъ ни единая строка
Отъ сильнаго давленья не осталась
На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тальма рисовалась.

LVIII.

Они пошли въ Ридотто; это залъ,
Гдѣ люди пьютъ, танцуютъ, веселятся,
Балъ съ масками, большой народный балъ,
Который бы напомнилъ, можетъ статься,
(Хоть въ меньшемъ видѣ только) нашъ воксалъ,
Съ той разницей, что тамъ героевъ бала
Дождливая погода не пугала.
И такъ—былъ балъ, и въ свѣтлой залѣ той
Мы встрѣтились бы съ пестрою толпой,
Которая (замѣчу въ назиданье)
Гораздо ниже нашего вниманья.

LIX.

Такъ «пестрою толпою» мы всегда
Часть публики извѣстной называемъ,
Въ собраніяхъ которой никогда
Друзей своихъ и близкихъ не встрѣчаемъ,
Друзей, которымъ всюду безъ стыда
Готовы мы при встрѣчѣ поклониться.
*Толпа* — совсѣмъ иное, — подчиниться
Она всегда готова моднымъ львамъ,
Капризамъ ихъ, велѣньямъ и словамъ
Избранниковъ однихъ «*большого свѣта*»
(Чѣмъ свѣтъ великъ?—темно названье это).

LX.

Такъ было прежде въ Англіи, въ тѣ дни
Когда являлись дэнди въ модномъ свѣтѣ:

Быть можетъ, нынче изгнаны они
Иною расой франтовъ на паркетѣ
И доживаютъ жизнь свою въ тѣни...
Избранники и демагоги моды!
Не разъ къ вамъ безпощадны были годы,
Не разъ вашъ блескъ затерянъ былъ во мглѣ!
Такъ погибаетъ слава на землѣ:
Отъ войнъ, любви и, что гораздо хуже,
Отъ зимняго мороза и отъ стужи.

LXI.

Примѣръ тому хотя Наполеонъ.
Рукой могучей сѣвернаго Тора
Онъ съ арміей своей былъ побѣжденъ, —
Стихіями осиленъ былъ безъ спора.
Такъ храбрый китоловъ, со всѣхъ сторонъ
Затертый льдами, въ морѣ погибаетъ,
Такъ новичекъ со страхомъ разрываетъ
Грамматики учебникъ роковой.
Наполеонъ палъ жертвой боевой,
А счастіе?... но замолчу здѣсь строго,
Затѣмъ, что въ счастье вѣрю я не много.

LXII.

Фортуны власть надъ нами велика.
Безсмертная, отъ дѣла не старѣя,
Намъ счастье раздаетъ ея рука
Въ любви, въ женитьбѣ, въ картахъ, въ лотереѣ.
Съ фортуной я не кончилъ счетъ пока,
Она мой путь не много украшала,
Но все жь меня надежда не кидала,

Что, наконецъ, за тяжкій рядъ невзгодъ
Она мнѣ дастъ порядочный доходъ.
Я буду ждать... а потому-то нынѣ
Ни слова ни скажу я о богинѣ.

## LXIII.

Разсказъ мнѣ не дается, словно кладъ,
Начну—и двадцать разъ перерываю,
Но—въ томъ размѣръ условный виноватъ,
Котораго никакъ не уломаю.
Бросать его — ужь поздно; радъ-не радъ
Я подчинюсь капризному размѣру.
Хотя въ него и потерялъ я вѣру,
Но ежели въ грядущіе года
Съ нимъ, наконецъ, я справлюсь — о, тогда,
Почтивъ его своей послѣдней тризной,
Я изберу размѣръ не такъ капризный.

## LXIV.

Они пошли въ Ридотто (и туда
Самъ думаю отправиться я скоро,
Чтобъ нѣсколько развлечься, господа,
Средь бальныхъ танцевъ, пляски, разговора,
Чтобъ отгадать на балѣ иногда
Черты лица подъ темной пеленою;
А такъ какъ скука странствуетъ за мною,
Не торопясь, то, посѣтивши балъ,
Ее, пожалуй, я бы перегналъ
На часъ одинъ, на полчаса, положимъ,
А въ полчаса мы много сдѣлать можемъ).

## LXV.

А между тѣмъ, Лаура въ залъ пошла,
Лицо ея улыбкою сіяло,
Иныхъ она къ себѣ подозвала,
Шептала съ тѣмъ, тѣмъ головой кивала;
Когда жь Лаура долго не могла
Быть въ духотѣ, — по одному лишь взгляду,
Графъ приносилъ ей тотчасъ лимонаду;
Потомъ она, оглядывая вкругъ
Костюмъ своихъ блистательныхъ подругъ,
Замѣтила, и даже не безъ вздоха,
Что всѣ онѣ одѣты очень плохо.

## LXVI.

Лицо одной пылало отъ румянъ,
Та — локоны фальшивые имѣла,
На третьей — безобразнѣйшій тюрбанъ.
Четвертая — какъ саванъ побѣлѣла,
И застилалъ глаза ея туманъ;
На пятой — весь костюмъ какой-то жалкій,
Шестая — говоритъ провинціалкой,
Седьмая, у которой по плечу,
Но... «Видѣть ихъ я больше не хочу» *),
Чтобы онѣ, какъ привидѣнья Банко,
Не шли за мной, — рѣшила итальянка.

*) »J'll see no more« — фраза изъ Макбета, Шекспира.

## LXVII.

Пока она осматривала залъ
И масокъ разноцвѣтные наряды,
Ее встрѣчали ропотомъ похвалъ,
Она ловила огненные взгляды,
И только женщинъ многихъ возмущалъ
(Онѣ вдругъ стали пасмурны и хмуры)
Восторгъ мужчинъ предъ красотой Лауры,
Которой видъ, улыбка, свѣтлый взоръ
Еще волнуютъ ихъ до этихъ поръ,
— «И этого, — сказали втайнѣ дамы, —
Ей извинить не можемъ никогда мы».

## LXVIII.

Что жь до меня касается, то я
Не прекословлю въ этомъ строгимъ дамамъ,
Негодованье въ сердцѣ затая.
Что̀ для страны всегда казалось срамомъ,
Волнуетъ постоянно и меня,
И еслибъ я былъ облеченъ тѣмъ саномъ,
Которымъ разрѣшается всегда намъ
Все говорить . . . . . . . . . . . . .
Тогда бы я затѣялъ новый родъ
Проповѣдей, и проповѣди эти
Извѣстность получили бы на свѣтѣ.

## LXIX.

И такъ, пока Лаура въ залѣ шла,
Шутя, смѣясь направо и налѣво,

Не думая, что для подругъ была
Причиною и зависти, и гнѣва,
И граціей своей ихъ всѣхъ съ ума свела,
Пока она въ блестящей залѣ бала
Вокругъ себя поклонниковъ сбирала,
То съ этимъ объяснялася, то съ тѣмъ,
Какой-то незнакомецъ между тѣмъ
За ней слѣдилъ съ упорствомъ постояннымъ
И нѣсколько—признаться нужно—страннымъ.

## LXX.

Тотъ незнакомецъ туркомъ былъ одѣтъ,
Съ лицомъ почти-что бронзоваго цвѣта;
Лаурѣ онъ понравился иль нѣтъ —
Не знаю я. Поклонникъ Магомета
За многоженство, можетъ быть, привѣтъ
И вызоветъ, но только мудрено намъ
Завидовать его гаремнымъ женамъ,
Которыхъ какъ рабынь скупаетъ онъ
И, четырехъ имѣя въ домѣ женъ,
Наложницъ можетъ, если есть охота,
Держать всегда «ad libitum», безъ счета.

## LXXI.

Притомъ же онъ ихъ прячетъ подъ запоръ,
Онъ лица ихъ скрываетъ подъ покровомъ,
И женщина считаетъ за позоръ
Съ мужчиною обмолвиться хоть словомъ,
Хотя бъ онъ былъ родня ей съ давнихъ поръ;
И тѣмъ рабамъ запуганнымъ едва ли
Когда бъ нибудь завидовать мы стали.

Обычаю восточному вѣрны,
Бездѣйствовать всю жизнь онѣ должны,
Кормить дѣтей, купаньемъ нѣжить кожу
И подходить по очереди къ ложу.

LXXII.

Имъ незнакомы книжная печать
И толки о послѣдней, новой драмѣ,
Остротами не думая блистать,
Онѣ совсѣмъ не склонны къ эпиграммѣ,
Но если бъ свѣтъ проникъ туда—какъ знать!
И начался расколъ во всемъ гаремѣ,
Кто бъ справился съ красавицами тѣми?
Но къ счастію, что въ ихъ средѣ пока
Не заводилось *синяго чулка*
И юноши румянаго, съ которымъ
Онѣ могли бъ заняться книжнымъ вздоромъ.

LXXIII.

Имъ незнакомъ торжественный риѳмачъ,
За славою гоняющійся вѣчно,
Ручной звѣрокъ, поэзіи палачъ,
Терзающій нашъ слухъ безчеловѣчно,
Стихами называющій свой плачъ
И хныканье; кривляка на пегасѣ,
Руководитель женщинъ на парнассѣ
И юношей, задумавшихъ *творить;*
Посредственность, желающая быть
Прославленной, извѣстной для чего-то,
Имѣя смыслъ и силу идіота.

## LXXIV.

Имъ незнакомъ оракулъ-стихоплетъ,
Хвалящій то, что стоитъ поруганья,
Жужжащій дни и ночи на пролётъ
И мучающій насъ безъ состраданья
Восторгами, — хоть ихъ никто не ждетъ, —
Иль наглостью, цинизмомъ грязной брани,
И съ жадностью глотающій въ туманѣ
Извѣстность жалкую, и наконецъ
Такихъ поэмъ бездарнѣйшій пѣвецъ,
Что всѣ онѣ имѣли бъ славу ту же,
Когда бъ еще гораздо были хуже.

## LXXV.

Непризнанныхъ талантовъ роль жалка.
Они напоминаютъ почему-то
Глядящаго надмѣнно свысока,
Лоскутьями обвѣшаннаго шута.
Ихъ разгадать — задача не легка,
Но самаго отчаяннаго фата,
Котораго встрѣчали мы когда-то,
Безъ устали болтавшаго, едва-ль
Терпимѣе любой журнальный враль
И вся коллекція бумажныхъ насѣкомыхъ,
Живущая въ журналахъ и въ альбомахъ.

## LXXVI.

Я исключаю избранныхъ натуръ
Изъ темной касты пишущихъ педантовъ.

Васъ, Роджерсъ, Вальтеръ-Скоттъ, и То́масъ-Муръ,
Васъ, съ обществомъ подобныхъ фигурантовъ,
Съ собраніемъ плохихъ каррикатуръ,
Не смѣшивалъ еще никто въ народѣ.
Такъ пусть они, тупые по природѣ,
Гоняясь за чужою остротой,
Проходятъ безъ слѣдовъ передъ толпой,
Съ запасомъ фразъ избитыхъ и мишурныхъ
Для мальчиковъ и дамъ литературныхъ.

## LXXVII.

Нѣтъ, мусульманкамъ съ дѣтскихъ ихъ пеленъ
Невѣдомы, ко счастью, люди эти
И чужды имъ какъ колокола звонъ,
Гудящій на турецкомъ минаретѣ;
Но если бы издать такой законъ
(Я въ свой проектъ имѣю много вѣры),
Чтобъ на востокъ пошли миссіонеры
Съ запасомъ христіанскихъ мудрыхъ книгъ
Вводить въ гаремахъ книжный нашъ языкъ,
Тогда навѣрно бъ мы пришли къ богатымъ
И несомнѣнно важнымъ результатамъ.

## LXXVIII.

Но не проникла химія въ гаремъ,
Для дѣвъ его никто не сочиняетъ
Религіозныхъ повѣстей, поэмъ,
И лекціи никто имъ не читаетъ,
Хотя о метафизикѣ. Затѣмъ
Онѣ картинныхъ выставокъ не знаютъ
И за теченьемъ звѣздъ не наблюдаютъ,

Не предаются вздохамъ при лунѣ
И чистой математикой онѣ
Не занимались въ школѣ педагога,
За что всегда благодарю я Бога.

## LXXIX.

А почему его благодарю? —
Особыя причины есть на это;
Я ничего теперь не говорю
И всѣхъ пока оставлю безъ отвѣта,
Но, можетъ быть, когда я возгорю
Желаніемъ — для прозы бросить лиру —
Я напишу объ этомъ вамъ сатиру.
Я склонность къ ней ужь чувствую давно,
Хоть въ старости браниться и смѣшно:
На склонѣ лѣтъ, тотъ смѣхъ насъ оживляетъ,
Который думать чаще заставляетъ.

## LXXX.

Веселья и невинности года!
Дни чистаго, святого упованья!
Въ нашъ черствый вѣкъ, начавшій безъ стыда
Все разрушать, въ припадкѣ отрицанья,
Мы не отыщемъ вашего слѣда.
Но, все равно! я остаюсь вамъ вѣренъ,
И стану восхвалять васъ. Я увѣренъ,
Что времена счастливыя опять
Придется намъ когда нибудь встрѣчать.
И я теперь, о, сладкія мгновенья!
Пью горькій джинъ за ваше возвращенье.

LXXXI.

А турокъ на Лауру все глядитъ,
Не сводитъ глазъ съ нея ни на минуту,
И взоръ его, казалось, говоритъ:
— «Я на тебя смотрю, а потому-то
Не уходи!»... подобный взоръ смутитъ
Иную робкую, пугливую натуру,
Но не смутилъ нисколько онъ Лауру.
Случалось ей уже не въ первый разъ
Выдерживать огонь подобныхъ глазъ,
А потому безъ страха, безъ румянца
Она встрѣчала взгляды иностранца.

LXXXII.

Ночь пронеслась, и близокъ былъ разсвѣтъ,
И въ этотъ часъ любительницамъ бала
Осмѣлюсь дать одинъ благой совѣтъ:
Покамѣстъ дня еще не наступало
Скорѣй кидайте балъ или банкетъ.
При освѣщеньѣ люстры вы блистали,
Когда жь потухнутъ лампы въ бальной залѣ
И солнца лучъ въ окошко проскользнетъ,
Тогда у васъ румянецъ пропадетъ,
И яркіе лучи дневнаго свѣта
Вдругъ обличать всѣ тайны туалета.

LXXXIII.

Когда-то, жизнь и время не цѣня,
Я по баламъ шатался и упрямо

Сидѣлъ всю ночь и ждалъ явленья дня,
Чтобъ подсмотрѣть, найдется ли тамъ дама,
Которая (кто жь обвинить меня
Осмѣлится за наблюденье это?)
Безъ страха встрѣтитъ лучъ дневнаго свѣта?
Я много зналъ красивыхъ дѣвъ и женъ,
Но лишь *одной* былъ только пораженъ,
Которой щеки такъ же были алы
При блескѣ дня, какъ и при лампахъ залы.

## LXXXIV.

Я имени ея не назову,
Не потому, что имя это — тайна,
Но для чего жь бросать его въ молву,
Когда она мнѣ встрѣтилась случайно,
Какъ свѣтлый сонъ, мелькнувшій на яву?
Но, можетъ быть, ее вы-бъ повстрѣчали
На лондонскомъ или парижскомъ балѣ,
Гдѣ вы бывали вѣрно иногда;
Идите же искать теперь туда
Румянецъ щекъ, который безъ испуга
Поспорилъ бы съ румянымъ утромъ юга.

## LXXXV.

Лаура, безъ сомнѣнья, поняла
Невыгоду на балѣ оставаться
До той поры, когда изчезнетъ мгла
И день начнетъ сквозь окна прорываться,
А потому она уже была
Готова балъ оставить безъ печали.
Графъ шелъ за ней съ запасомъ теплой шали

И всевозможныхъ экстренныхъ услугъ;
Они идутъ — но ихъ встрѣчаетъ вдругъ
Препятствіе (не рѣдкіе примѣры):
Отъ ихъ гондолы скрылись гондольеры.

## LXXXVI.

Всѣ гондольеры, точно какъ у насъ
Извощики передъ дверьми собраній,
Толкаются, тѣснятся каждый разъ
Среди пинковъ и самой крупной брани,
И хоть порывъ тѣхъ слишкомъ грубыхъ фразъ
Приходится смирять не рѣдко стражѣ,
Но и при ней они не могутъ даже
Удерживать разнузданный языкъ,
Къ которому едва ли кто привыкъ, —
А потому всѣ эти выраженья
Я не введу въ разсказъ свой, безъ сомнѣнья.

## LXXXVII.

Но наконецъ, гондолу отыскавъ,
Поѣхали вдоль тихаго канала
Они домой. Болталъ съ Лаурой графъ
Объ обществѣ и о костюмахъ бала,
Съ злословіемъ свой смѣхъ перемѣшавъ.
Когда жь они къ палаццо подплывали,
И къ лѣстницѣ, купавшейся въ каналѣ,
Гондола тихо, тихо подплыла,
Лаура взоръ случайно подняла:
Вдругъ передъ нею — случай очень страненъ —
Опять стоитъ все тотъ же мусульманинъ.

## LXXXVIII.

Графъ сдвинулъ брови. — «Слушайте, синьоръ,
Поступки ваши требуютъ отвѣта
И вызываютъ насъ на разговоръ.
Зачѣмъ вы здѣсь? Иль, наконецъ, все это
Нечаянность? Но съ этихъ поръ
Вы прекратить должны свою причуду,
А иначе я самъ обязанъ буду
Заставить васъ... вы можете понять»...
— Мнѣ нечего, синьоръ, вамъ объяснять, —
Отвѣтилъ турокъ тутъ не безъ улыбки: —
Здѣсь никакой, поймите, нѣтъ ошибки.

## LXXXIX.

— И эта дама, графъ, — *моя жена!..*
Извѣстьемъ неожиданнымъ не мало
Лаура вдругъ была поражена;
Но гдѣ-бъ британка въ обморокъ упала
И памяти лишиться бы должна,
Тамъ итальянка съ тайною мольбою
Въ одну минуту справится съ собою
Безъ помощи эссенцій спиртовыхъ,
Флаконовъ, оттираній роковыхъ,
Разрѣзанныхъ шнуровокъ на корсетѣ,
Какъ вообще случается на свѣтѣ.

## XC.

Лаура растерялась и молчитъ.
И что сказать могла она? Ни слова.

Но иноземца вѣжливо спѣшитъ
Графъ пригласить (хоть это было ново)
Войти въ ихъ домъ. Онъ турку говоритъ:
— «Чтобъ избѣжать публичнаго содома,
Мы обо всемъ перетолкуемъ дома,
Себя не выставляя на показъ
Для сотни любопытныхъ слишкомъ глазъ,
Иначе же дадимъ мы пищу разомъ
Различнымъ толкамъ, сплетнямъ и разсказамъ».

XCI.

Они вошли въ палаццо. Имъ несутъ
Душистый кофе, сдѣланный заранѣ;
Извѣстно намъ — напитокъ этотъ чтутъ
Равно какъ турки, такъ и христіане,
Хотя его они различно пьютъ.
Межъ тѣмъ Лаура, скрывъ свое смущенье,
Воскликнула: «Ахъ, Беппо! Безъ сомнѣнья
Ты не язычникъ? тотъ же, какъ всегда?
Ахъ, Господи, какая борода!
Гдѣ жь ты скитался долго? Почему же
Я столько лѣтъ не слышала о мужѣ?

XCII.

«Не туркомъ ли вернулся ты назадъ?
Не взялъ ли ты жену себѣ моложе?
Ахъ, правда-ль, будто турки всѣ ѣдятъ
Не вилками, а пальцами?.. Мой Боже!
Такую шаль видалъ ли кто наврядъ!
Не мнѣ-ль ее привезъ ты изъ чужбины?
Ахъ, да, скажи мнѣ, правда-ль, что свинины

Не разрѣшаетъ туркамъ Магометъ?..
И какъ ты могъ, скажи мнѣ, столько лѣтъ
Жить безъ.... А я, Maria Santa, я же...
Но ты такъ желтъ, что, право, страшно даже.

## XCIII.

«Ахъ, Беппо, борода къ тебѣ не йдетъ...
Сбрей бороду пожалуйста скорѣе.
Къ чему она? Чтобъ насмѣшить народъ?
Иль ты забылъ, что, какъ и прежде грѣя,
На родинѣ все такъ же солнце жжетъ?
А твой костюмъ... прошу я, Бога ради,
Не выходи теперь въ такомъ нарядѣ.
Вѣдь у людей ужасно злой языкъ...
И для чего жь ты волосы остригъ?
Ахъ, Господи! смотрѣть обидно, просто:
Не сосчитать твоихъ сѣдыхъ волосъ-то!..»

## XCIV.

Какъ Беппо отвѣчалъ своей женѣ,
Не знаю точно я, но, между нами, —
Вотъ что о немъ теперь извѣстно мнѣ:
Онъ на берегъ былъ выброшенъ волнами
И очутился вдругъ въ той сторонѣ,
Гдѣ, будто бы, стояла прежде Троя,
Но гдѣ тогда для нашего героя
Настала жизнь неволи и труда;
Но онъ бѣжалъ къ пиратамъ на суда
И, добровольно ставши ренегатомъ,
Жилъ хорошо и сдѣлался богатымъ.

## XCV.

Разбогатѣвъ съ избыткомъ, началъ онъ
Подумывать о родинѣ далекой,
Съ которой былъ такъ долго разлученъ,
И о странѣ родной тоски глубокой
Не пересилилъ новый Робинзонъ:
Все къ ней влекло его неудержимо.
Случилось разъ — корабль испанскій мимо
Тѣхъ самыхъ мѣстъ шелъ въ Корфу съ табакомъ;
На тотъ корабль пробравшися тайкомъ
И случаю себя ввѣряя слѣпо,
Отправился искать удачи Беппо.

## XCVI.

Онъ на корабль испанскій перенесъ
Свои богатства, — Богу лишь извѣстно,
Гдѣ онъ ихъ взялъ,—(не въ томъ теперь вопросъ:
Они добыты честно иль не честно?)
Но бѣгство это Беппо удалось.
Онъ говорилъ: «лишь только *Провидѣнье*
*Спасло* меня тогда!» . . . . . . .
. . . . . . . . . . . . . . . .
И такъ, корабль пустился быстро въ путь
Безъ всякихъ бѣдъ, крушеній и погони,
И, простоявъ три дня на мысѣ Боннѣ,

## XCVII.

Онъ прибылъ въ Корфу. Беппо въ тотъ же часъ
Съ своимъ добромъ сѣлъ на другое судно,

Гдѣ называлъ себя на этотъ разъ
Купцомъ турецкимъ (было бъ безразсудно
И поступить иначе); на показъ,
Онъ выставилъ товаръ свой для продажи.
И торговалъ, никѣмъ не узнанъ даже.
Такъ, избѣжавъ несчастій и засадъ,
Въ Венецію вернулся онъ назадъ,
Чтобъ вновь примкнуть къ забытому имъ кругу
И снова отыскать свою супругу.

## XCVIII.

Жена его радушно приняла,
Безъ ропота, безъ явнаго проклятья,
Но тотчасъ же чалму съ него сняла,
И день одинъ ходилъ онъ въ графскомъ платьѣ;
Толпа друзей привѣтлива была
И стала ѣздить къ Беппо на обѣды,
На ужины и длинныя бесѣды
Хозяина, который всякій разъ
Готовилъ имъ какой нибудь разсказъ,
Но, хоть гостей бесѣда развлекала,
Въ разсказы тѣ я вѣрю очень мало.

## XCIX.

Быть можетъ, Беппо точно испыталъ
Не мало бурь и бѣдъ въ иные годы;
Но, наконецъ, и онъ покой узналъ
И вспоминать любилъ свои невзгоды,
Хотя подъ часъ съ Лаурой онъ бывалъ

И не въ ладахъ... Мнѣ, кстати, говорили,
Что онъ и графъ — пріятелями жили.
Но конченъ листъ, нѣтъ мѣста для пера,
И мой разсказъ кончать давно пора.
Давно пора! держусь хоть этой вѣры,
Но сталъ писать — и вышелъ вопъ изъ мѣры.

# V.

# ТАНГЕЙЗЕРЪ.

## Тангейзеръ.

*(Поэма Гейне).*

**(Н. М. СОКОЛОВСКОМУ.)**

I.

Бойтесь, бойтесь, Эссіане,
Сѣти демоновъ. Теперь я
Въ поученье разскажу вамъ
Очень древнее повѣрье.

Жилъ Тангейзеръ — гордый рыцарь.
Поселясь въ горѣ Венеры,
Страстью жгучей и любовью
Наслаждался онъ безъ мѣры.

—«О, красавица Венера!
Часъ пришелъ съ тобой прощаться.
Не могу я жить съ тобою,
Не могу здѣсь оставаться.»

— «Милый рыцарь, ты сегодня
Скупъ на ласки. Для чего же,
Не ласкаясь и тоскуя,
Хочешь бросить это ложе?

«Каждый день виномъ янтарнымъ
Я твой кубокъ наполняла,
И вѣнокъ изъ розъ душистыхъ
Каждый день тебѣ свивала.»

— «Мнѣ наскучили, подруга,
Поцѣлуи, вина, розы,
Мнѣ нужны теперь страданья,
Мнѣ доступны только слезы.

«Пусть замолкнуть смѣхъ и шутки,
Скорбь зову къ себѣ на смѣну,
Вмѣсто розъ вѣнокъ терновый
Я на голову надѣну».

— «Милый рыцарь, мой Тангейзеръ,
Ищешь ссоры ты, конечно;
Гдѣ-жь та клятва, что со мною
Обѣщался жить ты вѣчно?

«Въ темной спальнѣ, въ сладкой нѣгѣ
Я-бъ развлечь тебя умѣла...
Наслажденья обѣщаетъ
Это мраморное тѣло.»

— «Нѣтъ, красавица Венера,
Красота твоя не вянетъ,
Многихъ, многихъ видъ твой дивный
Очаруетъ и обманетъ.

«На груди твоей въ блаженствѣ
Замирали боги, люди,
И теперь мнѣ сталъ противенъ
Вѣчный трепетъ этой груди.

«Ты до нынѣ всѣхъ готова
Звать на ложе наслажденья,
Потому къ тебѣ невольно
Получилъ я отвращенье.»

— «Рѣчь твоя меня жестоко,
Милый рыцарь, оскорбила.
Билъ меня ты, но побои
Прежде легче я сносила.

«Можно вынести удары,
Какъ бы ни были жестоки,
Но выслушивать ни въ силахъ
Я подобные упреки.

«Ласкъ моихъ тебѣ не нужно,
Не нужна моя забота —
Такъ прощай, мой другъ, — сама я
Отворю тебѣ ворота».

---

## II.

Гулъ и звонъ — въ священномъ Римѣ,
Рядъ прелатовъ внемлетъ хору,
И въ процессіи самъ папа
Тихо шествуетъ къ собору.

На челѣ Урбана — папы
Блескъ тіары драгоцѣнной
И за нимъ несутъ бароны
Пурпуръ мантіи священной.

— «Подожди, святой владыко!
Мнѣ въ грѣхѣ открыться надо!...
Только ты лишь вырвать можешь
Душу грѣшную изъ ада!...»

Хоръ замолкъ; священныхъ гимновъ
На минуту стихли звуки,
И къ ногамъ Урбана папы
Грѣшникъ палъ, поднявши руки:

— «Ты одинъ, святой владыко,
Судишь правыхъ и неправыхъ,
Защити меня отъ ада,
Отъ сѣтей его лукавыхъ!...

«Имя мнѣ — Тангейзеръ рыцарь.
За блаженствомъ я гонялся
И семь лѣтъ въ горѣ Венеры
Нѣгой страсти упивался.

«Лучшій цвѣтъ красавицъ міра
Предъ Венерою блѣднѣетъ,
Отъ рѣчей ея волшебныхъ
Сердце мечется и млѣетъ.

«Какъ цвѣтовъ благоуханье
Мотылька невольно манетъ,
Такъ меня, къ губамъ Венеры
Непонятной силой тянетъ.

«По плечамъ ея роскошнымъ
Кудри падаютъ каскадомъ,
Я нѣмѣлъ, какъ заколдованъ,
Подъ ея всесильнымъ взглядомъ.

«Я стоялъ предъ нимъ недвижимъ,
Тайнымъ трепетомъ объятый,
И едва мнѣ силъ достало
Убѣжать съ горы проклятой.

«Я бѣжалъ — но вслѣдъ за мною
Взоръ слѣдилъ все съ той же силой,
И манилъ онъ, и шепталъ онъ:
«О! вернись, вернись, мой милый!»

«Днемъ брожу я, словно призракъ,
Ночь придетъ — и съ тѣмъ же взглядомъ
Та красавица приходитъ
И со мной садится рядомъ.

«Слышенъ смѣхъ ея безумный,
Зубы бѣлые сверкаютъ...
Только вспомню этотъ хохотъ —
Слезы съ глазъ моихъ сбѣгаютъ.

«Я люблю ее насильно,
Страсти гнетъ съ себя не скину;
Та любовь сильна, какъ волны,
Разорвавшія плотину.

«Эти волны несдержимо
Въ бѣлой пѣнѣ съ ревомъ мчатся
И, при встрѣчѣ все ломая,
Въ брызги мелкіе дробятся....

«Если бъ могъ я — даже небо
Положилъ къ ногамъ Венеры,
Для нея сорвалъ бы солнце
И луну съ небесной сферы.

«Я спаленъ любовью грѣшной...
Сердце выжжено, какъ камень...
Не уже-ль въ груди изнывшей
Не угаснетъ адскій пламень?

«Ты одинъ, святѣйшій папа,
Судишь правыхъ и неправыхъ,
Защити-жь меня отъ ада,
Отъ сѣтей его лукавыхъ!...»

Папа къ небу поднялъ руки
И, вздохнувъ, отвѣтилъ тѣмъ онъ:
— «Сынъ мой! власть моя безсильна
Тамъ, гдѣ власть имѣетъ демонъ!

«Страшный демонъ — та Венера:
Изъ когтей ея прекрасныхъ
Не могу я, бѣдный рыцарь,
Вырвать жертвъ ея несчастныхъ.

«Ты поплотишься душою
За усладу плоти грѣшной;
Проклятъ ты, — а проклятому
Путь одинъ — во адъ кромѣшный!»...

III.

И назадъ пошелъ Тангейзеръ,
Больно въ кровь стирая ноги.
Въ ночь вернулся онъ къ Венерѣ
Въ подземельные чертоги.

И, забыла сонъ Венера,
Быстро ложе покидала
И, любовника руками
Обвивая, цѣловала.

Но ложится молча рыцарь,
Имъ восторгъ не обнаруженъ,
А Венера гостю въ кухнѣ
Приготавливаетъ ужинъ.

Поданъ ужинъ, и хозяйка
Гостю кудри разчесала,
На ногахъ омыла раны
И привѣтливо шептала:

— «Милый рыцарь, мой Тангейзеръ,
Долго ты не возвращался;
Разскажи, въ какихъ же странахъ
Столько времени скитался?»

— «Былъ въ Италіи и въ Римѣ
Я, подруга дорогая,
По дѣламъ своимъ, но больше
Не поѣду никуда я.

«Тамъ гдѣ Рима дальный берегъ
Тибръ волнами орошаетъ,
Папу видѣлъ я: Венерѣ
Онъ поклоны посылаетъ.

«Чрезъ Флоренцію изъ Рима
Я прошелъ, и былъ въ Миланѣ,
Проходилъ я черезъ Альпы,
Изчезая въ ихъ туманѣ.

«И когда я шелъ чрезъ Альпы —
Падалъ снѣгъ, — мнѣ улыбались
Вкругъ озера голубыя,
И орлы перекликались.

«Я съ вершины Сен-Готарда
Слышалъ, какъ храпѣла звонко
Вся страна почтенныхъ нѣмцевъ,
Спавшихъ сладкимъ сномъ ребенка.

«И опять теперь вернулся
Я къ тебѣ, къ моей Венерѣ, —
И до гроба не покину
Я твоей волшебной двери.»

# ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

## ОБЛИЧИТЕЛЬНАГО ПОЭТА

(ТЕМНОГО ЧЕЛОВѢКА.)

# ПѢСНИ ПРОГРЕССА.

## Отцы или дѣти?

*Параллель.*

---

Ужъ много лѣтъ безъ утомленья
Ведутъ войну два поколѣнья,
Кровавую войну;
И въ наши дни, въ любой газетѣ
Вступаютъ въ бой «Отцы» и «Дѣти»,
Разятъ другъ друга тѣ и эти,
Какъ прежде, въ старину.

Мы проводили, какъ умѣли,
Двухъ поколѣній параллели
Сквозь мглу и сквозь туманъ.
Но разлетѣлся паръ тумана:
Лишь отъ Тургенева Ивана
Дождàлись новаго романа, —
Нашъ споръ рѣшилъ романъ.

И мы воскликнули въ задорѣ:
«Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?»
Которое жь изъ двухъ?
Кто побѣдилъ? кто лучшихъ правилъ?

Кто уважать себя заставилъ:
Базаровъ-ли, Кирсановъ Павелъ,
Ласкающій нашъ слухъ?

Въ его лице вглядитесь строже:
Какая нѣжность, тонкость кожи!
Какъ снѣгъ бѣла рука.
Въ рѣчахъ, въ пріемахъ — тактъ и мѣра,
Величье лондонскаго «сэра», —
Вѣдь безъ духовъ, безъ несессера
И жизнь ему тяжка.

А что за нравственность! О, боги!
Онъ передъ Ѳеничкой, въ тревогѣ,
Какъ гимназистъ, дрожитъ;
За мужика вступаясь въ спорѣ,
Онъ иногда, при всей конторѣ,
Рисуясь съ братомъ въ разговорѣ,
«Du calme, du calme!» твердитъ.

Свое воспитывая тѣло,
Онъ дѣло дѣлаетъ безъ дѣла,
Плѣняя старыхъ дамъ;
Садится въ ванну, спать ложася,
Питаетъ ужасъ къ новой расѣ,
Какъ левъ, на Брюллевской террасѣ
Гуляя по утрамъ.

Вотъ старой прессы представитель.
Вы съ нимъ Базарова сравните-ль?
Едва ли господа!
Героя видно по примѣтамъ,
А въ нигилистѣ мрачномъ этомъ,
Съ его лѣкарствами, съ ланцетомъ,
Геройства нѣтъ слѣда.

Онъ въ красотѣ лишь видитъ формы,
Готовъ уснуть при звукахъ Нормы,
Онъ отрицаетъ и....
Онъ ѣстъ и пьетъ, какъ всѣ мы тоже,
Съ Петромъ бесѣдуетъ въ прихожей,
И даже съ горничной, о Боже!
Играть готовъ идти.

Какъ циникъ самый образцовый
Онъ станъ madame де-Одинцовой
Къ своей груди прижалъ,
И даже, — дерзость вѣдь какая, —
Гостепріимства правъ не зная,
Однажды Ѳеню, обнимая,
Въ саду поцѣловалъ.

Кто-жь намъ милѣй: старикъ Кирсановъ,
Любитель фесокъ и кальяновъ,
Россійскій Тогенбургъ?
Иль онъ, другъ черни и базаровъ,
Переродившійся Инсаровъ —
Лягушекъ рѣжущій Базаровъ,
Неряха и хирургъ?

Отвѣтъ готовъ: вѣдь мы не даромъ
Имѣемъ слабость къ русскимъ барамъ —
Несите жь имъ вѣнцы!
И мы, рѣшая все на свѣтѣ,
Вопросы разрѣшили эти....
Кто намъ милѣй — отцы иль дѣти?
Отцы! отцы! отцы!

## Вопросъ.

*(Дума.)*

---

Разрѣшите, Бога ради,
Мнѣ вопросъ въ подобномъ родѣ:
Отчего во всей природѣ,
Всюду — спереди и сзади, —

Если-бъ былъ я въ темномъ лѣсѣ,
Иль въ общественной каретѣ, —
Все твердитъ мнѣ въ этомъ свѣтѣ
О великой русской прессѣ?

Занимаюсь-ли закуской,
Иль сижу среди театра —
Слышу ухомъ психіатра
Отголосокъ прессы русской.

Встрѣчу-ль фактовъ рядъ забавный,
Въ рощѣ-ль птичекъ слушать буду —
Откликаются мнѣ всюду
Корифеи прессы славной.

Отчего? Иль самъ я гадко
Такъ устроенъ... или... или...
Нѣтъ, вопросы эти были
Для меня всегда — загадка.

Въ свой недугъ, въ свою природу
Я не вѣрилъ даже какъ-то,
Но идти напротивъ факта —
Лишь толочь напрасно воду.

А межъ тѣмъ, — судите сами!
Какъ понять мою натуру? —
Каждый день литературу
Вижу я, какъ въ панорамѣ.

Если сына я примѣрно
Наказать рѣшился прутомъ —
Предо мною встанетъ Брутомъ
Тѣнь Юркевича навѣрно.

Если гуся ѣмъ въ буфетѣ —
Вспоминаю, сжавъ ладони,
О разбойникѣ Семенѣ
И о бѣдномъ нашемъ Фетѣ.

Если встрѣчу господина
Постъ держащаго, — въ ту пору
Словно вижу—сикомору,
А подъ ней лежитъ Щербина.

Если вижу дикихъ утокъ —
Дикихъ женщинъ вспомню; это
На Полонскаго поэта
Наведетъ меня безъ шутокъ.

Если нервно дрогнутъ руки,
Я услышу ржанье въ стойлѣ,
Восклицаю тотчасъ: ой-ли!
Не изъ «Вѣсти» ли тѣ звуки?...

Если слипнутся двѣ мухи
Лѣтомъ сѣвернымъ, суровымъ, —
О Ле — евѣ съ К — вымъ
До меня доходятъ слухи.

Если жабы скачутъ въ лужѣ,
Разыгравшись con amore —
«Взбаламученное море»
Вспомню я въ минуту ту-же.

Если слышу скрипъ телѣги —
Тутъ невольно вспомнить надо
Розенгеймовскаго склада
Стихотворные побѣги.

Если рвутъ кусокъ ландкорта
Мнѣ въ лавчонкѣ на Толкучемъ —
Я смущенъ стихомъ трескучимъ
Бенедиктовскаго сорта.

Если падаютъ слезинки
По щекамъ иной вдовицы,
Слышу слезный звукъ цѣвницы
Скорбной музы, музы Глинки.

Встрѣчу-ль отрока — весь день я, —
Въ пышномъ домѣ-ль, въ темной хатѣ-ль, —
Вспоминаю васъ, издатель
«Библіотеки для Чтенья».

Старомоднаго фасона
Если встрѣчу я мыслишку, —
Развернувъ любую книжку,
Всюду чую Эдельсона.

Объясните-жь, Бога ради,
Мнѣ вопросъ въ подобномъ родѣ:
Отчего во всей природѣ,
Въ полѣ, въ ваннѣ, въ маскарадѣ,

Если бъ былъ я въ темномъ лѣсѣ,
Въ свѣтлой залѣ на паркетѣ,
Все твердитъ мнѣ въ этомъ свѣтѣ
О великой русской прессѣ?

---

А. Б. КОКОРЕВА

## Послѣдніе Славянофилы.

*(Еще свѣжее преданіе.)*

---

Когда въ челѣ своихъ дружинъ,
Побѣду празднуя заранѣ,
Стоялъ Аксаковъ Константинъ, —
Мужали духомъ всѣ славяне.

«Маякъ,» дремавшій столько лѣтъ,
Вновь проявилъ свой голосъ смѣлый,
И «Москвитянина» скелетъ
Забылъ въ гробницѣ саванъ бѣлый.

Пронесся кликъ: «о, смѣлый вождь,
Пробей къ народности ты тро́пу,
Лишь прикажи: каменьевъ дождь
Задавитъ дряхлую Европу;

«Иди, оставь свой домъ и одръ,»
Кричатъ славянскіе витіи:

И все, что внесъ въ Россію Петръ —
Гони обратно изъ Россіи.

«Вѣрь прозорливости друзей:
Назадъ, назадъ идти намъ надо!
Для этихъ западныхъ идей
Безумны милость и пощада.»

И вождь имъ радостно внималъ,
Бичуя запада пороки.
— Мы постоимъ, онъ восклицалъ
За честь «народной подоплеки!»

Въ негодованіи, въ тѣ дни
Славяне фраки съ плечъ срывали
И за Москвою жгли огни,
И на кострахъ ихъ сожигали;

Славяне въ мурмолкахъ, въ бобрахъ,
Сидѣли, съ злобою циклопа,
И ждали — скоро-ли во прахъ
Падетъ разбитая Европа.

Но время шло. Рѣдѣлъ ихъ кругъ
Не улыбалась имъ побѣда;
Среди усилій и потугъ
Угасла «Русская Бесѣда»;

Перунъ угрюмый, чтимый встарь,
Упалъ, крапивой зарастая,
И только «Свѣточа» фонарь
Чадилъ, кого-то примиряя.

Во тьмѣ гробовъ своихъ нѣмыхъ
Легъ за бояриномъ бояринъ,

Осталось двое только ихъ:
Иванъ Аксаковъ и Самаринъ.

Разбитъ славянскій ихъ кумиръ,
Едва мерцаетъ «День» въ туманѣ,
И одиноко въ новый міръ
Глядятъ послѣдніе славяне.

Они глядятъ — и взоръ ихъ ждетъ:
Вотъ богатырь-Илья очнется,
Перунъ подниметcя, — вотъ-вотъ
Вся Русь старинная проснется.

Отвѣта нѣтъ. Тотъ вѣкъ почилъ;
И вотъ, собравъ остатокъ силы,
У позабытыхъ двухъ могилъ
Сошлись на пиръ славянофилы.

Сошлись и молвили они:
«Вотъ здѣсь, средь дѣдовскихъ угодій,
Намъ близки только въ эти дни —
Одинъ Кириллъ... одинъ Меѳодій».

Пируютъ... рѣчи ихъ мертвы,
Безсильны гнѣвныя угрозы;
На дно широкой ендовы
Они роняютъ только слезы.

И въ даль, угрюмо, сквозь туманъ
Глядятъ послѣдніе славяне.—
А имъ Погодинъ, какъ баянъ,
Читаетъ спичи на курганѣ.

## Московская элегія.

*(Мотивъ изъ Русскаго Вѣстника).*

---

Пускай временъ новѣйшихъ пресса,
    Родясь едва,
Твердитъ въ честь русскаго прогресса
    Одни слова.

Пусть мы, отъ времени въ угарѣ,
    Ему сулимъ,
Какъ говоритъ де-Молинари:
    Succès d'estime,

Когда съ свистками всѣ изданья
    Пустились вскачь,
Пусть всѣхъ смутятъ мои рыданья,
    Мой горькій плачъ.

И я пошелъ всѣмъ демагогамъ
    Наперерѣзъ,

И вдохновеннымъ монологомъ
Смутилъ прогрессъ:

«Зачѣмъ ты здѣсь, Европы житель?
Какой зефиръ
Занесъ тебя въ сію обитель,
Въ славянскій міръ?

Иди ты къ нѣмцамъ для порядка,
Иди въ Парижъ,
У насъ все глушь, все Пермь да Вятка,
У насъ Курмышъ.

Въ твоихъ писаньяхъ много литеръ
И громкихъ словъ,
Вѣдь отъ тебя нашъ шумный Питеръ
Пустоголовъ.

Одна Москва, храня преданья,
Тебя казнитъ,
И въ лихорадкѣ отрицанья
Не задрожитъ.

Гляди, заносчивый прелестникъ!
За тѣнью тѣнь:
У насъ въ зенитѣ «Русскій Вѣстникъ»,
Въ восходѣ «День».

У насъ есть хлѣбъ на многи лѣта,
У насъ есть квасъ,
Къ чему намъ пряности памфлета
И перецъ фразъ?

Къ чему жь шумитъ, что обличаетъ
Нашъ пустозвонъ?

Какъ песъ на знаніе онъ лаетъ
Со всѣхъ сторонъ.

Вся эта пляска обличенья,
Полемикъ блажь,
Есть гниль и признакъ разложенья,
Страстей миражъ.

Схвативъ въ наукѣ лишь верхушки,
Одни вершки,
Намъ кутежей зловредны *кру́жки*,
Вредны — *кружкѝ*.

Кружкѝ — есть альфа и омега
Всѣхъ нашихъ бѣдъ,
Въ нихъ наша праздность, ложь и нѣга,
Утопій бредъ.

Кружки — позоръ великорусса,
Чума умовъ;
Въ нихъ и для минуса и плюса
Привѣтъ готовъ.

Въ кружкахъ читаютъ Молешота,
Прудона чтутъ,
А Ахшарумова и Грота
Не признаютъ.

## Колыбельная пѣсня женщинамъ.

*Всѣхъ* женщинъ нужно подчинить правильному надзору будочниковъ. Обязанность послѣднихъ должна состоять въ томъ, чтобъ они знали рѣшительно *всѣхъ* женщинъ, живущихъ въ ихъ участкѣ, слѣдили за ихъ поступками и доносили объ ихъ поведенiи комитету.

*Докторъ Юхницкiй* (Соврем. Медицина).

Спите, женщины столицы!
Баюшки-баю!
Врачъ Юхницкiй изъ больницы
Началъ пѣснь свою.
Хоть онъ громко укоряетъ
Женскую семью,
Но глаза вашъ сонъ смыкаетъ —
Баюшки-баю.

Зло повсюду въ этомъ свѣтѣ
Нагоняетъ страхъ —
Въ пышномъ домѣ на паркетѣ,
Въ темныхъ чердакахъ.
Но Юхницкій — не далъ маху,
Написавъ статью...
Спите женщины безъ страху —
Баюшки-баю.

***

Погодите: смолкнетъ нынѣ
Вашъ и стонъ и плачъ —
Въ «Современной Медицинѣ»
Молвитъ слово врачъ:
— Коренные предразсудки,
Скажетъ, — изгоню,
Всюду выстрою я будки —
Баюшки-баю.

***

Выйдетъ стражъ, угрюмый съ виду, —
И со словъ молвы —
Будетъ онъ слѣдить для виду,
Какъ живете вы!
Надзирать онъ не устанетъ...
Славное житье! —
Спите! Стражъ вашъ спать не станетъ —
Баюшки-баю!

***

На гуляньѣ, въ маскарадѣ,
Не спуская глазъ,
Сторожить все будетъ сзади
Стражъ угрюмый васъ!

От҃ него вы не уйдете,
И въ чужомъ краю,
И во снѣ его найдете —
Баюшки-баю!

*
* *

Будетъ всюду волочиться
Онъ за вами вслѣдъ,
И для васъ лишь учредится
Новый комитетъ.
Такъ Юхницкій изъ больницы
Пѣснь поетъ свою...
Спите-жь женщины столицы —
Баюшки-баю.

## Мудрый совѣтъ.

*(Подражаніе М. П. Погодину.)*

---

О чемъ хлопочутъ всѣ журналы?
Что пишетъ Шиль?
Къ чему твои намъ идеалы,
Ученый Милль?

Мы всѣ богаты a priori,
De facto-жь мы
Дойдемъ до нищенства и горя,
И до сумы.

Банкрутство губитъ наши силы, —
Вкругъ денегъ нѣтъ...
Заводамъ, фабрикамъ — могилы
Готовитъ свѣтъ.

Акціонеръ палъ духомъ въ мракѣ,
И растерялъ
На предпріятья Бернардаки
Свой капиталъ.

Капиталисты ищутъ жадно
Вездѣ займа,
И дорожаютъ безпощадно
Кругомъ дома.

Что жь нашей бѣдности причина?
Гдѣ корень зла?
То роскошь насъ съ заразой сплина
Съ ума свела?

У насъ рубли летятъ какъ стружки
На разный хламъ,
На тряпки, модныя игрушки
Мущинъ и дамъ.

Мы строимъ виллы и чертоги
Въ короткій срокъ;
Комфортъ и мода — наши боги
И нашъ порокъ.

Мы, не заглядывая въ фонды
И наобумъ,
Бросаемъ тысячи на блонды
И на костюмъ.

Тѣ деньги кинемъ мы, навѣрно —
Въ часъ, въ полчаса,
На что купили-бъ сто, примѣрно,
Кулей овса.

Чтобы спастись отъ разоренья,
От страшныхъ бѣдъ,
Намъ далъ Погодинъ въ утѣшенье
Такой совѣтъ:

«Забудьте всѣ ученья Милля,
Науки смыслъ...
Вѣдь безъ него же дѣды жили,
Жилъ Гостомыслъ! —

«Внимайте зову не науки,
*А мыслей сихъ:*
Пусть не роскошничаютъ внуки,
Какъ дѣды ихъ.

Пускай мужья не пьютъ лѣниво
Бордо и джинъ,
Но будутъ пьяны и отъ пива
И русскихъ винъ;

Пусть не батистъ насъ прикрываетъ,
А русскій холстъ;
Нашъ капиталъ пускай не таетъ,
Положенъ въ ростъ;

Пускай съ уборами картоны
Средь нашихъ странъ,
Мѣняютъ дамы на роброны,
На сарафанъ;

Прочь гонимъ моду мы злодѣйку,
Соблазна тѣнь,
И прячемъ мѣдную копѣйку
На черный день.

Пусть все, что прежде было мило,
Мы проклянемъ —
И мебель русскую изъ мыла
Поставимъ въ домъ.

## Нашествіе свистопляски.

*(Легенда XIX ст.)*

---

Что́ за волненье въ рядахъ журналистики?
Жалкій, испуганный видъ!
Жертвенникъ пустъ и журнальные мистики
Бросили скитъ.

Ту́ники смятыя, лица печальныя,
Очи тревогой горятъ,
Стонутъ и плачутъ витіи журнальные
Всѣ заурядъ.

Хроники въ траурѣ; сонная критика
Къ намъ нагоняетъ тоску,
Лиры не тронуты, даже, взгляните-ка,
Смолкъ и «Куку»...

Гдѣ же ихъ жажда труда и опасности,
Гдѣ ихъ походы за дамъ,
Даже погасъ передъ статуей гласности
Вдругъ ѳиміамъ.

Что жь ихъ тревожитъ? игра-ли фантазіи?
Слава-ли сводитъ съ ума?
Или холера идетъ къ нимъ изъ Азіи,
Или чума?

Иль, наконецъ, имъ грозитъ наводненіе,
Новый всемірный потопъ?...
Нѣтъ! ихъ иное пугаетъ сомнѣніе,
Хмуритъ ихъ лобъ.

Ужасъ наводитъ чума азіятская,
Страшенъ холеры возвратъ,
Но наказаніе послано адское
Хуже въ сто-кратъ.

Врагъ ихъ явился подъ гаерской маскою!
Нѣтъ отъ бѣды оборонъ...
Имя жь ея (хоть зовутъ свистоплясскою)
Есть «Легіонъ»!

Ходитъ она, словно тѣнь неотвязная,
И, потѣшая народъ,
Ловитъ все пошлое, все безобразное, —
Ловитъ и бьетъ.

Чтȯ бъ ни увидѣла, чтȯ бъ ни замѣтила,
Пусть лишь сфальшивитъ гдѣ звукъ, —
Такъ эпиграммою прямо и мѣтила,
Дерзкая, вдругъ!

Мысль, ужь преданьемъ давно освященную,
Нужно, такъ смотришь, казнитъ,
Даже Буслаева — личность ученую
Не пощадитъ.

Жрецъ журналистики пляской скандальною
Назвалъ ту пляску съ тѣхъ поръ,
И похоронную пѣснь погребальную
Пѣлъ хроникёръ.

Пѣлъ онъ протяжно, — жрецы жъ, снявъ сандаліи,
Древнихъ молили боговъ,
Чтобъ не смущалъ этотъ свистъ вакханаліи
Старческихъ сновъ.

---

## Московскій турниръ.

I.

Уже давно кулачнымъ боемъ
Извѣстенъ намъ московскій станъ,
И если лѣтопись раскроемъ —
То потеряемъ счетъ героямъ:
Они пройдутъ несмѣтнымъ строемъ,
Какъ тѣни древнихъ москвитянъ.

II.

Не разъ въ нарядѣ «златотканномъ»
На берегахъ Москвы-рѣки
Они предъ Грознымъ Іоанномъ
Стѣна на стѣну, съ крикомъ браннымъ,
Ломились, съ натискомъ нежданнымъ,
Поднявъ свирѣпо кулаки.

III.

Не разъ, покорствуя причудѣ,
Отъ взмаха мѣдныхъ кулаковъ
Ломались челюсти и груди,
Кипѣла брань, лежали въ грудѣ
Въ бою изломанные люди,
И пыль росла до облаковъ.

IV.

Такъ было прежде. Въ наши годы,
Когда ужь стали въ краткій срокъ
Цивилизованнѣй народы, —
Кулакъ не зналъ былой свободы:
Но побороть своей природы
Москвичъ нашъ все таки не могъ.

V.

Какъ прежде бились наши предки
На берегахъ Москвы рѣки —
Теперь побоища не рѣдки.
Жива струя славянской смѣтки —
Удары внуковъ также мѣтки
И также мѣтки кулаки.

VI.

Не бой бояръ, не бой гуслистовъ
Видали мы въ позднѣйшій вѣкъ
(Ихъ усмирилъ-бы частный приставъ);
Но на Москвѣ кипѣлъ неистовъ
Бой славныхъ русскихъ журналистовъ
Въ пучинахъ ихъ чернильныхъ рѣкъ.

## VII.

И помнитъ каждый россіянинъ,
Когда онъ былъ на бой влекомъ,
Когда, печалью отуманенъ,
Онъ видѣлъ, какъ въ бою израненъ,
Разбитъ, покойный «Москвитянинъ»
Дрался съ покойнымъ «Маякомъ».

## VIII.

Онъ помнитъ битву: по зарѣчью
За Туръ шелъ «Русскій Вѣстникъ» вслѣдъ
И, предавая все увѣчью,
Вдругъ грянулъ крупною картечью —
И Туръ съ своею «Русской Рѣчью»
Погибла тамъ во цвѣтѣ лѣтъ.

## IX.

Числа нѣтъ битвамъ и сраженьямъ:
Чернила ведрами лились —
Сражался «Зритель» съ «Развлеченьемъ»,
И надъ казеннымъ объявленьемъ,
Сцѣпясь вдвоемъ, съ остервененьемъ
Два публициста подрались.

## X.

Чу! битва новая готова,
Два новыхъ витязя пришли;
И вотъ они одинъ другого
Давай осматривать сурово...
Въ одномъ узнали мы — Каткова,
Въ другомъ Аксакова нашли.

XI.

Надѣвъ журнальныя кольчуги,
Склонивши перья, въ родѣ пикъ,
Они сошлись. Москва въ испугѣ,
Народъ изъ Нижняго, изъ Луги,
Богачъ и нищій изъ лачуги, —
Всѣ собрались на бранный крикъ.

XII.

«Я больше всѣхъ Россіи нуженъ!
Твердилъ Аксакову Катковъ; —
Ты оробѣлъ и взглядъ твой съуженъ,
Твой «День», какъ старецъ, дряхлъ, недуженъ,
И мной теперь обезоруженъ...»
— Я не таковъ! Я не таковъ.» —

XIII.

— Лишь я, Аксаковъ, нуженъ вѣчу!
Я не таковъ!.. и два врага
Другъ съ другомъ ринулися въ сѣчу....
Какъ лѣтописецъ, здѣсь замѣчу:
Подобныхъ битвъ ужь я не встрѣчу
На васъ, «московскіе брега!»

XIV.

При каждомъ бѣшеномъ ударѣ
Врагъ равновѣсіе терялъ,
Но поднимался вновь въ угарѣ...
Въ томъ полемическомъ пожарѣ
И самъ безстрашный Молинари
Навѣрно-бъ трепетъ испыталъ.

## XV.

Кто-жъ побѣдилъ? Кто побѣжденный?
Москвичъ стоитъ, потупя взоръ,
И шепчетъ, битвой убѣжденный:
«Ты, публицистъ предубѣжденный —
И ты, фанатикъ прирожденный,
Вы оба дѣлаете вздоръ.

## XVI.

«Такая брань—плохія вѣсти,
И въ ней совсѣмъ не русскій духъ,
Вашъ споръ не дѣлаетъ вамъ чести;
Не предаваясь личной мести:
Вы соберитесь лучше вмѣстѣ
И—нигилизмъ рзбейте въ пухъ.

## Фанты.

### СОВРЕМЕННАЯ ЭЛЕГІЯ.

*(Посвящается дѣтямъ, начинающимъ учиться россійской азбукѣ).*

---

Бросивъ газетъ безпорядки
И отрицанія сѣти,
Будемъ играть хоть въ загадки,
Милыя дѣти!

Будемъ, ввѣряяся року,
Чужды задорнаго спора,
Все понимать по намёку
Быстро и скоро.

Дѣти! въ васъ эти таланты
Крѣпки съ самой колыбели...
Ну, такъ сыграемте въ фанты
Мы, въ самомъ дѣлѣ!

Классную доску я вытеръ.
Слушать! займемся мы дѣломъ:
Азбуки тридцать шесть литеръ
Вывелъ я мѣломъ.

*Азъ*—первый фантъ, насъ зовущій!
Кто же врагъ западныхъ фраковъ,
Западной прессы гніющей?
Кто же —`*А*.......

Кто о погибели края
Съ эманципаціей женской
Воетъ, намъ адъ предрекая,
Кто? — *А*.......

Новая литера: *Буки!*
Кто, русскій эпосъ прославивъ,
Сдѣлался дивомъ науки?
Кто же!...—*Б*.......

Кто въ фельетонахъ (чуждаясь
Всяческихъ *истовъ* и *иловъ*),
Въ прессу явился, ругаясь?
Кто же?...—*Б*.......

Литера *Веди!* Въ народѣ
Кто для журнальныхъ курьёзовъ
Гейне терзалъ въ переводѣ?
Кто? — *В*.......

Вотъ подошли и къ *Глаголю*.
Кто же надъ «бомбами» вѣка
Въ жизни наплакался въ волю?
Кто же? — *Г*.......

Въ чьихъ пѣснопѣньяхъ, о, дѣти!
Каждая строчка — слезинка?
Кто всѣхъ скучнѣе на свѣтѣ?
Кто жь это? — *Г*.......

Вотъ и *Добро* вамъ на смѣну.
Кто (и его ждетъ оцѣнка)
Вывелъ животныхъ на сцену?
Кто же? — *Д*.......

Кто для россійскаго міра
Вѣчно былъ скученъ и длиненъ?
Кто обрусилъ намъ Шекспира?
Кто же? — *Д*.......

Кто........
Пишетъ «замѣтки» сурово?
Дѣти всѣ плачутъ, услыша
Имя?... — *К*.......

Кто земляковъ изъ Парижа
И изъ его ресторановъ
Гонитъ?.. Малютка, пойми-же —
Кто онъ? — *К*.......

Кто постоянно риѳмуемъ
Съ риѳмой избитою: «невскій?»
Кто свистунами волнуемъ?
Кто онъ? — *К*.......

Кто одиноко и сиро
Въ битвахъ ослабнувшій вскорѣ,
Бросилъ свой жезлъ тріумвира?
Кто жь это? — *К*.......

Вотъ и *Мыслете*. О, кто ты,
Славившій въ лютомъ угарѣ
Разныя тяжкія льготы?
Кто? — *М*.......

Кто подъ охраной *Покоя*
Сталъ для науки негоденъ?
Дѣти! шепну на ушко я —
Это.... *П*.......

Литера *Слово*. Загадки
Смыслъ, вѣроятно, понятенъ:
Ржетъ въ постоянномъ припадкѣ
Только... *С*.......

Кто онъ, сорвавшій гиматій
Съ музы аѳинской въ часъ сплина,
Постъ завѣщавшій для братій?
Кто онъ? — *Щ*.......

Кто онъ, воспѣвшій намъ лозы,
Въ дѣлѣ наукъ—Собакевичъ,
Бюхнеру славшій угрозы?
Кто онъ? — *Ю*.......

Здѣсь остановимся, дѣти!
Чтожь, непонятно вамъ? или
Новые ребусы эти
Вы разрѣшили?

## Праздная суета.

СТИХОТВОРЕНІЕ ВЕЛИКОСВѢТСКАГО ПОЭТА ГРАФА ЧУЖЕЗЕМЦЕВА.

(Посвящается автору «La nuit de St. Sylvestre» и «Исторіи двухъ калошъ».)

*(Переводъ съ французскаго.)*

---

Былъ вѣкъ славный, золотой,
Вѣкъ журнальной знати,
Всѣ склонялись передъ той
Силой нашей рати.

Все вельможи, важный тонъ....
Но смѣшались краски —
И пошли со всѣхъ сторонъ
Мошки свистопляски.

Бородатый демократъ
Норовитъ въ Солоны;
Оскорбить, унизить радъ
Свѣтскіе салоны.

Грязь деревни, дымныхъ сёлъ
Въ повѣстяхъ выводитъ,
Обличаетъ кучу золъ,
Гласность въ моду вводитъ.

Свелъ съ ума его—Прудонъ,
Чернышевскій съ Милемъ,
А о насъ повсюду онъ
Пишетъ грязнымъ стилемъ.

А глядишь,—о, вѣка срамъ!
Прогрессистовъ каста
Безъ перчатокъ по гостямъ
Ходитъ очень часто.

А глядишь — Прудона другъ,
Сочиняя книжки,
Носитъ вытертый сюртукъ,
Грязныя манишки.

Насъ нигдѣ онъ не щадитъ,
Отзываясь грубо,
Даже генія не чтитъ
Графа Соллогуба.

Имъ давно похороненъ
Авторъ «Тарантаса»;
И не шлетъ ему поклонъ
Молодая раса.

Гдѣ же авторъ «Двухъ калошъ»
Съ грузомъ старой ноши?
Нѣтъ! теперь ужь не найдешь
Ни одной калоши!

Что жь? быть можетъ, Соллогубъ
Уступилъ безъ бою!
Иль, какъ старый, мощный дубъ,
Былъ спаленъ грозою?

Нѣтъ, онъ въ битвахъ не бывалъ,
Не угасъ въ опалѣ;
Но свой генiй пробуждалъ
Вновь въ Пале-роялѣ.

Чтожь? быть можетъ, наблюдалъ
Тамъ онъ русскихъ нравы,
И себѣ приготовлялъ
Новый путь для славы?

Нѣтъ, ему россiйскихъ музъ
Лавры опостыли,
Онъ въ Парижѣ, какъ французъ,
Ставилъ водевили.

Чтожь? быть можетъ, онъ стяжалъ
Лавры и на Сенѣ,
И Парижъ его встрѣчалъ,
Павши на колѣни?

Нѣтъ, и тамъ онъ, какъ поэтъ,
Не былъ запѣвала,
Хоть, порой, его куплетъ
Ригольбошъ пѣвала....

Вотъ парадный, пышный залъ.
Тушъ, финалъ изъ Цампы,
Къ верху поднятый бокалъ,
Спичи, люстры, лампы,

И напудренный конгрессъ
Старичковъ зеленыхъ,
И старушекъ — цѣлый лѣсъ,
Пышныхъ, набѣленныхъ,

Нѣмецъ-гость, сказавшій рѣчь,
Звуки контрабаса,
И маститый старецъ Г...,
Авторъ Тарантаса,

Дѣвъ прекрасныхъ хороводъ
Въ русскихъ сарафанахъ,
И гостей безмолвныхъ взводъ
Длинный на диванахъ,

На эстрадѣ, всѣ въ цвѣтахъ,
Въ видѣ панорамы,
Съ поздравленьемъ на устахъ
Дамы, дамы, дамы!

Все вокругъ стола, — гостямъ,
Съ гордостью сознанья,
За столомъ внимаетъ самъ
Президентъ собранья.

Тутъ парижскій виц-поэтъ,
Съ разстановкой, басомъ
Спѣлъ хозяину куплетъ,
Вслѣдъ за контрабасомъ:

«Не умрешь ты никогда»,
Пѣлъ онъ въ длинной одѣ:
«Ты послѣдняя звѣзда
На туманномъ сводѣ,

«Ты живой уликой сталъ
Вѣка чахлымъ дѣтямъ....»
И пошёлъ, и распѣвалъ,
Вѣренъ мыслямъ этимъ.

Пѣлъ поэтъ. Весь замеръ залъ...
Стоя за эстрадой,
Я, какъ всѣ, ему внималъ
Съ тайною отрадой.

О, поэтъ! Ты тотъ же былъ
На Невѣ, на Сенѣ!
И я мысленно твердилъ:
— Bene! bene! bene!

— Въ нашъ нѣмой, пустынный вѣкъ,
Вѣкъ безъ идеала,
Ты единый человѣкъ
Стараго закала!

---

## Юбилейная пѣсня.

*(Маститому стихотворцу.)*

Предъ героемъ юбилея
Рвется съ устъ моихъ привѣтъ,
И пою, благоговѣя:
— Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Украшалъ собой когда-то
Онъ великій модный свѣтъ,
Часто слыша отъ собрата:
— Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Онъ въ созданьяхъ — благороденъ;
За него — науки цвѣтъ:
Гротъ и Павловъ, и Погодинъ —
Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Наизусть твердили дамы
Не одинъ его куплетъ,

И писалъ онъ эпиграммы —
Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Но пошли къ нему напасти
Отъ журналовъ и газетъ,
И проснулись въ старцѣ страсти —
Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Лира прежняя разбита,
Лира добрыхъ, старыхъ лѣтъ,
И запѣлъ старикъ сердито, —
Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Другъ изящной, свѣтской музы,
Онъ нашелъ въ васъ тайный вредъ,
Обличительныя шлюзы —
Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Ужь не видя вкругъ поклоновъ,
Онъ проклятья слалъ во слѣдъ
Обличительныхъ Катоновъ —
Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

Но съ улыбкой всѣ внимали
Полудѣтскій старый бредъ,
Лишь друзья вокругъ шептали:
Вотъ онъ, вотъ онъ, нашъ поэтъ!

---

## Спичъ фетишистамъ.

ПОДРАЖАНІЕ МОСКОВСКОМУ УЧЕНОМУ.

*(Импровизація въ стихахъ.)*

---

Въ вѣкъ пропагандъ, вопросовъ разныхъ,
Великихъ дѣлъ, великихъ думъ
Смѣшно о дрязгахъ мелкихъ, праздныхъ
Намъ поднимать и крикъ и шумъ.
Но правдѣ я всегда угоденъ,
За правду въ самый адъ пойду
И я, ученый мужъ Погодинъ,
Съ фельетонистомъ въ бой иду.

*
* *

Зловредный авторъ фельетона
Потокомъ озлобленныхъ фразъ,
Рѣшилъ намъ, что съ ковровъ салона
Путь невозможенъ на Парнасъ.

Исполненъ мыслей самыхъ дѣтскихъ,
Онъ испустилъ змѣиный свистъ,
И всѣхъ писакъ великосвѣтскихъ
Признать не хочетъ, атеистъ!

* * *

Въ порывѣ дерзостнаго жара
Казнитъ онъ старца юбилей, —
И я теперь за юбиляра
Встаю, какъ вѣрный изъ друзей,
Встаю, — и пусть узнаютъ люди,
«Пчелѣ» мой выслушавъ укоръ,
Что не о Рюрикѣ и Жмуди
Могу вести я только споръ.

* * *

Герой маститый юбилея,
Ужъ сорокъ лѣтъ тому назадъ,
Писалъ о томъ, о чемъ, робѣя,
Его потомки говорятъ.
Онъ вѣщимъ духомъ все провидѣлъ:
Судьбу народа и прогрессъ,
И намъ свѣтилъ — то самъ я видѣлъ,
Звѣздою яркою съ небесъ.

* * *

Я альманахъ, во время оно
Затѣялъ съ сонмищемъ друзей,
И самъ къ поэту для поклона
Явился съ ворохомъ статей:
Онъ поощрилъ мой юный геній
Въ отборныхъ, ласковыхъ словахъ
И далъ мнѣ пять стихотвореній
Для помѣщенья въ альманахъ.

Фактъ новый: въ бѣдствіи суровомъ,
И на словесность нашу золъ,
Я *по обѣту* съ Шевыревымъ
Латинскій сборникъ перевелъ.
Нашъ трудъ навѣрно-бъ крысы съѣли,
Когда-бъ не онъ опять, — и вотъ
Достигъ нашъ сборникъ нужной цѣли
И изданъ на казенный счетъ.

*
* *

Еще-ль поэтъ онъ не великій?
Еще-ли мало фактовъ вамъ?
Еще-ль не смолкнетъ голосъ дикій
Противъ него то здѣсь, то тамъ?

*
* *

Довольно мы играли въ жмурки
Въ литературѣ столько лѣтъ:
Какъ счетъ годамъ проводятъ Турки
Съ тѣхъ поръ, какъ древній Магометъ
Въ Медину перешелъ изъ Мекки,
Такъ мы съ Бѣлинскаго статей
Ведемъ имъ счетъ до нашихъ дней, —
Вплоть до Каткова и Громеки.

*
* *

Но можно-ль вѣрить въ приговоръ,
Которымъ всѣхъ встрѣчалъ Бѣлинскій?
Вѣдь имъ осмѣяны въ позоръ
И Бенедиктовъ и Марлинскій!
Кому не пѣлъ онъ похоронъ?
Кому не совершалъ поминки?
Не признавалъ Мильтона онъ,
Ни Данта, ни таланта Глинки.

Я помню, какъ онъ намъ кричалъ:
«*Тамъ только право, гдѣ есть сила*»;
Меня и всѣхъ не признавалъ,
Кто шелъ путемъ славянофила.
Онъ злобенъ былъ, и часто.... пустъ,
И только вѣтренныхъ мальчишекъ
Дивилъ огонь безцѣльныхъ вспышекъ
*Философа изъ третьихъ устъ.*

***

Внемлите-жь, вѣка прогрессисты:
Бѣлинскій намъ ужь не указъ, —
*Иначе всѣ вы — фетишисты*
*Безъ сердца, безъ ума, безъ глазъ...*
Кричите жь!.. я самоувѣренъ...
*Пусть свистомъ встрѣтится мой спичъ:*
*Пріученъ къ брани и обстрѣленъ*
*Наукѣ преданный москвичъ.*
Вашъ юморъ слабъ въ нападкахъ хилыхъ,
Смѣшонъ и глухъ беззубый хоръ,
И *ужь не желчь бьетъ въ вашихъ жилахъ,*
*А лимфы жиденькій растворъ.*

## Опытъ всемірной корреспонденціи.

### Аѳины.

8-го ноября (27 октября) 1863 г.

*(Отъ моего шестаго собственнаго корреспондента).*

Изъ Аѳинъ вамъ прямо сообщаю вѣсти:
Тотчасъ какъ въ Аѳинахъ стихли безпорядки,
Жить здѣсь стало скучно, точно въ Бухарестѣ,
Иль, пожалуй, въ нашей отдаленной Вяткѣ.
Здѣсь скучаютъ греки. Вѣдь, во время оно,
Всѣ они Оттономъ очень восторгались,
Имъ едва-ль замѣнитъ короля Оттона
Президентъ аѳинскій господинъ Булгарисъ.
Ихъ тоска понятна... Что жь это такое?
Безъ начальства людямъ жить на свѣтѣ скверно.
Знайте: еслибъ въ мірѣ жить остались двое,
То изъ нихъ начальникъ былъ одинъ ужь вѣрно.
И рѣшили греки: «намъ Оттонъ, положимъ,
Досаждалъ порядкомъ, сдѣлалъ много злого,

Но, изгнавъ Баварцевъ, посадить мы можемъ
На престолъ Аѳинскій короля другого,
Былъ бы лишь охотникъ...
Но за этимъ дѣло
Вовсе не стояло, какъ увидимъ ниже.
Всюду кандидатовъ примѣряютъ смѣло
На престолъ порожній, въ Лондонѣ, въ Парижѣ,
Въ Вѣнѣ и въ Италіи — счетомъ ровно десять;
Каждый — съ правомъ власти, силы и рожденья...
Грекамъ оставалось лишь поклонъ отвѣсить
И придти въ большое очень затрудненье:
Какъ бы ухитриться, чтобъ однимъ престоломъ
Можно было править многимъ кандидатамъ.
Братья! вдохновитесь этимъ фактомъ голымъ:
Мы придемъ навѣрно къ выводамъ богатымъ.

---

## БЕРЛИНЪ.

11 ноября (31 декабря).

*(Отъ моего сто четвертаго собственнаго корреспондента).*

«Какъ нѣмецъ, со всѣмъ я мирюсь,
Тепло мнѣ — гдѣ пиво даютъ...»
— Хорошъ-ли германскій союзъ?
«Ist auch sehr gut.»

Оттона бранятъ, — не тая
Скажу: dieser Keiser ist gut.
Луи Бонапартъ что? — «О, ja!...
«Ist auch sehr gut.»

Вкругъ сватаютъ греческій тронъ,
Но нѣмецъ безстрастенъ и тутъ.
— Каковъ Каподистрія? — «Онъ
Ist auch sehr gut.

Еще кандидатъ для Аѳинъ.
Пусть всѣ Ипсиланти клянутъ,
Но шепчетъ лишь нѣмецъ одинъ:
Ist auch sehr gut.

Д'Аоста, Бурбаки, Альфредъ...
Кого-то, кого изберутъ?
У нѣмца-жь единый отвѣтъ:
«Ist auch sehr gut.»

И всюду германецъ таковъ.
Его хоть на спросъ не зовутъ,
«Sehr gut», отвѣчать онъ готовъ,
«Ist auch sehr gut».

---

## ПАРИЖЪ.

10 ноября (29 октября) 1862 г.

Въ дипломатическомъ азартѣ
Парижъ твердилъ дня два иль три
Тотъ афоризмъ, что Бонапарте
Сказалъ кому-то въ Тюльери:

«Всѣмъ политическимъ калѣкамъ
Хочу я скоро объяснить:
Быть можно свѣтскимъ человѣкомъ
И въ то же время папой быть.»

---

## ТУРИНЪ.

2 ноября (21 октября).

*(Отъ моего собственнаго корреспондента).*

Грустнымъ извѣстьемъ хочу опечалить своихъ земляковъ я.
Нынче у берега По разыгралась кровавая свалка
Славныхъ Австрійскихъ солдатъ съ солдатами войскъ италійскихъ.
Носятся слухи: австрійцы съ урономъ назадъ отступили,
Только, пожалуйста, этому слуху совсѣмъ вы не вѣрьте.
Можетъ-ли воинъ австрійскій терпѣть неудачу въ сраженьѣ,
Если стоитъ онъ за правое дѣло? Старую истину
Вспомните только при этомъ: побѣда всегда тамъ, гдѣ правда.

---

## МЮНХЕНЪ.

1 ноября (20 октября).

*(Отъ моего 10-го собственнаго корреспондента).*

Сегодня поутру былъ праздничный звонъ,
Весь Мюнхенъ кричалъ, суетился:
Съ своею супругой пріѣхалъ Оттонъ, —
Народъ, не шутя, прослезился.
И также, могу я прибавить къ тому-жь,
(Что это: болѣзнь-ли, принципъ-ли?)
Здѣсь всѣ горожане схватили коклюшъ,
Отъ криковъ восторга охрипли.

Баварское пиво лилось не въ примѣръ
Въ желудки, какъ нектаръ прекрасный,
И нѣмцами проклятъ былъ самый Гомеръ
За то, что былъ грекомъ, несчастный!...

---

## Дома.

(ЗАМѢТКА.)

*(Подражаніе Кн. Вяземскому).*

---

От журнальныхъ топей
Сторонись, бѣднякъ!
Этихъ всѣхъ утопій
Смертоносенъ мракъ;

Стали всѣ газеты
Нравственнымъ шинкомъ...
Вѣкъ нашъ старый! гдѣ ты,
Съ трезвымъ языкомъ?

Смотритъ злобнымъ глазомъ
Демократъ, какъ звѣрь.
— Разумъ, разумъ, разумъ!
Всѣ твердятъ теперь.

Нашимъ грознымъ хрипомъ
Крикъ ихъ не уймешь,
Избраннымъ принципомъ
Бредитъ молодежь.

Вѣкъ нашъ старый! Гдѣ ты?
Близокъ твой конецъ:
Чу! поетъ куплеты
Вяземскій-пѣвецъ.

---

## Призваніе Льва Камбека въ Новгородъ въ 1862 г.

Опытъ современнаго эпоса.

---

Не древнее вѣче, пою я, не Рюрика, добрые люди,
Не подвиги витязей славныхъ и Яси, и Веси, и Чуди,

Не Новгородъ съ вольной дружиной его и посадомъ
Хочу я прославить по міру высокимъ, эпическимъ складомъ;

Нѣтъ, къ этому я, вмѣстѣ съ музой своею капризной — негоденъ,
На то Іоаннъ есть Аксаковъ, и старецъ Михайло Погодинъ.

Въ нихъ самое небо вложило познаніе древняго вѣка...
Хочу я прославить теперь похожденія мужа Камбека.

Пою о дѣяньяхъ его и о подвигахъ истинно львиныхъ
(Не даромъ прозваніе *Льва* получилъ онъ еще на крестинахъ).

Начнемъ-же, о, муза, собравшися съ духомъ и мощью заранѣ:
Въ поддёвкѣ, въ смазныхъ сапожищахъ и въ смуромъ славянскомъ кафтанѣ,

Съ кудрями подъ мурмолкой шапкой, съ брадой, отъ рожденья не бритой,
Ужь много годовъ на Руси сталъ извѣстенъ сей мужъ именитый,

Котораго мудрые боги послали на землю съ наказомъ:
Мѣшать всѣмъ скандаламъ людскимъ и предѣлъ положить ихъ проказамъ.

Положенъ-ли былъ тотъ предѣлъ, или нѣтъ — мы навѣрно не знаемъ,
Но знаемъ, что имя Камбекъ грозой пронеслося надъ краемъ;

Плаксивыхъ дѣтей усмиряли пугающимъ именемъ этимъ;
Гдѣ двое дрались межь собой — Камбекъ тамъ, безспорно, былъ третьимъ;

Гдѣ только кулакъ поднимался, хоть будь то за Волгой, за Дономъ,
Онъ всюду являлся для кары какимъ-то зловѣщимъ Тифономъ —

Въ гостиныхъ, въ театрѣ, въ харчевняхъ, въ вагонах въ уѣздныхъ этапахъ,

Особымъ чутьемъ открывая скандаловъ удушливый
запахъ.

Но въ будущемъ ждáло Камбека иное геройское дѣло:
Когда по словенскому міру стрѣлою молва про-
летѣла,

Что тысячу прожитыхъ лѣтъ будетъ праздновать Русь
въ Новѣградѣ,
И дѣдамъ поминки свершитъ въ новгородскомъ старин-
номъ посадѣ,

Почтитъ вѣчевое начало и Рюрика бѣлыя кости, —
Толпами народъ нашъ отправился къ дѣдушкѣ Вол-
хову въ гости,

И вотъ, по чугункѣ, до Волховской станціи мигомъ
домчался,
Но здѣсь-то, нежданно-негаданно, вдругъ онъ съ бѣдой
повстрѣчался.

Бѣжитъ онъ проворно на пристань и требуетъ въ
кассѣ билетовъ,
Но заперта касса пустая; на просьбы, на крикъ нѣтъ
отвѣтовъ.

Въ объятіяхъ сладкихъ Морфея покоится тѣло кассира
И только въ волнахъ пароходъ на веревкѣ качается
сиро.

Часы пробѣгаютъ безъ пользы... Все ждутъ новгород-
скіе гости,
Дрожа отъ холоднаго вѣтра, отъ утренней стужи, отъ
злости...

Но, стойте, міряне! смиритеся духомъ и въ рядъ становитесь:
Спасетъ васъ все онъ-же, Камбекъ, обличенья упорнаго витязь,

Все онъ-же, чье имя знакомо гражданамъ и старымъ и юнымъ:
Онъ въ Новгородъ посланъ на славное дѣло могучимъ Перуномъ.

Сверкая глазами отъ гнѣва и ноздри раздувши широко,
Леталъ онъ и мчался въ народѣ, какъ въ Африкѣ знойной сирокко,

Директора громко онъ кликалъ и звалъ онъ кассира къ отвѣту:
— «Я Кàмбекъ, извѣстный Левъ Камбекъ! Статью напишу я въ газету.

«Я громы протестомъ низвергну, я все передъ міромъ раскрою...»
И плескомъ и радостнымъ воплемъ толпа отвѣчала герою.

— «Билетовъ, билетовъ!» вопилъ онъ, но касса, какъ будто, заснула...»
Вдругъ новая смѣлая мысль въ головѣ у Камбека сверкнула.

— «За мною, граждане! на берегъ!» онъ крикнулъ, махнувши народу:
— «Васъ выручитъ Кáмбекъ! за мною!» и ринулся внизъ къ пароходу:

— Ура!... — и кидая на воздухъ кто зонтикъ, кто
шапку, кто шляпу,
Толпа, за вождемъ поспѣшая, спустилася дружно по
трапу,

Отбросивши въ сторону стражу, покрыла корму и ка-
юты.
— «Отваливай!» гаркнулъ Камбекъ. «Ну, живѣй!»...
Черезъ двѣ — три минуты,

Колеса, стуча, завертѣлись и, волны рѣки разсѣкая,
Летѣлъ ужь, дымясь, пароходъ, только брызги и пѣну
бросая.

А тамъ, на кормѣ парохода, въ величьѣ классической
позы,
Герой нашъ, Левъ Кам̀бекъ, стоялъ, какъ живая статуя
угрозы.

*
* *

Съ тѣхъ поръ-то и ходитъ разсказъ къ поученію но-
ваго вѣка:
«Призваніе въ Новгородъ древній суроваго мужа Кам-
бека.»

---

## Вышневолоцкій рыцарь.

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДАНІЕ.

---

Говоръ, шумъ и смѣхъ въ вагонѣ;
Всѣ толкуютъ, слышно мнѣ:
Тотъ — о новой примадоннѣ,
Этотъ — о войнѣ.

Въ полусонкахъ, ночью тихой,
Смутный говоръ я ловлю,
Рядомъ съ жирною купчихой
Задремалъ я — сплю.

Вижу я во снѣ, что новый
Вѣкъ для родины насталъ,
Процвѣтаетъ наше слово,
Чистъ нашъ идеалъ,

Что всѣ прошлыя затѣи
Наши прокляли умы,

Что признали и въ лакеѣ
Человѣка мы.

Сталъ возможенъ генiй женскiй,
Всюду путь открытъ для дамъ,
И въ прогрессѣ — Аскоченскiй
Захлебнулся самъ.

Просыпаюсь. Въ эту пору
Что за шумъ? Мой сонъ прошелъ....
Слышу: кто-то громко ссору
Съ дамою завелъ.

Что жь мнѣ дѣлать? Нравъ мой тихiй...
Вновь подъ говоръ я дремлю.
Рядомъ съ спящею купчихой
Я склонился — сплю.

Вижу сонъ я: грёзы тѣ же,
Золотой все тотъ же вѣкъ,
Появляется все рѣже
Зло, и человѣкъ

Позабылъ совѣтъ бѣсовскiй,
И не молвитъ больше вслухъ,
Какъ училъ его Красовскiй
О системѣ плюхъ.

Ожилъ мiръ. Своею тогой
Все прогрессъ прiосѣнилъ,
И калѣка и убогой
Жизнь благословилъ.

Просыпаюсь. Крики слѣва,
И, о ужасъ! — предо мной

Изъ книгъ А.Б. Кокорева

Пассажиръ, въ припадкѣ гнѣва,
Даму билъ рукой,

И сидѣлъ я, какъ обваренъ;
Мнѣ еще все мнился сномъ
Онъ — Вышневолоцкій баринъ
Съ грознымъ кулакомъ.

О, иронія! о грёзы!
Вотъ еще одинъ урокъ...
И озлобленный, сквозь слёзы,
Лишь сказать я могъ:

Пусть прогрессъ трубитъ намъ въ уши,
Гласность ждетъ съ своимъ судомъ,
Мы — не только бьемъ баклуши,
Мы и женщинъ бьемъ.

---

## Передъ садомъ Россійской словесности.

ПРОЛОГЪ ИЗЪ ПОЭМЫ.

— «Скучно!» Мнѣ шепнула муза:
— «Никакого развлеченья!
Вашъ холодный, мрачный сѣверъ
Заморозитъ вдохновенье.

Что за лѣто! Ты мнѣ скажешь:
Вкругъ поля зазеленѣли!
Но пойми, пойми, мой милый —
Изъ подкрашенной фланели

Эта стриженная зелень
Вашей сѣверной столицы;
Ваше пасмурное солнце
Словно вышло изъ больницы.

Вѣтеръ, холодъ и туманы,
Флюсы, сырость, гриппы, лужи...

Не до пѣсенъ, не до пѣсенъ
Въ царствѣ плесени и стужи!...»

— Не капризничай, о муза!
И не плачь, какъ Ѳедоръ Глинка!
Посмотри! предъ нами вьется
Незнакомая тропинка,

Зазываетъ насъ и манитъ...
Дай же ручку и не сѣтуй —
Въ садъ словесности россійской
Мы пойдемъ тропинкой этой.

Въ томъ саду забудешь скуку;
Лишь едва войдешь туда ты —
Какъ вокругъ тебя польются
Русской прессы ароматы.

Садъ таинственный, волшебный!
Въ немъ, по милости Зевеса,
Черезъ два тысячелѣтья
Зацвѣтетъ цвѣтокъ прогресса;

Тамъ за Майкова «полями»
И его извѣстной «нивой»
Всѣ растенья нигилизма
Заглушаются крапивой.

Садъ таинственный, волшебный!..
Тамъ грозой для вертопраховъ,
Съ христоматіей подъ мышкой
Сталъ у входа самъ Галаховъ,

И разитъ своей ферулой
Нашъ Харонъ и наша Парка;

Тамъ раскинутъ «Русскій Вѣстникъ»
Въ родѣ англійскаго парка,

Гдѣ Катковъ — его садовникъ,
Противъ вѣка вопіющій,
Выжидаетъ прогрессистовъ
За подстриженною кущей.

Въ томъ саду Юркевичь, ночью,
Въ часъ зловѣщихъ привидѣній,
Сочныхъ лозъ пучки сбираетъ
Для учебныхъ заведеній,

А въ дуплахъ, на старыхъ соснахъ,
Къ страху выродковъ эпохи,
Слышенъ Лонгинова скрежетъ
И Громеки слышны вздохи;

Тамъ румяный «День» славянскій
Пригрѣваетъ предразсудки,
Тамъ цвѣтутъ родимой прессы
Голубыя незабудки;

Тамъ, прижавшись къ гибкой вѣткѣ
И природѣ строя куры,
Въ страстныхъ пѣсняхъ замираютъ
Соловьи литературы.

Въ этотъ садъ пойдемъ, о муза!
А устанемъ, — что за горе!
Мы тотчасъ же погрузимся
Въ «Взбаламученное море».

## Открытіе.

Всѣ люди—скоты.
*(Бланкъ.)*

---

Не гордись, о смертный,
Быстротой развитья:
Господиномъ Бланкомъ
Сдѣлано открытье.

Брось труды науки,
Ей ни въ чемъ не вѣря:
Міръ — *стадообразный*,
Люди — хуже звѣря.

Все встрѣчай на свѣтѣ
Съ чувствомъ беззаботнымъ:
Господиномъ Бланкомъ
Ты сравнёнъ съ животнымъ.

Лишь одинъ вопросъ есть
Въ слѣдующемъ родѣ:
Такъ къ какой же Бланка
Отнести породѣ?

---

## На всемірной выставкѣ.

*(Въ русскомъ отдѣленіи.)*

---

### Эскизы.

I.

Здѣсь на брега туманной Темзы
Русь молодая принесла
Богатства Новгорода, Пензы
Торжка, Рязани и Орла.

Не множествомъ картинъ Рафаэля, Теньера,
Старинныхъ мастеровъ давно былыхъ временъ,
Изъ папскаго дворца, изъ Вѣны, Лестеръ-Сквера,
Я былъ на выставкѣ мгновенно пораженъ.

Какое дѣло мнѣ до Грёза, Ле-Сюера,
Когда вотъ, здѣсь гдѣ былъ разложенъ ленъ,
Раскинула свой бюстъ красавица Венера
И средь кулей пеньки бѣлѣетъ купидонъ.

Пенька—и статуя, визига—и картина,
Сушеные грибы и рядомъ піанино!...
Къ чему жь за каталогъ украдкой я берусь,

Къ чему же я въ толпѣ его перелистую,
Когда ужь такова родная наша Русь,
Гдѣ съ грязью золото мѣшаютъ зачастую.

II.

Нѣтъ, предъ засадами на выставкѣ родимой,
Увидя корридоръ, почти непроходимый,
И всюду слушая насмѣшки англичанъ,
Я славилъ родину, я скромность пѣлъ славянъ.
Въ негодованіи отъ мѣстнаго «юмо̀ра»
Я съ образомъ инымъ сдружился очень скоро:
Вся Русь явилася тогда передо мной
Женою робкою, застѣнчивой женой;
И быстро записалъ я на страницѣ гида:
Такъ точно, среди волнъ, богиня Нереида,
Вздымая бѣлую и дѣвственную грудь,
Стыдилась на нее украдкою взглянуть,
И въ море погрузивъ свое нагое тѣло,
Отъ собственныхъ красотъ терялась и краснѣла.

III.

**Передъ русскими гвоздями, присланными на выставку.**

По пространству всей Европы
Пусть извѣстія пройдутъ,
Что особые циклопы
Гвозди русскіе куютъ.
Мы-жь, гордясь родимымъ краемъ
И славянской стороной,
Отъ восторга таемъ, таемъ,

Потому, что вѣрно знаемъ,
Что̀ такое гвоздь родной,
Гвоздь отточенный, пробойный,
Заострившійся слегка,
Бойкій, стойкій, крѣпкій, стройный,
И рѣшительно достойный
Бенедиктова стиха.

IV.

## Передъ полкой съ духами.

Это вѣрно злые духи
Шлютъ Анохина духи,
Съ ярлыкомъ въ россійскомъ духѣ,
Съ текстомъ разной чепухи.

И невольно въ землю взгляды
Потуплаетъ каждый Россъ:
Отъ анохинской помады
Онъ давно ужь безъ волосъ.

V.

## Изъ каталога выставки.

«Одна изъ русскихъ провинціальныхъ губернаторскихъ канцелярій получила на выставкѣ медаль за представленную ею коллекцію перчатокъ.»

Васъ, женщинъ сѣвера, васъ, корифеекъ тона,
Мы молимъ обратить вниманіе на то:
Не покупайте вы перчатокъ у Леона,
У Фроманто,

Забудьте Юнкера, парижскіе бульвары,
Лишь въ канцеляріи спасенье русскихъ дамъ,

Перчатки лучшія Урала и Самары
Готовы вамъ.

Для васъ, для васъ, mesdames, забывъ свои порядки,
Входящія дѣла, бумаги кинувъ прочь,
Вся канцелярія работала перчатки
И день и ночь.

Строча, сидѣлъ писецъ не за рапортомъ хмурымъ—
За лайкой мягкою и нѣжной, какъ атласъ,
И слово *строчка* тамъ явилось каламбуромъ
Для васъ, для васъ.

Перчатки русскія прославились въ Европѣ,
Но ждутъ онѣ похвалъ отъ гражданокъ своихъ...
За попеченіе о вашемъ гардеробѣ,
Носите-жь ихъ!...

VI.

**Таинственный боченокъ, съ надписью: Амвросій Прохоровъ, I сортъ, 5 рублей.**

Неозаренъ догадки свѣтомъ,
Я духомъ палъ,
Какой продуктъ въ боченкѣ этомъ —
Не угадалъ.
Чтò онъ родной — не нужно трогать,
О томъ тотчасъ
Мнѣ подсказали — русскій деготь
И русскій вязъ,
Но чтò за тайны въ немъ лежали
Внутри, внутри,
О томъ британцы ужь держали
Не разъ пари,

Французы шутки позабыли,
Пришли въ азартъ,
И нѣмцы, гнѣваясь, рѣшили:
«Das ist sehr hart.»
Я самъ, предавшися тревогѣ,
Взялъ каталогъ,
Но и разгадки въ каталогѣ
Найдти не могъ.
И набѣгали быстро мысли
О томъ, о семъ:
Изъ Оренбурга не кумысъ-ли
Въ боченкѣ томъ?
Иль, можетъ быть, въ задатокъ силы
Родной Москвы,
Свой квасъ сюда славянофилы,
Прислали вы?
Иль откупщикъ, въ бѣдѣ рыдая,
На тотъ базаръ
Привезъ, медали ожидая,
Свой полугаръ?
И молча я стоялъ въ сторонкѣ
Часа два—три,
Но не узналъ, что въ томъ боченкѣ
Лежитъ внутри.

VII.

## Предъ чемоданомъ г. Никсена.

Тикъ, кожа, желтые ремни,
Знакомо это издавна намъ:
Мы всѣ не разъ въ былые дни
Съ такимъ ѣзжали чемоданомъ,
Въ которомъ лопались всѣ швы,
Ремни рвалися и трещали,

И чемоданъ такой, увы!
На первой станціи бросали.
И здѣсь... въ губахъ застылъ вопросъ,
На волю вырваться готовый:
«Какой зефиръ тебя занесъ
Сюда, изъ улицы Садовой?

## Московскія пѣсни.

I.

Гдѣ наши силы,
Друзья мои?
Славянофилы?
Не говори —
Они намъ милы,
Но говори:
Лишь долгу вѣренъ,
Твори, твори
Борисъ Чичеринъ:
Въ гробъ уложи
Казачье племя,
«Прости» — скажи,
И укажи
На «Наше Время».

II.

Крикунъ-зоилъ, въ пылу трезвона
Привыкъ все дерзко отрицать,
И на Чичерина и Крона
Готовъ копье свое поднять.

Но рухнетъ старая кулиса
Въ пыли годовъ замретъ содомъ —
Мы отъ Чичерина Бориса
Въ восторгъ со временемъ придемъ.

Такъ послѣ буйнаго похмѣлья
На міръ трезвѣе мы глядимъ,
Такъ милыхъ женщинъ рукодѣлья
Съ благоговѣніемъ хранимъ.

---

III.

Когда бъ не смутное влеченье
И жажда тайная тревогъ,
Я-бъ жилъ въ Москвѣ, на «Развлеченье»
Смѣнивъ и «Искру» и «Свистокъ».

И какъ Корейши старый крестникъ,
Прогрессъ и совѣсть отвергалъ,
И все бы слушалъ «Русскій Вѣстникъ»
И только бъ «Марево» читалъ.

---

IV.

Я трепеталъ,
Какъ говорилъ

Явившись въ залъ
Славянофилъ,
Я изнывалъ
Отъ ногъ до плечъ
Какъ онъ читалъ
Собратьямъ рѣчь,
Я тосковалъ
И теръ свой лобъ,
Какъ онъ строгалъ
Европѣ гробъ,
Какъ Западъ клялъ,
И мудръ и строгъ,
И прославлялъ
Одинъ востокъ,
И тѣхъ идей
Водоворотъ
Въ душѣ моей
Переворотъ
Тогда свершилъ,
Къ Москвѣ свой взоръ
Я устремилъ
И сталъ съ тѣхъ поръ —
Славянофилъ.

V.

## Прологъ поэмы.

У лукоморья дубъ гигантскій,
Златая цѣпь на дубѣ томъ,
И днемъ и ночью котъ славянскій
Все ходитъ по цѣпи кругомъ,
И всѣмъ прохожимъ — коннымъ, пѣшимъ —
Поетъ, — и слушаетъ весь міръ.

Москва, Москва! Тамъ русскимъ лѣшимъ
Зовется греческій сатиръ;
Тамъ все одной родной закалки,
Тамъ самодуры — старики,
Тамъ вмѣсто нимфъ — однѣ русалки,
Ныряя, мчатся вдоль рѣки.
Тамъ въ цвѣтѣ доблести и мочи
На печкѣ дремлетъ наша лѣнь,
И блещетъ тамъ, не зная ночи,
Благочестивый, постный «День».
Тамъ, много витязей въ кольчугахъ,
Къ прогрессу жалости полны,
Европу, сгнившую въ недугахъ,
Хоронятъ въ пѣсняхъ старины;
И тамъ друзьямъ-славянофиламъ
Погодинъ рѣчи говоритъ,
И сарафаномъ бредитъ милымъ
И къ позабытымъ двумъ могиламъ
Славянамъ всѣмъ идти велитъ.
Тамъ въ терему купчиха чахнетъ,
Тамъ рядъ откормленныхъ невѣстъ
И сладко спитъ, и сладко ѣстъ...
Тамъ русскій духъ... Тамъ Русью пахнетъ!...

***

И я тамъ былъ, и медъ я пилъ,
Тамъ видѣлъ я и дубъ гигантскій,
Подъ нимъ сидѣлъ и котъ славянскій
Свою мнѣ сказку говорилъ...

И скоро, скоро сказку эту
Я соберусь повѣдать свѣту,

И новый День, воспѣтый въ ней,
Напомнитъ намъ, какъ гулъ далекій:
«Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.»

## Москва.

Ахъ, лукавитъ молва,
Что уснула Москва,
Братцы,
Что, осиливъ блины,
Ей тревожные сны
Снятся,

Что, не зная заботъ,
Ей милѣй круглый годъ
Спать-бы,
И гадать на бобахъ
И играть черезъ свахъ
Свадьбы.

Ахъ, зачѣмъ клевета
Осмѣяла мѣста
Эти!
Вѣдь языкъ злыхъ людей
Бьетъ, повѣрьте, больнѣй
Плети.

Нѣтъ, Москва-старина
И въ просонкахъ умна
Даже,
Не слабѣетъ отъ лѣтъ,
Европейской въ ней нѣтъ
Блажи.

Не горитъ въ ней «Маякъ,»
«Москвитянинъ» — чудакъ,
Гдѣ-ты?
Какъ «Маякъ», отъ кручинъ,
Ты погибъ средь пучинъ
Леты.

Но иная заря,
Надъ Москвою горя,
Встала...
Развѣ новыхъ умовъ
Межъ твоихъ теремовъ
Мало?

Развѣ старую лѣнь
Не прогналъ въ тебѣ «День?»
То-то!...
Развѣ Павловъ дремалъ,
Развѣ стихъ не звучалъ
Грота?

Нѣтъ, лукавитъ молва,
Что уснула Москва,
Братцы!
Все впередъ въ ней идетъ,
Лишь за дѣло начнетъ
Браться.

---

## Сцена въ литературномъ агентствѣ.

Хорошо жить въ наше время.
Благодатные года!
Геніальныя открытья...
Безкорыстіе труда...

***

Вотъ хоть новое извѣстье:
Говорятъ, что сэръ Джонъ Спикъ
До истоковъ самыхъ Нила
Наконецъ-таки достигъ.

***

И теперь въ ученомъ мірѣ
Нетаинственъ больше Нилъ.
Согласитесь: Джона Спика
Подвигъ очень, очень милъ.

А у насъ? У насъ, ей Богу,
Всѣмъ открытьямъ — счету нѣтъ;
Жаль одно: что тѣ открытья
Знаетъ только русскій свѣтъ.

* *
*

Вотъ хоть Писемскій! Представьте...
Впрочемъ, знаете ужь вы, —
«Взбаламученное море»
Намъ открылъ вблизи Москвы.

* *
*

Потому-то всѣ ланд-карты
Нужно нынче измѣнить
И Москву въ «приморскій городъ»
Непремѣнно обратить.

* *
*

А новѣйшее агентство?
Имъ открытъ намъ — просто страсть! —
Самый «лучшій, вѣрный способъ»
Въ литераторы попасть.

* *
*

То агентство поставляетъ
По заказу въ города
Литераторовъ, кухарокъ —
Самыхъ лучшихъ, господа!

* *
*

Лишь прочелъ я объявленье,
Какъ, себя ударивъ въ лобъ,
Я помчался въ то агентство,
Въ попыхахъ надѣвъ салопъ.

Прихожу, Большая зала...
Много женщинъ и мужчинъ...
Я смутился. Для смущенья
Было нѣсколько причинъ.

**
*

Но, молчу объ этомъ. Сзади
Вдругъ я слышу. «Вамъ чего-съ?»
«Мнѣ нужна, monsieur, кухарка!»
Отвѣчаю на вопросъ.

**
*

— «Вамъ кухарку? Нѣтъ-съ, *всѣ вышли*...
(Очень милый каламбуръ)
Вотъ писателей — такъ много»...
И на нѣсколько фигуръ,

**
*

Мрачно жавшихся у стѣнки,
Мнѣ конторщикъ указалъ:
— «Все таланты-съ! Только видъ ихъ
Лишь немножко подгулялъ.

**
*

«А кухарокъ нынче нѣту,
Приходите завтра въ часъ.
Вѣдь на нихъ запросъ огромный
Здѣсь бываетъ каждый разъ.»

**
*

Онъ былъ правъ. Кухарки нужны
Вѣдь почти-что въ каждый домъ;
Литераторы же ныньче
Стали вовсе нипочемъ.

И такіе есть межъ ними,
Что отъ нихъ избавь насъ Богъ!
И воскликнулъ я невольно,
Пробираясь за порогъ:

***

О, судьба! будь милосердна!
И для насъ устрой ты такъ:
Дай поболѣе — кухарокъ.
И поменѣе — писакъ.

---

## Изъ акціонерныхъ хроникъ Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ.

---

I.

Кто винить васъ будетъ, Геренъ,
За расходы тѣ и эти?
Чистоту ихъ, я увѣренъ,
Понимаютъ даже дѣти.

Вызываютъ на обиды
Беззаконныя дѣянья,
Васъ же мечъ самой Ѳемиды
Не коснется за стяжанья.

Потеряли развѣ умъ мы,
Признавая тѣ нападки,
Что изъ ввѣренной вамъ суммы
Покупали вы перчатки,

Фляги, мельницы, тарелки,
Тюфяки, ковры, кастрюльки,
Для друзей своихъ — бездѣлки,
Для дѣтей своихъ — бирюльки?

Нѣтъ, вы правы, правы дважды,
Если счетъ всему ведете,
И буквально вещи каждой
Опись сдѣлали въ отчетѣ!...

---

II.

О, когда-бъ мнѣ боги
Дали для примѣра
Въ «обществѣ дороги»
Званье инженера,

Былъ бы я умѣренъ,
Въ оправданіяхъ гибокъ,
И клянусь, что Геренъ
Не знавалъ ошибокъ!

Я, въ отчетахъ краток,
Всѣмъ наставя носъ-бы,
Кучерскихъ перчатокъ
Въ описи не внесъ бы.

Я завелъ бы точно
Лишь одну карету,
Да и ту-бъ нарочно
Не поставилъ въ смѣту.

Не ходилъ бы пѣшій,
Ѣздилъ — хоть на парѣ,

И въ Ліонъ депеши
Отправлялъ бы къ Кларѣ.

Съ ней (въ душѣ-Маниловъ)
Въ перепискѣ скромной,
Былъ бы я, какъ Миловъ
Съ Софьею Петровной *).

Въ службѣ Коллиньона
Наслажденье тѣша,
Прямо до Ліона
Шла-бъ моя депеша.

Хвостъ имѣя лисій
И сведя итоги,
Отъ суда коммисій
Я-бъ не зналъ тревоги.

---

III.

Пью за искренность «смѣты» **)
И за русскій кредитъ;
Пью, слагая куплеты,
Что̀ пропажа кареты
Никого не дивитъ.

Пусть всѣ члены совѣта,
Утвердивши тарифъ,

*) Въ отчетѣ Общества объ отправленіи депешъ, внесены такіе расходы: 1) двѣ депеши отъ Милова — *Софьѣ Петровнѣ* — на 9 р. 2) депеши отъ главнаго инженера *M-lle Claire — въ Ліонъ* на 10 р. 54 к. 3) Отъ Франциска — *Фанни Шаперонъ* — 22 р. 32 к. с.

**) Въ счетъ общихъ расходовъ по управленію сооруженія линій введено г. Гелингу 200 р. *за карету, потерянную въ Псковѣ.*

За него ждутъ отвѣта...
Но судить ли за это:
Чтожь? — пропала карета —
Это вовсе не миѳъ.

Подъ пучинами Леты
Схороненъ рядъ костей;
Гибли страны, поэты,
Такъ пропажа кареты
Въ путешествіи гдѣ-то,
Удивитъ лишь дѣтей.

Пью-жь за здравье «совѣта»
И его самосудъ...
За бутылкой моэта
Я пою до разсвѣта:
Чтожь? пропала карета —
Такъ другую дадутъ.

## Изъ акціонерныхъ хроникъ

### общества водопроводовъ.

---

I.

Помнитъ житель Петрограда,
Какъ вездѣ, изъ-за угла,
Изъ канавъ и ямъ преграда
Насъ на улицахъ ждала,
Гдѣ въ открытый зѣвъ оврага,
Какъ въ прожорливый капканъ,
Для общественнаго блага
Пало множество гражданъ;
Гдѣ работали насосы
На Фонтанкахъ день и ночь,
Гдѣ тревожные вопросы
Мы старались превозмочь.

Помнитъ житель Петрограда,
Какъ сложилась сгоряча,

Близъ таврическаго сада
Въ семь этажей каланча,
Какъ въ правленьѣ къ разнымъ цѣлямъ,
Суетясь не безъ причинъ,
Пробирались *Окель* съ *Пелемъ*
И съ *Палибинымъ Ильинъ*,
Какъ, — минуту роковую
Не забудемъ никогда:
Вверхъ взрывая мостовую,
Всюду брызгала вода.

Гдѣ жь они, водопроводы,
Трудолюбія примѣръ?
Гдѣ жь теперь твои доходы,
*Водяной* акціонеръ?
«Денегъ мало! денегъ мало!...»
Скорбно общество твердитъ: —
«Не начать ли намъ сначала
Дѣло новое... въ кредитъ?»
— Что же! сдѣлайте огласку,
Увлеките новичка,
И разсказывайте сказку
Намъ про бѣлаго бычка!

---

## II.

### СОНЪ ВЪ РУКУ.

Лишь надъ заснувшею Невою
Настала полночи пора,
Тревожный сонъ надъ головою
Узрѣли всѣ директора.

Надъ изголовьемъ ихъ кроватей
Вставали призраки гурьбой,

И въ вихрѣ стоновъ и проклятій
Куда-то кликали съ собой.

То рвали ихъ акціонеры,
Какъ стая жадная пантеръ,
То ихъ давилъ, давилъ безъ мѣры
Водопроводный бельведеръ.

То въ общемъ хаосѣ и свалкѣ
Грозила Дума имъ вдали,
То словно невскія русалки
Ихъ въ омутъ съ хохотомъ влекли.

Но вдругъ все скрылось мглой тумана;
И передъ ними просвѣтленъ,
Въ вѣнкѣ изъ листьевъ кукельвана
Предсталъ Андрей Иванычъ Кронъ.

Зачѣмъ онъ здѣсь? Совѣтъ въ угарѣ.
Вотъ рѣчь его течетъ, течетъ,
И слаще пѣнья Кальцоляри
Директорамъ былъ голосъ тотъ:

— «У васъ, несчастные собратья,
Бѣда висѣла на носу;
Придите жь всѣ въ мои объятья:
Я васъ спасу! я васъ спасу!...

«Скажите мнѣ — и въ два-три года,
Въ дома столицы, навсегда,
Изъ новыхъ трубъ водопровода
Запрыщетъ невская вода.

«Хотите — сотворю я диво,
И вдругъ, на зло своимъ врагамъ,

Пущу я кроновское пиво
По всѣмъ квартирамъ и угламъ.

«Хотите — сдѣлаю я ссуду,
Велю работы начинать,
И все правленье ваше буду
Три года ровно содержать!»

Пронесся сонъ. Покинувъ ложе,
Всю ночь до самаго утра:
— Ужели Кронъ спасетъ насъ, Боже?
Шептали всѣ директора.

## Патріотическая пѣсня.

Брожу-ль по Campagna di Roma,
Плыву ли по Тибру безъ цѣли,
Стою-ли у берега Комо,
А мысль моя носится дома
По невской широкой панели.
И — странно! — напрасно дразнила
Меня Колизея картина,
И римское солнце палило, —
Во мнѣ черноземная сила
Являла вездѣ славянина.
Всходилъ-ли на холмъ въ Ватиканѣ,
Мечтая о сѣверной нивѣ,
Я думалъ о русскомъ канканѣ,
Я думалъ о томъ кукельванѣ,
Который былъ въ кроновскомъ пивѣ.
Являлся-ли въ римскій я форумъ,
Въ циркъ Ромула иль Каракаллы,

Не занятъ классическимъ вздоромъ,
Я, съ чисто славянскимъ задоромъ,
Записывалъ наши скандалы.
Когда-жь геркулесомъ фарнезскимъ
Артисты кругомъ восторгались,
Я только жалѣлъ лишь, что не съ кѣмъ
Мнѣ въ Римѣ заняться Краевскимъ
И «Голосу» сдѣлать анализъ.

---

## Безпріютная тѣнь.

Въ болотныхъ лѣсахъ новгородскихъ,
Гдѣ вѣтры да вьюги шумятъ,
Встаетъ на далекомъ кладбищѣ
Кургановъ таинственныхъ рядъ.

Не плачутъ надъ ними березы,
Не льютъ свои амбры цвѣты;
Лишь звѣзды на тѣ на курганы,
Мерцая, глядятъ съ высоты.

Креста нѣтъ на древнихъ могилахъ,
Не видно ограды кругомъ;
Тамъ совы да хищныя птицы
Ныряютъ во мракѣ ночномъ.

Курганъ есть на томъ на кладбищѣ —
Печальный разрушенный видъ,

Подъ тѣмъ подъ курганомъ — могила,
Въ могилѣ той — Рюрикъ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Когда то средь мертвыхъ степей,
Но душу усопшаго князя
Не приняли въ Царство-Тѣней.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ могилѣ, изъ царства Валгаллы,
Слетаетъ духовъ хороводъ.

И Рюрикъ тогда изъ могилы
Встаетъ съ потемнѣвшимъ лицемъ;
На немъ золотая кольчуга
И ржавый желѣзный шеломъ.

Влекомый за мощныя руки,
Главу опустивши на грудь,
Съ тѣнями незримыми Рюрикъ
Въ воздушный пускается путь.

Несется къ вратамъ онъ Валгаллы —
Найти свой загробный покой,
Несется и молитъ, чтобъ снова
Ему не лежать подъ землей.

Но снова вопросъ ненавистный:
«Кто родомъ и племенемъ онъ?»
Опять его сердце трепещетъ,
Опять онъ незнаньемъ смущенъ.

И грозно тогда межъ тѣнями
Споръ долгій и жаркій идетъ:

Норманомъ одна его кличетъ,
Другая — литвиномъ зоветъ.

За грудой журналовъ московскихъ
Споръ старый растетъ и кипитъ;
Одинъ духъ хулитъ Москвитянинъ,
Другой — Современникъ хулитъ.

Такъ духи, какъ люди, безъ толку
Сражаясь въ ученомъ бою,
Вдругъ къ князю съ угрозой пристали
Открыть имъ отчизну свою.

И съ падшей надеждой, угрюмо
Шагаетъ онъ взадъ и впередъ,
Шагаетъ, и русскихъ ученыхъ
Мольбою послѣдней клянетъ.

Зоветъ онъ профессоровъ новыхъ,
Опору въ превратной судьбѣ,
Онъ имъ обѣщаетъ извѣстность,
А скромную долю себѣ.

И въ снѣжныхъ сугробахъ Россіи
Услышали князя мольбу:
Тамъ древній профессоръ московскій
Перчатку бросалъ на борьбу....

Бросалъ онъ перчатку на диспутъ,
Рѣшить: кто былъ Рюрикъ такой?
И къ дѣду науки на вызовъ
Явился ученый другой...

И грезилось Рюрику: въ залѣ
Университета, вдвоемъ,

Сошлись два профессора вмѣстѣ
И жребій метали о немъ.

Споръ блещетъ огнемъ остроумья
Надъ надписью темной могилъ;
Щетинился ветхій профессоръ,
А юный профессоръ острилъ.

Вотъ громко толпа рукоплещетъ....
Лишь Рюрикъ стоялъ все одинъ,
Какъ прежде, смущаемъ вопросомъ:
Норманецъ онъ или литвинъ?

И споръ прекратился ученый,
Какъ каждый кончается споръ,
Но въ немъ только Рюрикъ печальный
Прочелъ для себя приговоръ....

Стоялъ онъ — ворота Валгаллы
Опять запахнулись предъ нимъ,
И капали горькія слезы,
Блестя подъ забраломъ стальнымъ.

И снова безроднаго князя
Незримыхъ тѣней караванъ
Понесъ въ новгородскія дебри
Сложить подъ могильный курганъ.

---

## Ода къ провинціямъ.

(отрывокъ.)

---

Города наши пѣсней эпической
Я готовъ былъ прославить не разъ:
Каждый городъ у насъ — историческій,
«Что не городъ — то норовъ» у насъ.
Предъ губернской заставой со всякаго
Даже шапка спадаетъ сама;
Все смущаетъ его одинаково:
Бытъ и нравы, строенья, дома,
Горожанъ домовитыхъ имущества,
Ихъ привычки, занятья, языкъ,
И чему тамъ отдать преимущество
Не рѣшитъ онъ, и станетъ въ тупикъ.
Петербургъ, съ его дивными чарами
Всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и родовъ,
Съ пышнымъ блескомъ, нарядомъ, базарами
Ужь одинъ стоитъ всѣхъ городовъ.

А Москва благодатными данями
Москвичей надѣляетъ кругомъ —
Калачами, невѣстами, банями,
«Русскимъ Вѣстникомъ» объ руку, «Днемъ...»
Ярославль ткетъ полóтна отличныя,
Всюду ставится тульскій клинокъ,
Изъ Казани шлютъ мыло яичное,
И готовитъ намъ обувь Торжокъ.
Изъ Одессы — сигары крученыя,
Изъ Черкаска — для ростбифа быкъ...
Здѣсь — симбирская *вобла* *) копченая,
Тамъ уральскій копченый бáлыкъ.
Изъ конца въ конецъ Русь нашу мѣряя
Въ продолженіи многихъ годовъ,
Я узналъ, что въ Россійской имперіи
Много славныхъ начтешь городовъ;
Но изъ нихъ только города Кіева
Несравненна съ другими краса,
Вѣдь не даромъ вездѣ старики его
Прославляютъ на всѣ голоса.
Слышу, слышу хвалебные клики я
Я внимаю взволнованъ, смущенъ...
Зарождались все люди великіе
Въ этомъ городѣ съ давнихъ временъ.
Тамъ природой вокругъ расточаемы
Всѣ дары... мы забудемъ ужель
Что качалась, для міра незнаема
Аскоченскаго тамъ колыбель.

---

*) *Вобла* — волжская рыба, имѣетъ передъ другими рыбами то огромное преимущество, что, питаясь ею, можно переломать всѣ зубы. Вкусъ самый неопредѣленный, нѣчто среднее между копченымъ козырькомъ и маринованнымъ голенищемъ. Въ г. Симбирскѣ эту рыбу подаютъ за десертомъ.

Тамъ Юркевичь, сдружася съ Минервою,
Книжной мудростью умъ свой питалъ,
Познакомился съ розгою первою
И ей первые канты слагалъ.

## Отъ научной жажды млѣя.

---

Отъ научной жажды млѣя,
Хоть брала порой зѣвота,
Изучалъ я Маколея,
Изучалъ я Молешота.

Но всѣхъ ихъ не разумѣя,
Я, съ гордыней патріота,
(И зѣвать уже не смѣя)
На Руси искалъ чего-то;

И въ пылу метаморфозы
Все слѣдилъ, какъ шли обозы
И стиховъ и русской прозы, —
Какъ смутились двѣ столицы,

От Семевскаго претензій,
От Григорьева рецензій,
И от мудрости Косицы.

---

Изъ книгъ
А. В. Кокорева

## Праздничная дума.

---

Нѣтъ, мнѣ чуждо сомнѣнье лукавое,
И задоръ современныхъ повѣсъ;
Посмотрю лишь — налѣво, направо я,
Чуть въ слезахъ умиленья не плавая,
Всюду чую россійскій прогрессъ.
Всѣ ученія ложныя, дикія
Потеряли свой прежній кредитъ:
Здѣсь — журналовъ стремленья великія,
Тамъ — изданія Вольфа Маврикія —
О прогрессѣ мнѣ все говоритъ.

Журналистика русская многому
Научила насъ въ эти года;
Все анализу предано строгому,
Бѣдняку и калекѣ убогому
Не жалѣемъ мы... словъ никогда.
Всѣ идеи Булгарина милаго

Перестали ужъ мы почитать,
И не могутъ безъ чувства унылаго
Поколѣнье Никиты Безрылова
Современные люди встрѣчать.

Хоть кого забросаемъ мы фразами!
А вѣдь фразы-то всѣ на подборъ
Краснорѣчья сверкаютъ алмазами,
И своими благими экстазами
Мы рутинѣ несемъ приговоръ.
Поднимайся же все человѣчество
И готовые лавры надѣнь;
Вы — дворянство, мѣщанство, купечество,
Издаются для васъ — «Сынъ Отечества»,
«Русскій Вѣстникъ», «Заноза» и «День».

А вокругъ васъ толпы просвѣтителей
Съ цѣлымъ ворохомъ важныхъ задачъ,
Нигилизма враговъ и гонителей;
Въ пользу бѣдныхъ — спектакли любителей
Затѣваетъ досужій богачъ.
На себѣ я несу обаяніе
Обличеній, протестовъ, рѣчей,
Всѣхъ актеровъ родныхъ дарованіе
И столичныхъ врачей причитаніе
Передъ замысломъ женщинъ врачей,

Педагоговъ Руси ажитація,
Избѣгавшихъ рѣшительныхъ мѣръ,
Обскурантовъпос лѣднихъ оваціа
И полемикъ журнальная грація —
Такта нашего лучшій примѣръ.
И вездѣ, гдѣ мой взоръ ни появится,
Каждый фактъ оцѣняя на вѣсъ,
Сердце всюду вездѣ умиляется:

Предо мной во-очью совершается
Всероссійскій великій прогрессъ.

Господа! Не сдавайтесь сомнѣніямъ:
Намъ сознать свои силы пора,
И не вѣрьте зловѣщимъ тѣмъ геніямъ,
Что съ великимъ твердятъ озлобленіемъ:
«Вашъ прогрессъ — лишь одна мишура.»
Нѣтъ! свое затаите убожество!
Если жь дѣла мы ждали бъ отъ васъ,
Хоть впадите и въ лѣнь и въ ничтожество,
Но давайте намъ многое множество
Громкихъ фразъ, громкихъ фразъ, громкихъ фразъ...

---

# РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

## Весенняя пѣсня.

Дайте забвенья мнѣ!.. Вечеръ прекрасный!..
Слушайте: чу? раздалась
Пѣснь соловьиная; музыкой страстной
Въ душу она ворвалась...
*(Баринъ, вамъ счетъ принесли изъ колбасной,*
*Требуютъ денегъ сейчасъ).*

Все въ этихъ звукахъ для сердца знакомо,—
Такъ бы всю ночь простоялъ...
Помню я вечеръ на озерѣ Комо —
Звуками воздухъ дрожалъ...
*(Ну, кто звонитъ тамъ? сказать, что нѣтъ дома,*
*Де-скать весь день не бывалъ).*

Воздухъ глотаю я съ жаждою воли,
Сердце забилось скорѣй,

Стихнули скорби и прежнія боли
Мысль и свѣтлѣй и бодрѣй...
*(Что тебѣ нужно?—Прикажете, что-ли,*
*Къ чаю купить сухарей?)*

Спряталось солнце. Какъ пурпуръ румяна
Западъ одѣвшая мгла,
Носятся бѣлыя волны тумана,
Ночь надъ землею легла...
*(— Что ты ревешь такъ? Возьмите болвана...*
*— «Мама мнѣ плюху дала»!...)*

Садъ ароматомъ весны закурился,
Въ окна бѣжитъ ароматъ,
Въ озерѣ мѣсячный столбъ отразился,
Звѣзды все ярче горятъ...
*(Слушай, хоть ты-бъ за жену заступился:*
*Все эти хамы грубятъ.)*

Ночи весеннія! Вами мы лѣчимъ
Сердце отъ бурь и тревогъ,
Сердце, привыкшее къ жизненнымъ сѣчамъ;
Ночи! Когда-бы я могъ...
*(Денегъ на ваксу пожалуйте. Нечѣмъ*
*Вычистить завтра сапогъ.)*

Въ небо смотрю... голова закружилась...
Ночь голубая плыветъ;
Словно надъ міромъ она наклонилась,
Словно молитву поетъ...
*(Господи! что тамъ такое случилось?*
*— Барыня спать васъ зоветъ!...)*

## Свадьба.

*(Лѣтняя сцена съ натуры.)*

---

На Сѣнной, у храма собрались зѣваки.
Что-то тутъ случилось... Вотъ женихъ во фракѣ

* *
*

Вышелъ и пустился, точно вихорь, съ мѣста;
Вотъ, лице закрывши, вышла и невѣста,

* *
*

Въ платьѣ подвенечномъ, въ покрывалѣ бѣломъ;
Видно, впрочемъ, дама въ возрастѣ ужь зрѣломъ,

* *
*

Плачетъ и трясется, надрывая сердце,
Такъ, что не отыщетъ, гдѣ въ каретѣ дверца.

Вотъ въ карету сѣла, — слезы льются градомъ, —
Шаферъ, что-ль, родня-ли, съ ней усѣлся рядомъ, —

***

Смотритъ изъ подлобья, пасмурно и косо:
— Ну, пошелъ скорѣе! — и стуча, колеса,

***

Прыгая по камнямъ, вдругъ загрохотали,
А кругомъ зѣваки громко хохотали

***

И во слѣдъ кричали: «погоняйте прытче!
Ну, ужь свадьба, братцы! приключилась притча!»

***

Я стоялъ и слушалъ. Мнѣ купецъ прохожій
Разсказалъ о свадьбѣ, на романъ похожей.

***

— «Вишь съ невѣстой этой поступили скверно.
Хоть шестой десятокъ ей пошелъ, но вѣрно

***

Очень молодое въ ней сердечко билось:
Вдругъ канцеляристомъ барыня плѣнилась.

***

Этотъ былъ не промахъ, — слылъ со смѣткой малымъ, —
Видитъ — подвернулась краля съ капиталомъ.

***

Влѣзъ къ ней просто въ душу, ластился, какъ кошка:
Нѣтъ-нѣтъ, да деньжонокъ выпроситъ немножко,

Обѣщалъ жениться, тратилъ депозитки, —
Да и обобралъ же барыню до нитки,

**
*

Обобралъ и понялъ... Тутъ ужъ не до свадьбы,
Норовитъ — лишь только какъ нибудь удрать-бы...

**
*

И, размысливъ здраво, чтобъ бѣды не вышло,
Повернуть рѣшился онъ обратно дышло.

**
*

Можетъ и удралъ бы, — только на бѣду-то
Братецъ дамы этой повернулъ тутъ круто:

**
*

Вы, де-скать, обманщикъ, хитрый обольститель,
Такъ по той причинѣ въ церковь не хотите-ль?

**
*

Тотъ — и такъ, и эдакъ, — видитъ — плохо дѣло:
— Ну, такъ повѣнчайте! отвѣчаетъ смѣло.

**
*

Свадьбы день назначилъ, — (выбралъ день таковскій:
Завтра вѣдь начнется лѣтній постъ, петровскій).

**
*

Вотъ невѣста наша наняла карету,
Входятъ въ церковь, что же? суженаго нѣту!

**
*

А межъ тѣмъ онъ долженъ — ужъ таковъ порядокъ
Въ храмѣ ждать невѣсту. Съ барыней — припадокъ

Сдѣлался, — тотчасъ же къ жениху послали
Звать его на свадьбу. Ждали, ждали, ждали...

**
*

И пока тянулись съ нимъ переговоры,
Разныя условья, споры да покоры,

**
*

Ночь ужь приближалась. Наконецъ, когда же
Самъ женихъ подъѣхалъ къ храму въ экипажѣ,

**
*

Было уже поздно; объяляетъ дьяконъ:
— Бракъ вашъ отложили, и теперь никакъ онъ

**
*

Быть свершенъ не можетъ: время протянули
До поста, а можно будетъ лишь въ іюлѣ

**
*

Сочетаться вмѣстѣ вамъ законнымъ бракомъ...»
Вотъ вамъ и вся свадьба!... уличнымъ зѣвакамъ

**
*

Только-бъ погорланить, — знай лишь скалятъ зубы
Потому, выходитъ, — нравы очень грубы.

**
*

Надъ чужой бѣдою мы смѣяться можемъ,
А къ своей бѣдѣ-то рукъ мы не приложимъ....»

## Домашній очагъ.

*(Мотивъ изъ Дюпона.)*

---

Тише, ради Бога!
Не цѣлуй такъ часто!
Кончена дорога,
И теперь ужь много,
Если саженъ на сто
Я сойду съ порога.

Изъ Китая приплылъ я вчера.
Тамъ, ей-Богу, житье золотое!
Подавали мнѣ тамъ повара
Изъ собачьяго мяса жаркое.
Чтожь? Хоть кухню китайцевъ бранятъ,
А въ Европѣ — не лучше кухарки:
Вѣдь ѣдятъ же французы салатъ,
А въ Россіи свѣчные огарки.

Тише, ради Бога!
Не цѣлуй такъ часто!
Кончена дорога,
И теперь ужь много,
Если саженъ на сто
Я сойду съ порога.

Съ европейскимъ добромъ корабли
Въ свои порты японцы пустили,
За пеньку и за шерсть намъ давали рубли,
Хрусталемъ за желѣзо платили,
А фарфоръ-то какой есть у насъ!
Всѣмъ достанетъ на чашки и плошки.
И теперь изъ фарфоровыхъ вазъ
Будутъ пить всѣ парижскія кошки.

Тише, ради Бога!
Не цѣлуй такъ часто!
Кончена дорога,
И теперь ужь много,
Если саженъ на сто
Я сойду съ порога.

Хоть извѣстенъ теперь новый свѣтъ
Благородной, гражданской доктриной;
Но у негровъ — рѣшили тамъ — нѣтъ
Человѣческой фибры единой.
Вся Европа въ томъ видитъ позоръ,
Лицемѣрка извѣстна вѣдь эта; —
Ей самой можно сдѣлать укоръ
За людей и не чернаго цвѣта.

Тише, ради Бога!
Не цѣлуй такъ часто!
Кончена дорога,

И теперь ужь много,
Если саженъ на сто
Я сойду съ порога.

Мнѣ по сердцу Испаніи бытъ
И кастильской красавицы лента,
Англичанина щедрый кредитъ
И Италіи всей far' niente,
Тамъ мнѣ жизнь улыбалася... но
Жить на родинѣ лучше и проще,
И хоть дороги хлѣбъ и вино,
Но тѣнисты дубовыя рощи.

Тише, ради Бога!
Не цѣлуй такъ часто!
Кончена дорога,
И теперь ужь много,
Если саженъ на сто
Я сойду съ порога.

И хоть часто здѣсь сердце болитъ,
Солнце свѣтитъ не ярче, не ближе,
Но трактирщикъ мнѣ вѣритъ въ кредитъ
И подруга мнѣ вѣритъ въ Парижѣ...
Не смолкаетъ здѣсь пѣсня моя;
Если жь риѳма въ куплеты не ляжетъ,
Не на мигъ отъ пѣвца не тая,
Ее вѣтеръ родимый подскажетъ.

Тише, ради Бога!
Не цѣлуй такъ часто!
Кончена дорога,
И теперь ужь много,
Если саженъ на сто
Я сойду съ порога.

Пусть же смѣхъ и веселье бѣгутъ,
Вырываясь на волю изъ груди:
Подъ охраной науки растутъ
Поколѣнія новаго люди.
Не смолкайте же, крики и шумъ!
Всѣ отдайтесь, какъ дѣти проказамъ:
Я пою человѣческій умъ,
Я пою человѣческій разумъ.

Тише, ради Бога!
Не цѣлуй такъ часто!
Кончена дорога,
И теперь ужь много,
Если саженъ на сто
Я сойду съ порога.

---

## Первый поцѣлуй.

ЭЛЕГІЯ.

*(Сюжетъ взятъ изъ одной современной повѣсти.)*

---

Для моціона, послѣ ванны
(Жаръ только спалъ)
Куря сигару изъ гаванны —
Я въ лѣсъ попалъ.

Въ вѣтвяхъ гремѣлъ пѣвцовъ пернатыхъ
Звенящій хоръ,
И весь курился въ ароматахъ
Зеленый боръ:

И гасъ и таялъ день румяный...
Я шелъ, но вотъ,
Смотрю и вижу — надъ поляной
Мелькнулъ капотъ.

Я вижу даму — страстно, громко
Поетъ она...
О, кто ты, кто ты, незнакомка?
Кто ты, жена?

Раскрыть не смѣя въ то мгновенье
Горячихъ устъ,
Я легъ, безъ всякаго движенья —
Подъ ближній кустъ.

Она поетъ — лицо пылаетъ,
Она поётъ!
(И грудь, волнуя, поднимаетъ
Ея капотъ).

Зоветъ любовь и сердцу милыхъ,
Какъ день чиста...
И я вскочилъ, терпѣть не въ силахъ,
Изъ за-куста.

Я весь дрожалъ, какъ отъ озноба...
Взыграла кровь...
Къ другъ другу мы познали оба
Въ тотъ мигъ любовь.

На насъ напалъ припадокъ странный...
Мы обнялись —
И въ поцѣлуй благоуханный
Безъ словъ слились.

Потомъ — какъ сонъ, изчезла дѣва,
Какъ страсть моя...
Мы разошлись; она — налѣво,
Направо — я.

## Женскія пѣсни.

*(Переводъ съ нѣмецкаго.)*

БАРОНЕССЫ ФОНЪ БИССЕРЪ.

I

Люблю я васъ, младыя дѣвы,
Люблю я рѣчи милыхъ дамъ,
Люблю, пока для русской Евы
Не нашепталъ свои напѣвы
Эмансипаціи Адамъ.

Повѣрьте: вы — есть жизни розы!
Наука, знанье — какъ морозы
Оледеняютъ всѣмъ сердца;
И принесетъ вамъ только слёзы
Ученье Фохта и Спинозы,
И сгонитъ молодость съ лица.

Васъ дразнитъ жизнь приманкой сильной,
Сулитъ дары и дразнитъ вновь...
Ужель за лѣтописью пыльной,
Иль за полемикой чернильной
Поблекнетъ женщины любовь?

Блистайте жъ только въ бальной залѣ,
Забросьте скучный фоліантъ,
Играйте вальсы на роялѣ;
Межъ васъ найдется вѣдь едва ли
Марко Вовчекъ или Жоржъ-Зандъ.

---

II

Съ тѣхъ поръ, какъ всемогущій рокъ
Мнѣ далъ прозрѣнье свѣтской дамы,
Эмансипаціи въ упрекъ —
Готова слать я эпиграммы.

Сверкнулъ огонь моихъ очей,
Не въ силахъ скрыть негодованья,
Когда отъ женщинъ — дамъ врачей
Толпа ждала, для посмѣянья.

Цѣня покой своихъ подругъ,
Я призывала къ оборонѣ
Великосвѣтскій пышный кругъ
Въ своемъ блистательномъ салонѣ.

Принципъ невѣдѣнья храня,
Была я вѣстницею рая,
И дамы слушали меня,
Изящно вѣеромъ играя.

Когда-жь въ Москвѣ погибла «Рѣчь»
И Туръ изданье прекратила,
Тогда, какъ ношу сбросивъ съ плечъ,
Я многимъ дамамъ говорила:

«Смотрите! Туръ — примѣръ для васъ!
Урокъ для женщинъ журналистовъ.
«Рѣчь» отъ погибели не спасъ
И самъ великій Ѳеоктистовъ.

Гдѣ жь геній дамскій? гдѣ добро?
Нѣтъ, не для критикъ, не для споровъ —
Для головныхъ однихъ уборовъ
Лишь нужно женщинѣ перо.

## Нищій.

На проспектѣ, у дома Челищева,
У воротъ проходнаго двора,
Всѣ прохожіе видѣли нищаго,
Тамъ стоящаго важно съ утра.
Ничего въ этомъ нищемъ нѣтъ схожаго
Съ той толпой, что живетъ въ нищетѣ,
У которой грошевая пожива
Такъ и видится въ каждой чертѣ.
На лицѣ его римлянъ величіе
(Разумѣется, прежнихъ временъ),
Онъ спины не сгибалъ для приличія,
И руки не протягивалъ онъ,
Только жестомъ прохожаго всякаго
Останавливалъ, гордо маня:
— Вы читали-ль статейку Аксакова
На страницахъ московскаго «Дня»?

Не читали? По этому нумеру
Вы поймете (онъ листъ подавалъ),
Что всѣхъ насъ, проживающихъ по міру
«День» кормить, одѣвать приказалъ,
Если жь знаете эти сказанія, —
Чтобы съ «Днемъ» вы поладить могли, —
Подавайте намъ всѣмъ подаяніе,
И пригоршнями сыпьте рубли!!!
И чудеснаго этого нищаго
Каждый день мы встрѣчаемъ съ утра,
На проспектѣ у дома Челищева,
У воротъ проходнаго двора.

## Голосъ изъ могилы.

Пускай холодною землею
Засыпанъ я.
*(Лермонтовъ).*

Пусть схоронили подъ землею
Давно меня, —
Для всѣхъ загадкой роковою,
Откуда я?

Свой край родной, происхожденье,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья
Я позабылъ.

И въ страхѣ, въ часъ жестокой муки
Вернувшись всвѣтъ,
Отвѣта ждалъ я отъ науки —
Отвѣта нѣтъ.

Внималъ я спорамъ, преньямъ шумнымъ
 Профессоровъ,
Но ихъ отвѣтъ былъ въ остроумномъ
 Сближеньѣ словъ.

Я слышалъ диспутъ двухъ ученыхъ,
 И тосковалъ,
Что образъ свой въ чертахъ мудреныхъ
 Не узнавалъ.

Меня рвали они на части
 Передъ толпой,
Но разрѣшить не стало власти:
 Кто я такой?

Напрасно ихъ теперь, тоскуя,
 И дряхлъ и старъ,
Одну графу внести молю я
 Въ мой формуляръ.

«Родства не помнящій...» въ молчаньѣ
 Отвѣтъ гремитъ,
И остовъ мой въ нѣмомъ страданьѣ
 Въ землѣ дрожитъ.

Кто жь я такой? загадка снова
 Не рѣшена,
Знать, съ мертвецомъ святыня слова
 Схоронена.

Кто я такой?... Лежу безроденъ:
 О старинѣ
Ни Костомаровъ, ни Погодинъ
 Не скажутъ мнѣ!

## Юмористамъ.

Юмористы! смѣйтесь всѣ вы,
Только пусть вашъ стихъ,
Какъ улыбка юной дѣвы,
Будетъ чистъ и тихъ.
Будьте скромны, какъ овечка,
Смѣйтесь безъ тревогъ,
Но отъ желчнаго словечка
Сохрани васъ богъ!...

Безъ насмѣшки, безъ иголокъ,
Весело для всѣхъ,
Смѣйтесь такъ, чтобъ не былъ колокъ
Безобидный смѣхъ;
Чтобъ ребенокъ въ колыбели
Улыбнуться могъ...
Отъ иной гражданской цѣли
Сохрани насъ богъ!...

Смѣйтесь... ну хоть надъ природой,
Ей вѣдь нѣтъ вреда —
Надъ визитами, надъ модой,
Смѣйтесь господа;
Надъ ѣздой въ телѣгѣ тряской
Средь большихъ дорогъ...
Отъ знакомства съ свистопляской
Сохрани васъ богъ!..

Пойте пѣснь о стройномъ фронтѣ,
О ханжѣ, хлыщѣ,
Только личностей не троньте,
Смѣйтесь — *вообще*....
И отъ каръ, отъ обличеній
Вдоль и поперегъ,
Отъ новѣйшихъ всѣхъ ученій —
Сохрани васъ богъ!..

---

## Просьба пансіонерокъ.

Ахъ, вы напрасно, *maman*, не читаете
Русскихъ журналовъ, газетъ,
Даже и намъ ихъ читать запрещаете...
Жалости къ дѣтямъ въ васъ нѣтъ!..

Всей вашей строгости, право, не стало-бы,
Видъ вашъ суровый пропалъ,
Еслибъ взглянули, почтивъ наши жалобы,
Вы хоть въ единый журналъ.

Вы-же намъ книги даете старинныя,
«Странникъ» велите читать...
Нѣтъ, намъ наскучили сказки противныя —
Нужно-же правду сказать!..

Ахъ, ходятъ слухи, въ запретныхъ изданіяхъ, —
Это по вашему вздоръ? —

Пишетъ о зайчикахъ, милыхъ созданіяхъ,
Нѣжно такъ Бергъ Теодоръ.

Есть тамъ, мы слышали, проза Арсеньева,
(Пишетъ умно, говорятъ),
Повѣсти Нарской, разсказы Весеньева...
Всѣхъ перечтешь-ли наврядъ...

Такъ для чего-жь на журналы безвредные
Намъ не даютъ и смотрѣть?
Долго терпѣли, терпѣли мы, бѣдныя,—
Больше не можемъ терпѣть.

Что же, maman, вы? Вѣдь съ вами мы ратуемъ
Не изъ дѣвичьихъ проказъ;
Нынче есть гласность, и мы напечатаемъ
Тоже протестъ свой на васъ.

---

## Грозный актъ.

У редактора газеты
Злой противницы движенья,
Собрались друзья, по зову,
Для совѣта въ воскресенье.

Ужь давно редакторъ смѣлый
И сотрудники газеты
Встрѣчу юнаго прогресса
Слали грозные отвѣты;

Ужь давно они, гдѣ можно,
Порицали дружнымъ хоромъ
Наше время, вѣкъ растлѣнный —
И проклятьемъ и позоромъ

Все клеймили; въ ихъ «Бесѣдѣ»
Донъ-Кихоты тьмы кромѣшной

Проповѣдывали съ жаромъ
Аскетизма путь безгрѣшный,

Духъ терпѣнья и молчанья....
Но теоріи прекрасной
Тѣхъ новѣйшихъ публицистовъ
Не внималъ нашъ вѣкъ ужасный.

И къ редактору «Бесѣды»
Приглашенные собратья
Собрались, чтобы услышать
Актъ торжественный проклятья,

Актъ проклятья громогласный
Окаянному прогрессу,
Людямъ новаго развитья,—
Всѣмъ — служащимъ вѣка бѣсу.

Собралося засѣданье
И внимало съ умиленьемъ,
Какъ редакторъ, жрецъ премудрый,
Имъ читалъ актъ отлученья.

Волоса назадъ отбросивъ,
Ставъ съ приличной сану позой,
Началъ онъ, сверкнувъ глазами,
Распаленными угрозой:

—«Силой правды и закона,
Силой истинъ всемогущихъ —
Всѣхъ — науки и прогресса
Власть открыто признающихъ,

Мы клянемъ, и къ мукамъ вѣчнымъ
Абирона и Дафона

Обрекаемъ ихъ для казни,
Горькихъ мукъ, и слезъ и стона.

Мы клянемъ ихъ именами
Ксенофонта и Фаддея,
И отнынѣ и во вѣки
Проклинаемъ, не жалѣя:

Всюду, гдѣ бъ ихъ ни застали,
Дома, въ клубѣ, въ балаганѣ,
За перомъ, смычкомъ и кистью
Въ министерствѣ, въ ресторанѣ,

Спящихъ, бодрствующихъ, пьющихъ,
Трапезующихъ, cocando,
Недугующихъ, плѣненныхъ,
Чуть живыхъ... flebotomando.

Проклинаемъ во всѣхъ членахъ,
Въ сердцѣ, чревѣ и глазницахъ,
Въ волосахъ, ногтяхъ и жилахъ,
Въ бакенбардахъ и рѣсницахъ...

Всюду ихъ найдетъ проклятье
И предастъ въ жилище бѣса:
Такъ клянемъ дѣтей мы блудныхъ
Окаяннаго прогресса»....

И собратья, съ дружнымъ плескомъ:
«Такъ да будетъ», повторили,
И всѣ подписью формальной
Актъ проклятья закрѣпили.

## Въ вагонѣ.

*(Отрывокъ).*

---

Наконецъ раздается послѣдній звонокъ,
И народъ, перепуганный звономъ,
Въ торопяхъ, волоча и мѣшки и узлы,
Размѣститься спѣшитъ по вагонамъ.

* * *

Я усѣлся къ окошку въ плебейскій вагонъ,
(Всѣ плебеи сидятъ въ третьемъ классѣ),
Потому что я самъ изъ плебейской семьи
И себя причисляю къ ихъ расѣ.

* * *

Вотъ машина заныла, свистя и хрипя,
За вагонами дрогнули цѣпи,
И по рельсамъ, гремя, длинный поѣздъ помчалъ
Насъ въ широкія, русскія степи.

Вкругъ меня помѣстился по лавкамъ народъ —
Человѣкъ полтораста иль двѣсти;
Скоро запахъ особый мнѣ тамъ показалъ,
Что я ѣду съ славянами вмѣстѣ.

* *
*

Но съ восторгомъ глядѣлъ я на этихъ людей:
Что-то новое было въ ихъ лицахъ,
Словно каждый изъ нихъ пропитался насквозь
Новымъ духомъ въ обѣихъ столицахъ;

* *
*

Самодурства и рѣзкихъ манеръ — ни слѣда,
Каждый принялъ смиренную позу.
Вотъ кондукторъ, явившись со связкой газетъ,
Продаетъ пассажирамъ «Занозу».

* *
*

Рыжій купчикъ, съ какимъ-то романомъ въ рукахъ,
Увѣряетъ сосѣда, что «Диккенсъ
Пишетъ скучно не много-съ, но лучше его
Сочинитель родной, Бабарыкинъ-съ!.»

* *
*

И припомнилъ невольно я тѣ времена,
Времена до рожденья прогресса,
Дни, когда не тревожили наши мозги
Свистъ и смѣхъ обличителя бѣса,

* *
*

Не тревожили—гласность нашъ дѣвственный слухъ
И статейки въ карательномъ тонѣ,
И Козляниновъ рыцарь могучей рукой
Билъ проѣзжую нѣмку въ вагонѣ.

А теперь — посмотрите, какой переломъ!
Позабыты родные скандалы,
И у всѣхъ межъ бровей точно надпись видна:
Мы-де всѣ въ наши дни—либералы!»

***

И кругомъ озирая толпу, — признаюсь,
Испыталъ я щемящую скуку,
Словно, что-то родное въ то время терялъ,
Словно, чувствовалъ съ кровнымъ разлуку.

***

Такъ, вернувшись домой, одинокій бѣднякъ
Плачетъ горько, какъ послѣ утраты,
Если видитъ на мѣстѣ родимой избы
Возведенныя гордо палаты.

---

# Ф р и н а.

(ДВѢ ФРЕСКИ).

*(Изъ аѳинскихъ и петербургскихъ хроникъ).*

---

I.

Когда то видѣли Аѳины,
Какъ въ пышный храмъ
Въ покровахъ бѣлыхъ образъ Фрины
Предсталъ жрецамъ.

Въ развратѣ новомъ, какъ блудница
Обличена,
Ей иль топоръ или темница
Присуждена.

Всѣ ждали казни для примѣра...
Палачъ ужъ тутъ..
И вотъ аѳинская гетэра
Явилась въ судъ.

Бѣлѣли мраморные боги
Изъ-за колоннъ,
Сошлись жрецы, одѣвшись въ тоги,
Со всѣхъ сторонъ.

Читали въ ихъ толпѣ безстрастной
Всѣ приговоръ,
И надъ блудницею прекрасной
Висѣлъ позоръ.

Встаютъ жрецы, какъ смерть суровы...
Толпа ждала...
Но Фрина вдругъ свои покровы
Разорвала.

И безъ одеждъ, раскрывъ все тѣло,
Нѣма, безъ словъ
Она, съ презрѣньемъ, посмотрѣла
Въ глаза жрецовъ.

И помнятъ древнія Аѳины,
Какъ въ оный часъ,
У всѣхъ судей богини Фрины
Вся кровь зажглась.

И передъ нею лицемѣры
Склонились въ-прахъ,
И палъ и млѣлъ у ногъ гетэры
Ареопагъ.

---

II.

Съ тѣхъ поръ столѣтья миновали,
Жрецы тѣ спятъ,

Но въ наши дни мы Фринъ видали
На новый ладъ.

Ихъ жизнь блестящая, безъ пятенъ,
Суровъ ихъ взглядъ,
И Фрины древней непонятенъ
Для нихъ развратъ.

Онѣ и въ мысляхъ неприступны,
Свой помня санъ;
Онѣ для смертныхъ недоступны,
Какъ самъ Монбланъ.

Въ толпѣ людей онѣ актрисы,
И не для насъ,
Но мы заглянемъ за кулисы
На этотъ разъ.

Въ купальню дамскую (такъ было)
Вошла жена,
И торсъ свой пышный погрузила
Въ Неву она.

Но ужь пора... прошелъ купанья
Урочный часъ, —
Вдругъ слышенъ стукъ и восклицанье:
«Пустите насъ!»

И гостья новая предстала...
Но съ гостьей той
Она, отбросивъ покрывало,
Вступила въ бой.

Раздался крикъ... разбой! покража!
Народъ вопитъ, —

И вдругъ въ купальню вторглась стража...
Ужасный видъ!

Тамъ безъ одеждъ, безъ кринолина
Дралась жена,
Какъ та плѣнительная Фрина,
Обнажена.

—«За чѣмъ вы здѣсь? вонъ прочь, невѣжды!»
Произнесла,
И облекать себя въ одежды
Тутъ начала.

## Донъ-Кихотъ и невская Дульцинея.

Вечеръ. Невскій залитъ свѣтомъ
Такъ, что видитъ глазъ едва,
Только Дума, въ блескѣ этомъ
Смотритъ мрачно, какъ вдова.

Въ окнахъ бархатъ, бронзы, лампы,
Шелкъ матерій и ковровъ,
Въ окна вставили эстампы
Даціаро и Бегровъ.

Этимъ блескомъ и базаромъ,
Утомленный отъ заботъ,
Пробираясь тротуаромъ,
Любовался Донъ-Кихотъ.

Шлемъ надвинувъ, шелъ онъ прямо,
Руки сжаты на груди...

Вдругъ онъ видитъ — въ шляпѣ дама
Появилась впереди.

Молча слѣдуя за нею,
Онъ рѣшилъ, свой стиснувъ мечъ,
Незнакомку-Дульцинею
Отъ нахаловъ уберечь.

Онъ готовъ былъ къ страшной драмѣ,
Ужь когда-бъ пошло на то...
Вотъ подходитъ къ милой дамѣ
Кто-то съ плэдомъ и въ пальто,

Что-то шепчетъ... ниже, ниже,
Наклоняется надъ ней...
Донъ-Кихотъ подходитъ ближе,
Мрачный, Камбека мрачнѣй.

Незнакомца взявъ за плечи,
Онъ въ глаза ему взглянулъ.
Тутъ не нужно было рѣчи:
Незнакомецъ отпрыгнулъ,

И отъ страха цѣпенѣя,
Вдругъ изчезъ въ тѣни воротъ...
Дульцинея, Дульцинея!
Твой спаситель — Донъ-Кихотъ!

Но, увы! блѣдна отъ гнѣва,
(Неожиданный скандалъ!)
Лишь кричитъ свирѣпо дѣва:
— «Кавалеръ зачѣмъ мой гналъ?

Онъ меня просилъ на ужинъ,
Что же сдѣлалъ ви со мной»!...

Пораженъ, обезоруженъ,
Донъ-Кихотъ побрелъ домой,

И, по улицѣ шагая,
Сталъ еще мрачнѣй, мрачнѣй,
Все еще не постигая
Нравъ столичныхъ Дульциней.

---

## Изъ Москвы въ Петербургъ.

*(Параллель.)*

---

У васъ Нева
Въ гранитномъ ложѣ,
Рѣка Москва
У насъ есть тоже.
Намъ опытъ данъ,
Дана «царь пушка,»
У васъ — Иванъ,
У насъ — Ванюшка;
Въ васъ — духъ угасъ,
Въ насъ — мощь не гасла,
У васъ — есть газъ
У насъ — есть масло.
На вашу блажь
Москва лѣнива,
У васъ есть пиво,
А квасъ то нашъ?

Вамъ — кукельванъ,
Намъ — щи, да каша,
У васъ — канканъ,
«Присядка» — наша:
Мы ей вѣрны.
Вы въ преньяхъ яры,
А мы скромны,
У васъ — омары,
У насъ — блины.
Невѣ — два вѣка,
Намъ — шесть вѣковъ,
У васъ — Громека
У насъ — Катковъ.
Счетъ одинаковъ,
Для всѣхъ одинъ:
У васъ — Заринъ
У насъ — Аксаковъ,
Вамъ, — какъ зоилъ,
Скарятинъ вѣренъ,
Борисъ Чичеринъ
Намъ тѣмъ же милъ.
У васъ — Краевскій,
У васъ — Старчевскій,
Ихъ нѣтъ у насъ,—
Мы въ этомъ — пасъ;
Но для чего же
Жалѣть о томъ?
За то мы схожи
Во всемъ другомъ.
И здѣсь не рѣже
Газетъ грѣхи,
Романы тѣ же
И тѣ жь стихи,
Журналы, книги,
Слова, слова,

И тѣ жь интриги,
И та жь молва,
Тѣ жь драматурги,
Звонъ модныхъ фразъ,
Какъ въ Петербургѣ,
Такъ и у насъ.

---

## Исторія одного пальто.

*(Стихотвореніе анонима).*

«Все, что есть гнуснаго и возмутительнаго внутри и снаружи — все это предстало мнѣ въ этомъ обществѣ, во всей своей безстыдной наготѣ, и я бѣжалъ изъ этого омута, *захвативши чужое пальто и разныя галоши*. (Д. Б. № 24).

Темный вечеръ гасъ въ туманѣ,
Паръ клубился съ невскихъ водъ,
И у пристани Тайвани
Сталъ послѣдній пароходъ.

Лѣтній садъ въ свои аллеи
Лишь впускалъ однѣхъ дріадъ,
Съ острововъ, изъ Ассамблеи
Экипажей мчится рядъ:

Шарабаны, кэбы, дрожки...
Въ окна зданій смотритъ мракъ,

По панели чьей-то ножки
Слышенъ звонкій, бѣглый шагъ.

Лишь съ посадкою злодѣйской,
На мосту, городовой,
Словно шпицъ адмиралтейскій,
Сталъ недвижный и прямой.

Но угрюмо отчего же
Стражъ во слѣдъ за мной глядѣлъ?
Отчего я самъ, о Боже!
То терялся, то блѣднѣлъ?

Отъ меня при встрѣчѣ дама
Отшатнулась даже прочь...
Вотъ, со мной какая драма
Приключилась въ эту ночь:

Дѣло, скажете, пустое!
Но узнайте: лишь вчера
Пріобрѣлъ себѣ пальто я
Въ магазинѣ у Сарра̀.

Что за строчка у кармановъ!
Что за выгибъ на спинѣ!
Самъ изящнѣйшій Кирсановъ
Позавидовалъ бы мнѣ.

Но явились неудачи —
И пропалъ я ни за что...
У пріятеля на дачѣ
Снялъ я вечеромъ пальто.

Гости... споры... гогель-могель...
Переборка всѣхъ именъ:

Гейне, Павловъ, Фихте, Гоголь,
Небольсинъ, Наполеонъ...

Вотъ всѣ вышли. Я послѣдній
Ухожу, но вдругъ бѣда:
Своего пальто въ передней
Не нашелъ я и слѣда.

Я искать, — увы! найду-ли?
Изъ меня весь вышелъ хмѣль —
Я открылъ въ углу, на стулѣ,
Только ветхую шинель...

Возопилъ я, въ той надеждѣ,
Что могу напасть на слѣдъ:
Изъ гостей ушолъ кто прежде?
— А.......кій! былъ отвѣтъ.

— Онъ? О, стыдъ, о горе въ мірѣ!
Крикнулъ такъ я въ этотъ мигъ,
Что Самойловъ только въ «Лирѣ»
Испускалъ подобный крикъ.

Чтожь сулилъ мнѣ этотъ случай?
Счастья день иль день тоски?
И побрелъ я темной тучей
Въ той хламидѣ на Пески.

Легъ я спать, но сны ходили
Надо мною до утра,
И всю ночь меня давили
А.......кій и Сарра̀.

## Хлопецъ и его дѣти.

Есть у хлопца три сына. Ихъ смущаетъ кручина, —
Старый хлопецъ привелъ ихъ къ порогу:
— Съ вами радъ умирать-бы, но съ родимой усадьбы
Проводить васъ пора и въ дорогу.

Молодцы вы всѣ трое, запорожскаго строя,
Лишь красавицы ахаютъ разомъ...
Русь умна и богата, и вотъ, дѣтки, туда-то
Просвѣтить вы поѣдете разумъ.

Русскій толкъ попытайте, русскихъ щей похлебайте,
Да везите въ Украйну новинки,
Самъ я старъ для похода,—стану ждать васъ три года.
Трое васъ — вотъ и три вамъ тропинки.

Будутъ всѣ не въ накладѣ. Ты взгляни въ Новѣградѣ
Монументъ, что недавно сложили,
Да, развѣдай у пановъ: отъ кого — отъ Нормановъ,
Мы начало ведемъ, отъ Литвы-ли?

На Москву путь другаго. Тамъ, что шагъ, то обнова.
Москвичи хлѣбосольны и тихи...
«Русскій вѣстникъ» и бани, калачи и славяне;
Тамъ румяны, какъ солнце, купчихи.

Въ Питеръ третья дорога. Денегъ нужно тамъ много,
Но не даромъ за то проживешься.
Дурнемъ вступишь въ столицу и несешь небылицу,
А на хуторъ всезнайкой вернешься.

Былъ я, дѣтки, моложе, въ Питеръ съѣздилъ я тоже,
Насмотрѣлся чудесъ тамъ не мало;
Хоть вернулся безъ денегъ, но за то сталъ умненекъ,
Только мать ваша ротъ разѣвала.

Вотъ хохлы снарядились и въ дорогу пустились,
И въ отлучкѣ ужъ три года были,
Нѣтъ ни вѣсти, ни слуха, плачетъ горько старуха,
Хлопецъ думаетъ: вѣрно, забыли.

Днѣпръ въ порогахъ крутится, сынъ дорогою мчится,
Что-то есть подъ полой у сынишки.
— Чѣмъ тебя наградили? Что везешь? Не рубли-ли?
— Нѣтъ, отецъ мой, Скавронскаго книжки.

Днѣпръ сердито крутится, сынъ дорогою мчится,
И отецъ его кликаетъ съ вышки:
— Съ чѣмъ пріѣхалъ ты къ мѣсту? Не привезъ-ли невѣсту?
— Нѣтъ, отецъ мой, Скавронскаго книжки.

Днѣпръ клокочетъ и злится, сынъ съ подарками мчится;
Тотъ подарокъ останется-ль въ тайнѣ?
Дѣдъ спросить ужь не хочетъ, но прославить хлопочетъ
Онъ Скавронскаго имя въ Украйнѣ.

---

## Сонъ публики.

Долго сна я ждала послѣ шумнаго дня,
Кровь стучала въ виски мнѣ и въ темя,
И томило и жгло темной ночью меня
Объявленьемъ заманчивымъ «Время».

Только вдругъ кто-то брякнулъ за дверью кольцомъ...
Чу! шаги за моей занавѣской,
И влетѣлъ ко мнѣ свѣтелъ, какъ мѣсяцъ, лицомъ
Журналистъ Михаилъ Достоевскій.

Чудный гость предо мной улыбаясь стоялъ,
Говорилъ онъ, раскрывъ свою тогу:
— «Для тебя, для тебя издаю я журналъ —
Превосходный журнальчикъ, ей Богу!

«Для тебя о кометахъ я поднялъ вопросъ,
Сталъ любить я народъ для тебя же,

Для тебя, королева моя, перенесъ
Я насмѣшки журнальныя даже.

«О, такого журнала—держу я пари—
Не отыщешь нигдѣ ты по свѣту:
Для тебя перевелъ я Notre dame de Paris
И составилъ подписчикамъ смѣту.

«Новый откупъ журнальныхъ рецензій, статей
Разбавлялъ я журнальной водицей;
У меня развлекаютъ «отцовъ» и «дѣтей»
Фуксъ, Григорьевъ и Страховъ съ Косицей.

«О, не вѣрь свистунамъ—нашимъ лютымъ врагамъ,
Отплати же мнѣ лаской за ласку»...
И моля, и кляня, положилъ онъ къ ногамъ
Годового изданія связку.

Отъ моленій его мои слезы лились,
Упадая ручьемъ на сорочку;
И звучало въ ушахъ: подпишись! подпишись!
Для тебя я готовъ на разсрочку!

Протекали часы... я проснулась... гляжу:
Солнца лучъ заигралъ на окошкѣ;
А въ рукѣ своей я очень крѣпко держу
Книжку «Времени» въ свѣтлой обложкѣ.

---

## Египетское утро.

*(Концертъ 26 марта 1861).*

---

Чертогъ сіялъ. Оркестра звуки
Сливались въ странный, дикій хоръ;
Самъ концертантъ, подъявши руки,
Его былъ строгій дирижеръ.
Въ его рукахъ—весь ходъ оркестра;
Но вдругъ, подавши знакъ смычкомъ,
Нашъ композиторъ, нашъ маэстро
Всталъ передъ публикой лицемъ...

И залъ концертный чутко внемлетъ:
Безмолвны гости; хоръ молчитъ;
Но снова онъ смычекъ подъемлетъ
И громогласно говоритъ:
«Со мною кто въ талантѣ ровенъ;
Концертъ дослушавъ до конца,
Скажите мнѣ? Я иль Бетховенъ

Достойны лавровъ и вѣнца?
Чье возраженье здѣсь готово?
Себя на судъ я отдаю...
Скажите, кто изъ васъ сурово
Осудитъ музыку мою?
Онъ рекъ — и гулъ пошолъ по залѣ,
И ропотъ смутный росъ и росъ,
Но онъ, какъ вылитый изъ стали,
Зловѣщій ропотъ перенесъ,
И гордымъ взоромъ вкругъ обводитъ
Мужчинъ и дамъ — столицы цвѣтъ...
Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
За нимъ другой идетъ во слѣдъ.
Смѣла ихъ поступь, очи блещутъ,
И видѣнъ въ лицахъ ихъ протестъ;
Свершилось... въ креслахъ рукоплещутъ
И привстаютъ невольно съ мѣстъ.

Весь кругъ гостей сталъ шумно-веселъ;
Смутился духомъ концертантъ.
Вотъ, взгромоздясь на вышку креселъ,
Явился первый протестантъ.
Тотъ первый мужъ былъ критикъ смѣлый,
Сѣровъ, въ концертахъ посѣдѣлый,
Поклонникъ Вагнера піесъ,
Сотрудникъ бывшій Раппопорта,
Сказавшій намъ, что ut-diez
Кравцова былъ дурного сорта;
Сѣровъ, артистовъ люциферъ,
Вѣщавшій намъ, что Мейерберъ,
Верди, Беллини, Донизетти,
Всѣ вмѣстѣ итальянцы эти —
Творцы безсмысленныхъ химеръ,
Въ искусствѣ гаеры и дѣти.
И онъ теперь снести не могъ

Маэстро русскаго презрѣнья;
Онъ вышелъ съ словомъ осужденья
И сталъ, суровый, какъ пророкъ
Съ призывомъ въ руки взять каменья:
«Казнить, казнить его»! взывалъ:
«Тотъ лютой казни сталъ достоенъ,
Кто скажетъ: я—второй Бетховенъ!»
Такъ съ креселъ топалъ и кричалъ
Сѣровъ — театра мефистофель,
И всѣхъ бросать гнилой картофель
Онъ въ концертиста призывалъ.
За нимъ еще фигура чья-то
Явилась сумрачная тамъ,
Но этотъ имени вѣкамъ
Не передалъ. Его утрата
Укоръ преданью и отцамъ *.
Но вотъ и самъ маэстро бѣдный,
Въ поту, дрожащій, сталъ на стулъ,
И говорилъ убитый, блѣдный
Подъ общій крикъ, и шумъ, и гулъ:
«Клянусь... о матерь Мельпомены,
Тебѣ неслыханно служу,
И здѣсь публично въ часъ измѣны
Своимъ защитникомъ схожу.
Внемлите-жъ голосу призыва!
Вниманья я не утомлю:
Прослушать два моихъ мотива
Тебя, о публика, молю!
Забудь языкъ нелѣпыхъ бредней

---

* Преданіе, дѣйствительно, изъ именъ двухъ протестантовъ сохранило для насъ имя одного г. Сѣрова. О другомъ извѣстно только то, что онъ вставалъ на стулъ, начиналъ говорить, но при шумѣ общаго говора его рѣчь никто не слышалъ.

*Прим. Очевидца.*

И клевету обидныхъ словъ:
Я увертюрою послѣдней
Клянусь, плѣнить тебя готовъ»!
И вотъ опять оркестръ гудитъ
Съ какой-то силой исполинской,
И тамъ маэстро абиссинскій
Хлопочетъ, вьется и кричитъ.
Литавры бьютъ, гремятъ тромбоны,
Басы, дисканты, баритоны —
Въ какой-то дикій вой слились...
На окнахъ стекла задрожали,
И неожиданно по залѣ
Свистки и крики раздались.
Напрасно, словно звѣрь, рыкая,
Маэстро публику зоветъ,
Но разомъ, уши затыкая,
Къ подъѣзду ринулся народъ.

---

из книг
А. Б. Кокорева

## Глава изъ свѣтской поэмы.

*(Во вкусѣ новѣйшихъ салонныхъ романистовъ.)*

---

Въ благовонномъ будуарѣ
Запахъ розъ и poudre de riz,
И разсыпались волнами
Вкругъ атласныя драпри.

Подъ раскрашеннымъ экраномъ
Съ трескомъ теплится каминъ,
И подъ лампой абажурной
Глазъ не рѣжетъ керасинъ.

На прозрачныхъ этажеркахъ
Бронза, золото, фарфоръ,
И разбросаны небрежно
На каминѣ Presse и Nord.

На стѣнѣ изъ пышныхъ рамокъ
Тамъ глядѣли, какъ свои—

Ликъ Люи-Наполеона
И Друэна де-Люи.

На диванѣ у камина
Чьи-то ножки, чей-то станъ...
То маркиза Леонора
Опустилась на диванъ.

Ручка тихо щиплетъ блонды,
Губки сжались, чуть дыша;
Графъ сидитъ и мыслитъ втайнѣ:
«Какъ маркиза хороша!»

«Вы сегодня очень глупы,
Милый графъ, — нагнали сплинъ»...
(Графъ гаванскую сигару,
Вслухъ зѣвнувъ, швырнулъ въ каминъ).

— «Вы, ей-богу, очень странны:
То клянетесь мнѣ въ любви,
То сидите, какъ убитый,
Цѣлый вечеръ vis-à-vis».

«Леонора! вы капризны...
Я дѣйствительно убитъ»...
(Снова новую сигару
Графъ закуривать спѣшитъ.)

«Цѣлый годъ я жду отвѣта.
Что жъ, скажите: да иль нѣтъ?»
Но маркиза занялася
Бомбоньеркою конфектъ.

«Вамъ, я знаю, мужъ противенъ,
Я вамъ нравлюсь, я влюбленъ.

Что-жь мѣшаетъ намъ?» (Сигару
Вновь въ каминъ бросаетъ онъ).

—«Мужъ мнѣ точно, что противенъ:
У него несносный нравъ.
Да и старъ онъ, но.. «Но, что же?»
Развалившись, молвилъ графъ.

— «Я люблю васъ.. не хотите-ль,
Милый графъ, моихъ конфектъ?..
Я люблю васъ, но рѣшилась
Все же вамъ отвѣтить: *нѣтъ*!..»

Тутъ маркиза граціозно
Вдругъ зѣвнула:—«Ахъ, тоска!»..
Графъ, потягиваясь, сдѣлалъ
Два отличные зѣвка.

Я люблю васъ, графъ Евгеній,
Но вы—видите-ль—умны,
А мы, женщины, въ мужчинѣ
Избѣгать ума должны.

Умъ мужчинъ для насъ опасенъ,
Страсть нужна намъ, сердца жаръ...
(Графъ небрежно изъ кармана
Вынимаетъ портъ-сигаръ).

— «Люди умные болтливы,
(Два протяжные зѣвка)
Потому себѣ ищу я, —
Графъ, не злитесь, — дурака».

«Вы безумны, Леонора!»
«Что жь! во вкусахъ всякій правъ...

(Портъ-сигаръ слоновой кости
Изъ руки роняетъ графъ).

«Но, вѣдь такъ шутить безбожно!»
— «Я шучу? О, нѣтъ, никакъ.»
(Графъ беретъ со стула шляпу
И застегиваетъ фракъ).

— «Что жь мнѣ дѣлать?» — Если можно,
Превратитесь въ дурака».
(Графъ зѣвнулъ, маркиза то же
Начала зѣвать слегка).

«Такъ прощайте!» Графъ съ зѣвотой
Покидаетъ будуаръ;
А она зѣвнула то же,
Крикнувъ вслѣдъ: — Au revoir»!

## Листки изъ альбома свѣтскаго человѣка.

*(Посвящ. «Кетти».)*

I.

Вчера годъ новый встрѣтилъ дома,
*Maman* больна, *papa* игралъ,
А я съ кузиной у альбома
До самой полночи зѣвалъ.
Тоска!... Поужиналъ отлично,
Всѣ разошлись, лишь пробилъ часъ...
Когда бъ хоть нѣсколько прилично,
Ей-Богу, радъ бы былъ — въ танцклассъ.

II.

У князя Б. А. Д. на балѣ
Я былъ представленъ Мери Н—а.
О ней ужь много толковали,
А Мери только недурна.
Былъ мужъ, слѣдилъ за нею зорко —

И ревновалъ, какъ гимназистъ.
Тамъ былъ еще федералистъ,
Посланникъ Грей изъ Нью-Іорка.
За ужиномъ сѣлъ рядомъ съ К.,
Она, пока вокругъ шумѣли:
— Вы будете въ Вильгельмѣ-Теллѣ?
Спросила, вспыхнувши слегка.
— А вы? — «Мы будемъ» — Буду тоже!
Она же (право не глупа):
— «Зайдите къ намъ — и вамъ *papa*
Предложитъ вѣрно мѣсто въ ложѣ.

---

## III.

Признаться, наши демократы
Меня бросаютъ въ жаръ и потъ:
Не бриты, грязны, бородаты,
Не слушая законовъ модъ,
Они, — имъ только бы смѣяться, —
Все отрицаютъ свысока,
И грубость наглая сорваться
Всегда готова съ языка.
Въ костюмѣ ихъ, въ глазахъ, въ лицѣ я
Читалъ одно лишь: мужики!...
И тотъ, кто вышелъ изъ Лицея,
Ужь вѣрно имъ не дастъ руки.

---

## IV.

Изъ «Взбаламученнаго моря»
Узналъ я новый типъ одинъ,
И соглашусь теперь, не споря,
Что списанъ вѣрно Басардинъ.

Всѣ наши «новые» мальчишки
Однимъ лишь только высоки,
Что, начитавшись модной книжки,
Крадутъ карманныя мыслишки,
Крадутъ карманные платки.

---

V.

Шестаго. Былъ въ салонѣ О—вой.
Мужъ какъ ни хмурься, ни юли,
Но рожки будутъ: той обновой
Мы наградимъ его съ Жюли.
Такихъ плечей, такого бюста,
Какъ у Жюли, я не встрѣчалъ...
На тройкѣ нынче до Огюста
Я съ ней катался и болталъ.

---

VI.

Смотрѣлъ Островскаго... ту пьесу...
Забылъ названье. Такъ пошла!...
Не понимаю нашу прессу:
Что въ тѣхъ комедіяхъ нашла?
Иныхъ — такъ любо придавить ей,
Иныхъ же хвалитъ имъ въ замѣнъ...
Я жь нахожу, что даровитѣй
Островскихъ всѣхъ Потѣхинъ Н.

---

VII.

Кто мной любима захотѣла
Узнать вчера старуха Ш.

— «Любимы мной: Надины — тѣло
И Мери А-гиной — душа»...

---

## VIII.

Съ Мишелемъ былъ у фотографа,
Снимали вмѣстѣ свой портретъ.
Тамъ повстрѣчали фата-графа:
— Какъ старъ, а все-таки брюнетъ.
Онъ былъ блондиномъ прежде, это
На сѣдину смѣнилъ старикъ,
Потомъ, купивъ себѣ парикъ,
Преобразился вдругъ въ брюнета.

---

## IX.

Пѣвцы съ лирическимъ сумбуромъ
Ведутъ насъ часто къ скаламъ бурымъ
Съ луной и нимфой темныхъ водъ,
Но съ тонкой шуткой, съ каламбуромъ
Не появляются въ народъ.
Въ салонѣ избранной графини
Они, сгарая отъ стыда,
Всѣ сожалѣли бы тогда,
Что у графини той въ графинѣ
Стоитъ не водка, а вода.
Hélas!...

---

## X.

На балѣ Д. Надина О—ки,
Была мила. Что за уборъ!..

Она явилась въ новомъ *токѣ*
A la Lucie de Lammermoor.
Мы танцовали vis-a vis съ ней.
Съ ней рядомъ ставшій дипломатъ
Былъ всѣхъ людей мнѣ ненавистнѣй,
А онъ-то, онъ-то былъ какъ радъ!...

---

## Голосъ изъ захолустья.

*(Стихи, отданные городничему).*

---

1.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Прощалыгамъ однимъ, да ворамъ;
Что ни шагъ — то душа возмущается,
Какъ пойдешь по уѣзднымъ дворамъ.

2.

Залита грязью площадь базарная
И разбитый гніетъ тротуаръ;
Здѣсь не рѣдко команда пожарная
Прикатитъ безъ воды на пожаръ.

3.

Все начальство пропахло здѣсь взятками,
Всѣмъ берутъ — что кладутъ на вѣсы:

Ситцемъ, сахаромъ, часмъ, лошадками
И, пожалуй, кускомъ колбасы.

4.

Здѣсь обычай такой городничаго:
Если въ лавку поѣдетъ жена —
Говоритъ: «ты, смотри, не купи чего —
Лавка даромъ давать мнѣ должна».

5.

Нашъ исправникъ, стариннаго норова,
Пьетъ за двухъ онъ тринадцатый годъ,
А ужъ грабитъ — такъ грабитъ онъ здорово
Да и ухомъ себѣ не ведетъ.

6.

Не боясь обличенья столичнаго,
Лихоимствомъ живетъ нашъ судья;
По словамъ стихотворца отличнаго:
«При колодцѣ пустынь онъ бадья».

7.

Сплетни, карты, баталіи съ женами,
Вотъ и все, что встрѣчаешь у насъ;
Съ крючкотворами тѣми прожженными
Не зѣвай, попадешься какъ разъ.

8.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Прощалыгамъ однимъ, да ворамъ;
Что ни шагъ, то душа возмущается,
Какъ пойдешь по уѣзднымъ дворамъ.

## Мирный уголокъ.

1.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Всѣмъ, кто въ городѣ только живетъ;
И невольно слеза проливается,
Если спутишь ногой изъ воротъ.

2.

Мостовой крыта площадь базарная,
Тротуаръ, какъ картинка на видъ,
Аккуратна команда пожарная,
Въ фонаряхъ керасинъ здѣсь горитъ.

3.

Здѣсь начальство гнушается взятками,
И прывычки такія давно

Называетъ привычками гадкими:
«Брать-де стыдно теперь и грѣшно».

4.

Городничій у насъ... городничаго
Мы такого не сыщемъ нигдѣ
(Не всегда лишь умѣютъ постичь его),
Онъ любому поможетъ въ бѣдѣ.

5.

Нашъ исправникъ безъ всякаго норова,
Вѣдь хмѣльного и въ ротъ не беретъ,
А поймаетъ онъ вора котораго —
То его со слезами деретъ.

6.

Нашъ судья же не тронетъ и волоса,
Если видитъ, что правъ человѣкъ,
И въ статейкахъ изданія «*Голоса*»
Одобряетъ онъ нынѣшній вѣкъ.

7.

Сплетни, пьянство, съ семействомъ баталіи —
Ихъ не знаетъ у насъ гражданинъ;
Здѣсь у женщинъ высокія таліи,
И высокая честь у мужчинъ

8.

Въ нашемъ городѣ жизнь улыбается
Всѣмъ, кто въ городѣ только живетъ,
И невольно слеза проливается,
Если ступишь ногой изъ воротъ.

III.

# ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВАРЬЯЦІИ.

## Лирическія пѣсни съ гражданскимъ отливомъ.

*(Посвящ. А. Фету).*

---

I.

— Сядемъ здѣсь, подъ этимъ клёномъ!
Говоритъ моя подруга:
Посмотри: надъ небосклономъ
Брызжетъ свѣтомъ солнце юга...
Позабыть пора давно намъ,
Что груба теперь прислуга.

* *
*

Посмотри, какъ эта нива,
Точно море, колыхаетъ;
Какъ, къ рѣкѣ склонясь лѣниво,
Зеленѣющая ива
Въ струйкахъ вѣтви обмываетъ, —
И забудь, что такъ лѣниво
Дворня шапки намъ снимаетъ.

Посмотри, какъ вся поляна
Задымилася отъ жара,
А за лѣсомъ даль румяна,
Точно въ заревѣ пожара...
Такъ оставь бранить Ивана,
Что не чистилъ самовара.

* *
*

— Нѣтъ, ни волны аромата,
Ни сіяніе денницы,
Мной воспѣтыя когда-то,
Не разбудятъ струнъ цѣвницы,
Оттого, что гусенята
Съѣли пукъ моей пшеницы.

---

## II.

Когда наплывъ противныхъ мнѣ идей
Къ намъ ворвался, — смирить не въ силахъ стона,
Сталъ плакать я, какъ плакалъ Іудей,
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

* *
*

Когда меня журнальный асмодей
Преслѣдовалъ, какъ лирика салона,
Сталъ плакать я, какъ плакалъ Іудей,
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

* *
*

Когда табунъ сосѣднихъ лошадей
Топталъ мой хлѣбъ, — увидя то съ балкона,
Сталъ плакать я, какъ плакалъ Іудей
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

Когда одинъ изъ нынѣшнихъ судей
Оправдывалъ работника Семена, —
Сталъ плакать я, какъ плакалъ Іудей,
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

* *
*

Когда въ мой садъ явился гусь-злодѣй
Для похоти гусинаго мамона, —
Сталъ плакать я, какъ плакалъ Іудей,
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

* *
*

И вотъ теперь, бродя между людей,
Я не пою, какъ пѣлъ во время оно, —
Но плачу все, какъ плакалъ Іудей,
Лишенный стѣнъ родимаго Сіона.

---

## III.

Лежу я на скошенномъ сѣнѣ,
Надрѣзавъ два спѣлыхъ арбуза,
Лежу я — и въ сладостной лѣни
Зову тебя, вѣрная муза.

* *
*

Явись предо мной на полянѣ!
Мнѣ хочется пѣсенъ и ласки!
Такъ проситъ ребенокъ у няни
Любимой обѣщанной сказки.

* *
*

Я счастливъ, и пѣсня готова
Въ мелодію звуковъ сложиться;

Но дума мелькнула — и снова
Вопросъ въ головѣ шевелится.

***

Зачѣмъ это южные штаты
Торгуютъ рабами до-нынѣ?
О, гнусное рабство, когда ты
Угла не найдешь и въ пустынѣ?...

---

IV.

Холодъ, грязныя селенья,
Лужи и туманъ,
Крѣпостное разрушенье,
Говоръ поселянъ.
Отъ дворовыхъ нѣтъ поклона,
Шапки на-бекрень,
И работника Семена
Плутовство и лѣнь.
На поляхъ—чужіе гуси,
Дерзость гусенятъ, —
Посрамленье, гибель Руси,
И развратъ, развратъ!...

---

V.

Солнце спряталось въ туманѣ.
Тамъ, въ тиши долинъ
Сладко спятъ мои крестьяне —
Я не сплю одинъ.
Лѣтній вечеръ догораетъ,
Въ избахъ огоньки,
Майскій воздухъ холодаетъ —
Спите! мужички,

Этой ночью благовонной,
Не смыкая глазъ,
Я придумалъ штрафъ законный
Наложить на васъ.
Если вдругъ чужое стадо
Забредетъ ко мнѣ, —
Штрафъ платить вамъ будетъ надо...
Спите въ тишинѣ!

***

Если въ полѣ встрѣчу гуся,
То (и буду правъ)
Я къ закону обращуся
И возьму съ васъ штрафъ;
Буду съ каждой я коровы
Брать четвертаки,
Чтобъ стеречь свое добро̀ вы
Стали, мужички...

---

## VI.

### НА НИВѢ.

Тучной нивой иду; колосистая рожь,
Словно волны, кругомъ колыхается;
Въ каждомъ колосѣ ржи мой хозяйственный грошъ,
Точно въ банкѣ — въ рубли обращается.
На зеленой травѣ засверкала роса,
Вспыхнулъ пурпуромъ западъ пылающій,
Мглистой дымкой одѣлись кругомъ небеса...
Вдругъ ко мнѣ прибѣжалъ управляющій.
Обтирая свой потъ, показалъ мнѣ Ѳаддей,
Какъ роскошною нашею нивою
Изъ сосѣдней деревни табунъ лошадей
Мчался быстро, взмахнувъ своею гривою.

— Изловить весь табунъ! я въ волненьѣ кричалъ:
И держать его впредь до взысканія!...
Мой болѣзненный слухъ не шутя возмущалъ
Конскій топотъ и конское ржаніе.

## Лирическія пѣсни безъ гражданскаго отлива.

VII.

На дворѣ мычитъ корова,
Ждетъ на крышѣ кошку котъ,
Небо темно и сурово,
Буря плачетъ и реветъ.
— «Что валяешься въ прихожей!
Самоваръ нести пора...
Наказанье съ этой рожей:
Дрыхнетъ съ самаго утра».
Козачокъ вскочилъ. Сурово
Буря рвется въ ворота,
Но молчитъ въ хлѣвѣ корова,
И на крышѣ нѣтъ кота.

VIII.

Ты предо мною сидишь;
Весь я горю отъ любви:
Умъ я теряю всегда,
Если сидимъ vis-a-vis.

* *
*

Сядь же напротивъ меня,
Или къ себѣ подзови:
Будемъ мы молча сидѣть
Цѣлую ночь vis-a-vis.

---

IX.

Я — на диванѣ сидѣлъ,
Ты же — къ окну подошла;
Мѣсяцъ въ окошко глядѣлъ,
Полночь томила и жгла.
Вдругъ я съ дивана спрыгнулъ,
Ты — отошла отъ окна,
Я на луну заглянулъ —
Спряталась въ тучи луна.

---

X.

Что это: ночь или день?
Дай мнѣ, мой ангелъ, отвѣтъ!
Свѣтъ, прогоняющій тѣнь,
Тѣнь, застилавшая свѣтъ.

Тучки нигдѣ ни слѣда,
Ярко зардѣлся востокъ...
Шепчешь ты мнѣ — *середа*,
Я жь говорю — *четвертокъ*.

---

## XI.

Тихая звѣздная ночь.
Другъ мой, чего я хочу?
Сладки въ сметанѣ грибы
Въ тихую звѣздную ночь.

* *
*

Другъ мой, тебя я люблю,
Чѣмъ же мнѣ горю помочь?
Будемъ играть въ дура́чки
Въ тихую звѣздную ночь.

* *
*

Другъ мой! Уменъ я всегда,
Днемъ я — отъ смысла не прочь.
Лѣзетъ въ меня ерунда
Въ теплую звѣздную ночь.

---

## Дайте мнѣ женщину, женщину дикую!...

Въ бытность мою на Кавказѣ я на самомъ себѣ испыталъ страсть къ *полу-дикой женщинѣ*.

*Я. Полонскій.*

Сплю и не сплю я, а ночь ароматная
Въ звѣздной коронѣ всплыла;
Вспрыснута росами даль необъятная,
Съ свѣтомъ цѣлуется мгла...
Очи сковала дремота пріятная...
Сладкая греза, лишь сердцу понятная,
Цѣлую ночь на пролетъ
Тихо мнѣ пѣсню поетъ.

***

Странныя мысли... желанія странныя!...
Сталъ мнѣ противенъ весь свѣтъ,
Всѣхъ нигилистовъ ученья туманныя,
Цивилизаціи бредъ,

Новаго вѣка идеи гуманныя...
Только лобзанія благоуханныя,
Полныя страсти, огня,
Могутъ разсѣять меня.

* * *

Чѣмъ утолю свою жажду великую?
Рвется душа на просторъ...
Дайте мнѣ женщину, женщину дикую,
Дочь первобытную горъ,
Жарко я къ сердцу прижму смуглоликую,
И обовьюсь вкругъ нея павиликою...
Страстію дикой горя,
Самъ обращусь въ дикаря.

## Милая дѣвушка...

Милая дѣвушка! все въ тебѣ грація,
Каждый тобой поражается;
Все, чѣмъ сильна наша славная нація —
Все на тебѣ отражается.

**
*

Локоны вьются душистыми змѣями,
Зноенъ такъ взглядъ твой магическій,
Только сравню я съ однѣми камеями
Профиль твой строго-классическій.

**
*

Милая дѣвушка! знаешь ты Овэна,
Бюхнеромъ вся проникаешься,
Знаешь на память сонаты Бетховена,
Съ буквою *ѣ* ты справляешься;

Но не съ тобой свое горе размыкаю.
Всѣхъ ты плѣнишь, — тѣмъ не менѣе
Только подъ саклей, съ черкешенкой дикою
Чувствую я вдохновеніе.

---

*  *  *

*(Подражаніе Кн. Вяземскому).*

При васъ и Скутари, и Пера,
И поэтическій Стамбулъ,
Вамъ дѣлали, княгиня Вѣра,
На караулъ.
*Кн. Вяземскій.*

Когда въ любви однажды Полька
Клялася мнѣ,
Я эту ночь лишь вспомню только —
Вся кровь въ огнѣ.
Команды нѣжной чую звуки...
Глаза горятъ...
Мои опущенныя руки
По швамъ лежатъ.

Я помню садъ и вечеръ лѣта
Далекихъ мѣстъ,

Гдѣ посадила сердце это
Ты подъ арестъ.
— «О, я любви твоей достоинъ»,
Я дѣвѣ рёкъ,
И сдѣлалъ ей, какъ честный воинъ,
Подъ козырекъ.

Когда жь коснулся къ губкамъ алымъ, —
Какой афронтъ! —
Какъ предъ бригаднымъ генераломъ,
Я. сталъ во фронтъ.
— «Я хороша?» ты мнѣ шептала:
«Я не стара»,
И небо самое кричало
Тебѣ: ура!

---

## Надъ трупомъ.

> Вдругъ выноситъ на берегъ волна
> Бѣлоснѣжный красавицы трупъ
> И дышалъ въ ней улыбкою сна,
> Тонкій очеркъ несомкнутыхъ губъ...
>
> И приникъ я къ усопшей на грудь,
> И лобзалъ я ее, и сжималъ,
> И хотѣлъ въ нее душу вдохнуть,
> И дыханьемъ уста согрѣвалъ.
>
> *Вс. Крестовскій.*

Я лежалъ въ камышахъ на спинѣ,
Надъ рѣкою туманъ выплывалъ,
Сладострастныя пѣсни лунѣ
Гдѣ-то тамъ соловей распѣвалъ.

Этой пѣсни томительный звукъ
Жегъ и нѣжилъ, какъ женскій привѣтъ,
То Крестовскій въ немъ слышался вдругъ,
То съ мотивами вешними Фетъ.

Вдругъ я вижу—по зеркалу водъ,
Гдѣ хрустальная таетъ волна,
Трупъ красавицы мертвой плыветъ,
И его озаряетъ луна.

Разступается въ брызгахъ струя
И круги по рѣкѣ понеслись;
Сзади вьется коса, какъ змѣя,
Вь груди — черные раки впились.

Разодвинувъ рукой камыши
Въ непонятной, безмолвной тоскѣ,
Я слѣдилъ, какъ въ полночной тиши
Трупъ скользилъ и дрожалъ на рѣкѣ.

Но холоднаго трупа не смѣлъ,
Какъ Крестовскій, я жадно обнять,
Каюсь: плавать притомъ не умѣлъ,
А пошелъ мужиковъ я искать.

И, созвавъ понятыхъ на совѣтъ,
Я привелъ становаго съ собой:
Гдѣ есть трупъ — тутъ не нуженъ поэтъ,
Нуженъ тутъ лишь одинъ становой.

## Еврейская мелодія.

Я приду къ тебѣ съ цѣвницею
Въ твой далекій вертоградъ,
Лишь за тающей денницею,
Вмѣстѣ съ трепетною зарницею,
Тѣни ночи низлетятъ.

Въ пору темную, туманную
Не узнаютъ Ноя дочь.
Я походкой неустанною
Подъ одеждой легкотканною
Проберусь къ тебѣ въ полночь;

Я приникну голубицею
Ко щекѣ твоей лицомъ,
И подъ темною ложницею
Буду жечь тебя сторицею
Поцѣлуемъ, какъ огнемъ.

## Весенняя пѣсня.

Забывались мы съ нею вдвоемъ
Надъ весенней страницею Фета.
*В. Крестовскій.*

Часто ночью, весной, когда Муза молчитъ
И перо я грызу до разсвѣта,
Вдохновеніе вновь у меня закипитъ
Надъ весенней страницею Фета.

И весеннія пѣсни растутъ и звенятъ
И щекочатъ подъ мышки поэта.
Вотъ за образомъ образовъ всталъ цѣлый рядъ
Надъ весенней страницею Фета.

И испанскій мотивъ, и еврейскій напѣвъ
Такъ и просятся въ формы куплета;
Я румянецъ у розъ похищаю для дѣвъ
Надъ весенней страницею Фета.

«Ты поэтъ! Ты поэтъ!» Мнѣ природа кричитъ,
И я слушаю съ трепетомъ это;
А въ груди сердце бьется и нойно стучитъ
Надъ весенней страницею Фета.

## Подбоченясь, ходитъ мѣсяцъ...

Ходитъ вѣтеръ избочась
Вдоль Невы широкой.
*К. Случевскій.*

Подбоченясь, ходитъ мѣсяцъ
Голубой, лазурной высью,
Отъ востока и на западъ
Пробѣгая плавной рысью.

И, прищуря томно глазки,
Со звѣздой звѣзда болтаетъ,
А Меркурію Венера
Подозрительно мигаетъ.

И надъ міромъ усыпленнымъ,
Гдѣ не спятъ жуки да блохи,
Рѣя плаваютъ въ туманѣ
Лишь одни людскіе вздохи.

## Ѣдемъ мы лѣсомъ...

Ѣдемъ мы лѣсомъ песками сыпучими:
Солнышка близокъ закатъ;
Сосны вокругъ насъ иглами колючими,
Какъ исполины грозятъ.

Тянетъ ямщикъ свою пѣсню унылую...
Камень, песокъ да сосна...
Такъ бы все плакалъ подъ пѣсню тоскливую.
Родиной вѣетъ она.

## Господа! Вы только Донъ-Кихоты.

Господа! Вы только Донъ-Кихоты,
Право!
Что мнѣ ваши толки, бой, заботы,
Слава?
Бьетесь вы всю жизнь за идеалы
Смѣло,
Только то, что скажутъ вамъ журналы —
Дѣло.
Если жь васъ, преслѣдуя дозоромъ,
Спросимъ:
Сколько дважды-два? Вы хоромъ—
«Восемь.»
Мнѣ давно наскучили всѣ споры
Эти,
Я пойду отъ васъ на лѣто въ горы,
Дѣти;

Тамъ, гдѣ въ яркихъ звукахъ моря льется
Грохотъ,
Съ плескомъ волнъ мой искренній сольется
Хохотъ;
Заболтавшись что есть только мочи
Съ эхомъ,
Заиграюсь съ нѣжной трелью ночи
Съ смѣхомъ,
И набравши ракушекъ большую
Груду,
Сыпать ихъ съ одной руки въ другую
Буду.
Что жъ мнѣ Донъ-Кихоты, ваша слава,
Сила!
Вѣрьте: быть поэтомъ очень, право,
Мило.

---

## Куку...

*(Посвя. «Куку», стихотворцу «Отечеств. записокъ»).*

---

Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ Куку!..

Въ лѣсу, подъ зеленымъ навѣсомъ,
Кукушка поетъ на суку;
Она недовольна прогрессомъ —
Куку!

Все плачетъ кукушка о мірѣ:
Пора, дескать, въ гробъ старику...
А кто-то ей вторитъ на лирѣ —
Куку!

Все вторитъ, что свѣтъ безотраденъ,
Безцвѣтенъ, какъ глыба песку,
Что много червей въ немъ и гадинъ —
Куку!

Надъ жизнію глухо хохочетъ,
    Вѣщуетъ всѣмъ смерть и тоску,
И въ тину запрятаться хочетъ —
        Куку!

Уйду — говоритъ! — о, народы,
    Отъ васъ я одинъ за рѣку
Сбирать насѣкомыхъ породы —
        Куку!

Такъ долго рыдала о мірѣ
    Кукушка въ лѣсу, на суку,
А кто-то ей вторилъ на лирѣ —
        Куку!

Поэты! забудьте жь кручину
    И бреннаго міра тоску,
Но пойте, зарывшися въ тину —
        Куку!

---

## Весною.

Въ палисадникѣ тѣнистомъ,
То съ раскатомъ серебристымъ,
То смирая тонкимъ свистомъ,
Таетъ въ звукахъ соловей;
Тлѣютъ звѣзды въ небѣ мглистомъ
Переливами лучей,
И за хересомъ душистымъ,
Мягкимъ, бархатнымъ и чистымъ,
Я не смѣю атеистомъ
Слушать музыку ночей.

## Въ альбомъ русской барынѣ.

---

Я люблю тебя во всемъ:
.................................
Въ бальномъ, газовомъ нарядѣ,
Въ морѣ кружевъ, блондъ и розъ,
Въ дымной кухнѣ, на эстрадѣ,
Въ циркѣ шумномъ, въ маскарадѣ,
Въ зной, и холодъ и морозъ.
За клавишами рояля,
За тарелкой жирныхъ щей,
За романами Феваля,
Дома, въ людяхъ, межъ гостей.
Въ каждомъ звукѣ, въ каждомъ взорѣ,
Въ яркой розсыпи рѣчей,
Въ спорѣ важномъ, миломъ вздорѣ
О погодѣ, объ узорѣ,
Объ игрѣ безъ козырей.

Въ преферансѣ, танцѣ, пляскѣ,
Въ дракѣ съ дѣвкой крѣпостной,
Въ морѣ слезъ, въ потокахъ ласки,
Въ сарафанѣ и повязкѣ,
Ты всесильна надо мной.

## Я подъ тѣнью склонился березы.

---

Я подъ тѣнью склонился березы,
А вокругъ меня степи родныя;
И приснились мнѣ странныя грёзы,
И приснились мнѣ сны золотые.

Вотъ. какъ, будто-бы, небо иное
Просвѣтленные встрѣтили взоры;
У меня на груди Автоноя
Отдыхаетъ въ тѣни сикоморы.

Все полно и любви и отрады;
Ночь спускается южная, млѣя,
Надъ садами роскошной Эллады,
И колышется море Эгея.

Вижу блескъ въ небесахъ Оріона,
Вижу искры волосъ Вереники,
А вблизи, межъ колоннъ Парѳенона
Разростается бить павилики.

И трепещатъ листы сикоморы,
И полна сладострастья и зноя,
Меня манитъ въ цвѣтущія горы,
Меня кличетъ съ собой Автоноя.

Но изчезли волшебныя грёзы,
Сна распались мгновенныя цѣпи, —
И опять я лежу у березы
А вокругъ меня русскія степи.

---

*  *  *

Кто сія? Она склонилась
На подушкахъ ста вѣковъ;
Вмѣсто мантіи покрылась
Сѣрой ризой облаковъ.
Кто сія? Почила сладко,
Скрытъ огонь палящихъ глазъ:
Подъ челомъ ея — Камчатка,
Подъ пятой ея — Кавказъ.
Вмѣсто косъ, спадавшихъ въ ноги,
Темнымъ лѣсомъ обвита,
Вмѣсто пояса на тогѣ —
Вѣтвь уральскаго хребта;
Вмѣсто ленты — Волга вьется,
Въ діадемѣ — голова,
И въ груди не сердце бьется —
Бьется матушка Москва.
Молвитъ — двинутся громады,

Встанетъ — ростъ до облаковъ,
Мощной власти — нѣтъ преграды
И пронизываютъ взгляды
Милліонами штыковъ.
. . . . . . . .

---

## Опыты

### переводовъ Гейне на русскій языкъ.

*(Подражаніе русскимъ переводчикамъ нѣмецкаго поэта).*

*(Посвящ. М. Бурбонову).*

---

### I.

### Въ могилѣ.

Ночь надъ мертвымъ тяготѣла,
Вкругъ могилы тишина,
Мозгъ застылъ, замерзло тѣло...
Я лежалъ въ оковахъ сна.

Я лежалъ въ сырой могилѣ
И проснулся: слушу — стукъ,
Голоса-ли тамъ, шаги-ли —
Я не понялъ странный звукъ.

— «Гейне, Гейне! Гдѣ ты, гдѣ ты?»
Слышу голосъ въ высотѣ:

«То россійскіе поэты
Подошли къ моей плитѣ!»

— «Гейне, встань! Твои мотивы
Перевелъ я, — сбрось свой сонъ!
Пѣсни Гейне будутъ живы!» —
Шепчетъ Майковъ Аполлонъ.

— Не могу изъ темныхъ сводовъ
Я подняться, Майковъ, вновь:
Отъ твоихъ вѣдь переводовъ
Въ жилахъ снова мерзнетъ кровь.

— «Гейне, встань! Мы для примѣра,
Познакомимъ русскій свѣтъ
Съ «Intermezzo», съ «Romanzero!...» —
Шепчутъ Миллеръ, Бергъ и Фетъ.

— Не тревожьте, Гейне кости.
Если кончится вашъ трудъ,
Я умру тогда — отъ злости,
Люди — со смѣху умрутъ.

— «Гейне! Прачекъ, водовозовъ
Познакомлю я съ тобой,
Только встань!..» И Водовозовъ
На могилу палъ съ мольбой.

И, склонившись у гробницы,
Вынувъ толстую тетрадь,
Изъ «Германіи» страницы
Въ переводѣ сталъ читать.

Этой рубленною прозой
Я былъ такъ въ гробу смущенъ,

Что, подъ новой тяжкой грёзой,
Снова впалъ въ могильный сонъ.

---

II.

**ДѢВИЦѢ ПОЛѢ.**

Изъ слезъ моихъ взойдутъ средь поля,
Все ели, ели,
Сквозь этотъ лѣсь пройдешь ты, Поля
Лишь еле-еле.
Хотя бы грудь мою страданья
Все ѣли, ѣли
Я утоплю воспоминанье
Лишь въ элѣ, въ элѣ.

---

III.

— Тебя люблю! — «Люблю сама я!»
Ты мнѣ шептала, вся горя.
Любили мы съ начала мая
До сентября.

Но въ сентябрѣ ушла къ нему ты,
Ушла со всѣмъ своимъ добромъ,
И сталъ смотрѣть отъ той минуты
Я сентябремъ.

---

IV.

Неподвижно тамъ, въ эфирѣ
Звѣзды полночи горятъ,

Въ золотомъ своемъ мундирѣ
Словно вышли на парадъ.

Смыслъ рѣчей ихъ съ темнымъ слогомъ,
Съ незапамятныхъ временъ,
Ни единымъ филологомъ
Не былъ въ мірѣ разрѣшенъ.

Мы всегда противорѣчимъ,
Разбирая ихъ языкъ,
Лишь одинъ Бассистовъ съ Гречемъ
Къ ихъ грамматикѣ привыкъ.

---

V.

Благоуханнаго лобзанья
У рока долго я молилъ
И, наконецъ, изъ состраданья
Его въ награду получилъ.

Турчанка-ль ты? Кто это знаетъ?
Но понялъ я, къ тебѣ влекомъ:
Твой поцѣлуй благоухаетъ
Всегда турецкимъ табакомъ.

---

VI.

Была весна. Изъ сада несся гулъ,
Пѣлъ соловей, пѣлъ сладострастно такъ...
Прошли мы весь любовный артикулъ,
Ты обняла, а я свѣчу задулъ
И... мракъ.

Осеннiй день и вѣтра рѣзкiй звукъ,
Съ деревьевъ листья падаютъ кругомъ...
Ты — реверансъ мнѣ сдѣлала, мой другъ,
Я-жъ повернулъ на лѣво-кругъ —
Гомъ.

## VII.

Мнѣ попалась къ январѣ ты, —
Эта памятна зима: —
Ты взглянула изъ кареты
И — свела меня съ ума.

Что-жь! Едва бѣды не вышло!
Но тебя-ль винить я могъ,
Что твоей кареты дышло
Мнѣ заѣхало въ високъ?

Ясный взоръ твой — дышло то же;
Я сраженъ имъ на убой,
Такъ високъ ли мнѣ дороже
Сердца, взятаго тобой?

## VIII.

За картой раскрытой
Играю въ лото,
Но въ цифрахъ игры той
Читаю не то.

Мнѣ цифра любая
О милой поетъ,

И съ мокраго лба я
Стираю лишь потъ

— «Семнадцать!» Тотъ номеръ
Мнѣ очень знакомъ...
Нѣтъ! ей не дано мѣръ
Скрыть адресъ и домъ.

Вотъ голосъ: «четыре!»
Четвертый ужь годъ
Въ уютной квартирѣ
Закрылся мнѣ входъ.

«Одиннадцать!» Стало
Мнѣ скверно въ тотъ разъ:
Ты мнѣ измѣняла
Одиннадцать разъ.

Такъ въ клубѣ, не бритый
Игралъ я въ лото,
Но въ цифрахъ игры той
Читалъ я не то.

---

## IX.

Свѣтъ глупъ и слѣпъ, но ты, малютка,
Но ты, ей-Богу, не глупа,
Хоть не нашла въ тебѣ разсудка
Пустая сплетница-толпа.

Предъ красотой твоей склонялся
И цѣлый міръ и ты сама,
Я отъ нея вдругъ помѣшался,
Ты отъ нея — сошла съ ума.

## X.

На сѣверѣ дальнемъ, надъ снѣжною пашней
Стоитъ — но стоитъ не сосна,
Стоитъ тамъ редакторъ «Бесѣды Домашней»
Подъ чарами темнаго сна.
И снится ему берегъ дальняго юга
И южный какой-то журналъ,
И видитъ во снѣ — что Говорскаго друга
Онъ страстно къ груди прижималъ.

---

## XI.

Какъ много страстнаго огня
И клятвъ съ лобзаньями тутъ было,
И въ это время ты меня
На память больно укусила.
*(Гейне, переводъ Н. Грекова).*

Разлуки долгой наказанія
Намъ вновь не знать,
Едва пріѣхалъ изъ Казани я —
Ты здѣсь опять.
Ты такъ отлично обнимаешься,
Такъ горячо,
Но... ей!... зубами мнѣ впиваешься
Зачѣмъ въ плечо?....
Пусть ты жарка, какъ муза Грекова,
Какъ пылъ огня,
Но для чего, — дивить вѣдь не кого —
Кусать меня?

---

XII.

Любили мы. Намъ цѣлый міръ
Тогда въ иномъ казался свѣтѣ.
Я — былъ затянутъ въ свой мундиръ,
А ты — была въ корсетѣ.

Мы разлюбили. Души спятъ,
И прежней живости нѣтъ въ музѣ;
Я — нарядился въ свой халатъ,
А — ты привыкла въ блузѣ.

---

XIII.

Вѣтеръ сердито въ окошко врывается,
Ставень стучится о гвоздь...
Чѣмъ-то мой ангелъ теперь занимается?
«Сплетнями!» — шепчетъ мнѣ злость.
Чтожъ? этимъ всѣ мы теперь развлекаемся,
Ближнихъ коря и виня.
Милая! Сплетничай: вмѣстѣ покаемся,
Только люби ты меня.

---

XIV.

Звукъ музыки, блескъ и цвѣты...
Раскинулся пологъ прозрачный,
И пьютъ за здоровье счастливой четы,
Счастливой четы новобрачной.
Звукъ музыки, блескъ и цвѣты...
Объятья и лепетъ коварный...
— О, ванька! вези жь меня ты —
Въ Фонарный, въ Фонарный, въ Фонарный!

---

## XV.

Любовь насъ скрѣпляла и долго и крѣпко, и прочно,
Пока я безумно влюбленъ былъ въ подругу... заочно.
На сѣверѣ, въ Лужскомъ уѣздѣ гостила подруга,
А я отправлялъ къ ней посланія жаркія съ юга.
Насъ часто обоихъ вопросы такіе томили:
Зачѣмъ между нами лежатъ эти скучныя мили?
Но вотъ наконецъ-то сошлись мы съ подругой...и что же?
Жизнь наша пошла ужь совсѣмъ ни на что не похоже.
Явились и ссоры и ревности женской причуды;
А ссоры кончались осколками битой посуды.
И сталъ я подругу молить: отправляйся на югъ ты:
Тамъ солнце теплѣе, тамъ зрѣютъ пресладкіе фрукты.

---

## XVI.

Сонъ мой тотъ же. Въ немъ не то ли,
Что встрѣчалъ я на яву:
Тотъ же бюстъ Барклай-де-Толли,
Тѣ жь на невскомъ rendez-vous.
Тѣ же лавки, экипажи,
Даже вывѣски тотъ цвѣтъ,
Гдѣ читаемъ на пассажѣ:
«Семь бильярдовъ и буфетъ».
Та жь контора Базунова,
Тѣ жь эстампы на окнѣ...
Боже мой! Ничто не ново
На яву, какъ и во снѣ.

---

# СЦЕНЫ.

## Тише ѣдешь, дальше будешь.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ КОМЕДІЯ — ПОСЛОВИЦА ВЪ ТРЕХЪ СЦЕНАХЪ.

*(Посвящается членамъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ).*

---

### СЦЕНА I.

### ЛѢТОМЪ.

*(На дачѣ. Большой кабинетъ одного изъ членовъ комитета филантропическаго общества. Членъ комитета, въ шелковомъ халатѣ, съ мухоловкой, бѣгаетъ по кабинету и убиваетъ по стѣнамъ мухъ. Утро).*

**Членъ комитета.**

Проклятыя! Какъ вы ни ловки,
Какъ ни увертливы, — а вамъ
Не убѣжать отъ мухоловки...
Я вамъ задамъ! я вамъ задамъ!

(Обливаясь потомъ и задыхаясь, бѣгаетъ съ мухоловкой по комнатѣ).

Всѣхъ перебью... единымъ духомъ...
Какъ псы кусаетесь!... Ахъ, чтобъ
Васъ всѣхъ!... Пускай я филантропъ,
Но жалости не знаю къ мухамъ...

Всѣхъ истреблю... лишь дайте срокъ...
Вамъ мухоловка незнакома!...

(Въ прихожей раздается звонъ колокольчика).

Ахъ, батюшки! опять звонокъ!...
Заняться не дадутъ мнѣ дома!...

(Бросается къ столу и развертываетъ первую попавшуюся книгу).

**Литераторъ** (входитъ).

Я вамъ, какъ вижу, помѣшалъ.
Вы заняты, — прошу прощенья.

**Членъ комитета.**

Да, «Библіотеку для Чтенья»
Читалъ. Препустенькій журналъ!
На дачѣ сдѣлалъ я привычку
Читать журналы по утрамъ,
Но вамъ я радъ... угодно вамъ
Сигару, папиросу, спичку?
Садитесь на диванъ, сюда.

**Литераторъ.**

Я къ вамъ по дѣлу.

**Членъ комитета.**

Я всегда
Къ услугамъ вашимъ, господа.

**Литераторъ.**

Вотъ дѣло въ чемъ: одинъ писатель
Отправилъ просьбу въ Комитетъ
На этихъ дняхъ...

**Членъ комитета.**

Ахъ, мой Создатель!
Да Комитета лѣтомъ нѣтъ!...

изъ книгъ А. Б. Кокорева

**Литераторъ.**

Какъ такъ? занятья-же?...

**Членъ комитета.**

На это
Есть осень, зимній весь сезонъ,
Тогда мы ваши, а на лѣто
Изъ Петербурга всѣ мы вонъ.
Отъ просьбъ, отъ преній, споровъ, спичей
Намъ отдыхъ данъ до сентября.

**Литераторъ.**

Довольно страненъ вашъ обычай:
Зимою лишь благотворя,
Отъ дѣлъ вы бѣгаете лѣтомъ.
И посреди его забавъ
Филантропическій уставъ
Забытъ гуманнымъ комитетомъ.
По вашему, любой бѣднякъ
Зимой нуждаться только можетъ,
А лѣтомъ голодъ не тревожитъ
Его желудка?... Вѣрно такъ?
Вотъ, напримѣръ, хоть мой пріятель,
Какъ на̀ зло, лѣтомъ заболѣлъ.
Больной, безъ денегъ, и безъ дѣлъ
Онъ сильно бѣдствуетъ. Писатель
Онъ молодой еще — Петровъ.

**Членъ комитета.**

Гм! денегъ нѣтъ, и нездоровъ!...

Талантъ!... его мы отличали
Какъ даровитаго, всегда.

**Литераторъ.**

Петрова, значитъ, вы читали?

**Членъ комитета.**

Да, помню, видѣлъ, слышалъ... да!...
Его комедію играли
Еще на сценѣ... я бывалъ!...

**Литераторъ (смѣясь).**

Нѣтъ, онъ комедій не писалъ,
Но былъ работникомъ въ журналѣ.
Скажите жь мнѣ теперь, къ кому
Я долженъ съѣздить для совѣта,
Чтобъ деньги выдали ему
Изъ ссудной кассы комитета?

**Членъ комитета.**

Послушайте, я самъ не прочь
Похлопотать объ этомъ дѣлѣ.
Какъ членъ, я здѣсь могу помочь,
Но нужно двѣ иль три недѣли,
Иль мѣсяцъ даже потерпѣть.

**Литераторъ.**

Но гдѣ жь терпѣть, когда онъ боленъ,
Когда онъ можетъ умереть!

**Членъ комитета.**

Ну, въ смерти комитетъ не воленъ!...

**Литераторъ.**

Его здоровье порвалось...
Горячка... страшные припадки...

**Членъ комитета.**

«Полѣчатъ — вылѣчатъ авось!»
Но вѣдь у насъ свои порядки,
И свой уставъ: имъ, радъ-не радъ,
А подчиняйся безъ роптанья.
Сперва дождемся «засѣданья»,
Потомъ послѣдуетъ «докладъ».
Потомъ ужь, безъ горячки дѣтской, —
Таковъ порядокъ комитетскій, —
Гдѣ нужно «справки» наведутъ,
А тамъ пособіе дадутъ.

**Литераторъ** (прощаясь).

Вы правы; ждать больному надо;
Онъ вашихъ «справокъ» подождетъ
И ужь навѣрно не умретъ
До комитетскаго доклада.
Прощайте...

## СЦЕНА II.

### ОСЕНЬЮ.

*На Выборской сторонѣ, въ темной квартиркѣ Петрова. Въ дверь грязной прихожей входитъ секретарь филантропическаго комитета.*

**Секретарь** (оглядываясь).

Туда-ли я попалъ? Здѣсь чортъ сломаетъ ногу!
На лѣстницѣ темно; какъ цѣлъ еще мой лобъ!
Да, только истинный, присяжный филантропъ
Рѣшается бывать въ мѣстахъ такихъ, ей-Богу!...
Не разъ случалось мнѣ въ подобномъ уголкѣ
Искать писателей несчастныхъ... Sta, viator!
На этомъ темномъ чердакѣ
Вкушаетъ бытіе россійскій литераторъ!...

**Хозяйка** (выходитъ изъ-за перегородки).

Кого вамъ надобно?

**Секретарь.**

А здѣсь живетъ Петровъ?

**Хозяйка.**

Живетъ-то точно здѣсь, да только нездоровъ.
Давно въ постелю слегъ, все мечется отъ боли
И стонетъ, бѣдненькій!...

**Секретарь.**

А вы хозяйка, что-ли?

**Хозяйка** (недовѣрчиво).

Хозяйка. Вамъ зачѣмъ? Пожалуйте сюда,
Вѣдь не стоять же вамъ у притолки въ лакейской...
(въ сторону).
Ну, видно на жильца наѣхала бѣда:
По взгляду вижу — полицейскій.

**Секретарь.**

Любезная моя, послушайте: отъ васъ
Узнать хотѣлъ-бы я о вашемъ квартирантѣ:
Не водится-ль за нимъ какихъ нибудь проказъ?
Довольны-ли вы имъ?

**Хозяйка.**

Творецъ мой!... Перестаньте!
Больному до проказъ-ли тутъ,
Когда того гляди на Волково свезутъ.

**Секретарь.**

Нѣтъ... то есть... онъ теперь покоенъ, безъ сомнѣнья,
Ему не до того, чтобъ могъ онъ досаждать,
Но мнѣ хотѣлось бы, любезная, узнать,
Какого онъ былъ прежде поведенья?

**Хозяйка.**

Смиренъ, всегда смиренъ! хмѣльного въ ротъ не бралъ,
Бывало все сидѣлъ, — и день и ночь писалъ.

**Секретарь.**

Есть шуба у него?

**Хозяйка.**

Какое? есть пальтишко,
И то въ дырахъ... выходитъ, не тово,
Соблазну мало въ немъ...

**Секретарь.**

А платье каково?

**Хозяйка.**

И въ платьѣ не найдти особаго излишка:
Есть сюртучекъ, весь вытертый по швамъ
(Заплатки я сама вшивала къ рукавамъ),
Есть сапоги, жилетъ, двѣ лѣтнія фуражки,
Да три голландскія рубашки.

**Секретарь.**

Онѣ голландскія? я къ свѣдѣнью приму.

**Хозяйка.**

Да вамъ зачѣмъ же знать? Вы что́: родня ему?

**Секретарь.**

Нѣтъ... я по просьбѣ... такъ... прощайте...
(Сходя съ лѣстницы):
Просто пытка
Ходить по чердакамъ... Ужасное житье!
Но все-таки скажу — голландское бѣлье
Есть признакъ роскоши, довольства и избытка.

---

## СЦЕНА III.

### ЗИМОЙ.

*Тамъ же. Посреди комнаты стоитъ столъ, на столѣ гробъ съ тѣломъ умершаго Петрова. Нѣсколько пріятелей покойника стоятъ вокругъ гроба. Слышны шаги по лѣстницѣ. Входитъ курьеръ изъ филантропическаго общества).*

**Курьеръ.**

Г. Петрову изъ Комитета Общества приказано доставить пятьдесятъ рублей серебромъ пособія. Потрудитесь расписаться въ книгѣ.

(Всѣ стоятъ въ изумленіи).

**Одинъ изъ гостей.**

Чему-жь дивиться, господа!
У насъ писателей — повѣрьте —
Живыхъ не помнятъ никогда,
А вспомнятъ развѣ послѣ смерти.
Пріятель нашъ, запасы силъ,
Здоровье, жизнь свою ухлопавъ,
Отъ современныхъ филантроповъ
Въ гробу пособье получилъ.
Ну, что-жь! Спасибо, что годится
Хоть и на то нашъ филантропъ:
Помогъ за саванъ расплатиться,
За панихиду и за гробъ.

(Занавѣсъ падаетъ).

---

# Смерть Майкова *).

*(Посвящ. автору поэмы «Смерть Люція»).*

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

---

**А. Майковъ** — поэтъ прошлаго тысячелѣтія.
**А. Григорьевъ**, **Эдельсонъ** —, **П. Анненковъ** — — Эстетическіе критики.
**Никита Безрыловъ** — другъ и душеприказчикъ поэта.
**Первый циникъ.**
**Второй циникъ.**
**Полонскій**, **Фетъ** — — лирики.

---

*) Надѣемся, что читатели выраженіе «смерть Майкова» примутъ за одинъ только аллегорическій образъ, за поэтическую вольность, которой дозволяется иногда прибѣгать къ анахронизмамъ. Сколько намъ извѣстно, почтенный поэтъ нашъ А. Н. Майковъ находится въ добромъ здоровьѣ. Да продлитъ Аллахъ его жизнь на долгіе годы!...

*Примѣч. Автора.*

**Всеволодъ Клубничкинъ** — недоросль изъ дворянъ, пишущій эротическіе стишки. Отличается тупоуміемъ. Личность вымышленная, потому что въ природѣ подобные субъекты невозможны.

**А. А. Краевскій.**

**С. Громека.**

Поэты-лирики, невольники и разные посѣтители.

(Дѣйствіе происходитъ въ парголовскихъ пещерахъ).

---

## СЦЕНА I.

(У входа въ пещеру.)

*(Передъ пещерой сидятъ: Н. Безрыловъ* [*бросая камешки въ воду*] *и А. Григорьевъ и Эдельсонъ* [*въ задумчивости чертятъ палочкой по песку*]. *Входятъ: Краевскій и Громека).*

**Краевскій.**

Скажите, что случилось? Вѣсти
Теперь дошли и до меня;
И я сюда, съ Громекой вмѣстѣ,
Примчался, голову сломя,
Не прочитавши корректуры...

**Эдельсонъ** (мрачно).

Звѣзда родной литературы...
Пѣвецъ «Полей» и нашъ поэтъ
Покинуть долженъ этотъ свѣтъ!...

**А. Григорьевъ** (сь экстазомъ, ероша на головѣ волосы).

Подобной *кряжевой натуры*
На Геликонѣ русскомъ нѣтъ!...

**Краевскій** (растерявшись).

Я, право, нѣсколько сконфуженъ...
Онъ умеръ, что-ли, господа?

**Громека (быстро).**

Держу пари — что былъ контуженъ
Онъ *бомбой отрицанья!* Да?

**Н. Безрыловъ.**

Тебѣ тотчасъ поднять содомъ-бы,
Радъ пыль пускать изъ пустяковъ!...
Ты безъ своей проклятой бомбы
Сказать не можешь пары словъ.
А тутъ бѣды-то вовсе нѣту:
Ну, пѣлъ когда-то нашъ пѣвецъ,
Но исписался наконецъ,
И — провалиться долженъ въ Лету.
Вѣдь у людей чутьишко есть:
Чуть стихотворецъ захромаетъ,
Толпа тотчасъ и заявляетъ:
«Любезный! надо знать и честь!»...

**Краевскій.**

Жаль все-таки... Онъ пѣсенъ сорокъ
Въ моемъ журналѣ помѣстилъ,
Хоть былъ, признаться, очень дорогъ
И куши страшные ломилъ.
Но все-жь талантъ... читалъ легко я
Его труды... цѣнилъ я ихъ.
Да, бойкій, лермонтовскій стихъ...
Есть жаръ... и смыслъ... и все такое...

**Громека.**

Онъ былъ — припомнить васъ прошу —
Гражданскимъ чувствомъ очень силенъ.

**Григорьевъ.**

Я буду филинъ, просто филинъ,
Когда о немъ не напишу
Такой статьи, чтобъ всѣ читали
И — ничего не понимали,
Чтобъ даже я, — какъ ни привыкъ, —
Самъ передъ нею сталъ въ тупикъ...
И тема есть: «Бояринъ Орша»
И... ну, хоть Майкова «Поля»...
Я ихъ сравню...

**П. Анненковъ.**

Въ газетѣ Корша
Я самъ, талантъ его хваля,
Сравню его, для развлеченья,
Или съ Гюго, или съ Мюссе.

**Эдельсонъ** (съ жаромъ).

Я-жь въ «Библіотекѣ для Чтенья»,
Гдѣ всѣ статьи, разборы всѣ...

**Н. Безрыловъ** (прерывая его).

Послушайте! вамъ отдыхъ нуженъ;
Притомъ же, бѣдный нашъ поэтъ
Васъ на послѣдній проситъ ужинъ,
Припомнить счастье прежнихъ лѣтъ,
Чтобъ хоть на часъ, по крайней мѣрѣ,
Забыть о царствѣ вѣчной мглы...
Идемъ направо: въ той пещерѣ

Накрыты пиршества столы.

(А. Григорьеву).

Ну, что-жь? по чашамъ не пройтись-ли,
Какъ, помнишь, въ старые года?

**А. Григорьевъ.**

Согласенъ: *вѣянiе мысли*
Сильнѣй за ужиномъ всегда.

---

## СЦЕНА II.

*(Маленькая пещера; направо проломъ въ стѣнѣ съ видомъ на озеро и на парголовскiя окрестности. У пролома стоитъ А. Майковъ, сзади его Н. Безрыловъ).*

**Майковъ** (въ сильномъ волненiи).

Весеннiй блескъ, весеннiй вечеръ,
И лучезарный солнца глазъ...
Мои друзья — Безрыловъ, Кетчеръ,
Мнѣ не увидѣть больше васъ!..
Поэтъ, какъ камень, въ Лету канетъ,
Забытый всѣми въ краткiй срокъ,
Лишь съ злобнымъ хохотомъ помянетъ
Его — иль «Искра», иль «Свистокъ».
А вкругъ весна благоухаетъ...
Кругомъ знакомыя мѣста!...
Здѣсь о быломъ напоминаетъ
Мнѣ абрисъ каждаго куста:
Вонъ, вонъ знакомая ракита,
Вонъ позлащенный солнцемъ прудъ...

Ты помнишь-ли, — съ тобою тутъ
Мы рыбу удили, Никита!...
Вонъ тамъ, гдѣ ивы слезы льютъ,
Тамъ, на изгибѣ косогора,
Впервые въ голову пришла
Мнѣ мысль «Клермонтскаго собора»,
И пѣсня музыкой текла...
А что-жь теперь? Я нѣмъ для міра,
И къ пѣснямъ муза не зоветъ:
Моя расколотая лира
Ужь прежнихъ звуковъ не даетъ.

(задумывается).

**Н. Безрыловъ.**

Любезнѣйшій! ну, плюнь на это,
Напрасно время не губя.
Припомни только: въ часъ разсвѣта
Проголодавшаяся Лета
Проглотитъ съ жадностью тебя.
Смотри: друзья кругомъ толпятся,
Дымятся яства, столъ накрытъ,
И у меня давно, признаться,
Ужь разыгрался аппетитъ.

**Майковъ** (выходя изъ задумчивости, декламируетъ на распѣвъ).

Гдѣ же, гдѣ Эдельсонъ?
Гдѣ Григорьевъ? Клянусь:
Я одѣнусь въ виссонъ,
Я въ парчу облекусь!
Слезы скорби сотру,
Силясь страхъ превозмочь,
Межъ друзей, на пиру
Проведу эту ночь.

Жизнь мелькнула, какъ сонъ;
Больше жить не хочу...
Я одѣнусь въ виссонъ,
Облекусь я въ парчу...
(оба уходятъ).

---

## СЦЕНА III.

*(Большая парадная пещера. На огромномъ столѣ приготовленъ ужинъ. Гости ждутъ хозяина. Негры разносятъ блюда и вина: вдали пляшутъ вакханки).*

**Майковъ** (входитъ, одѣтый въ золотистую тогу: не то плащъ, не то саванъ).

Послѣдній пиръ! Пусть гости наши
Садятся вкругъ меня къ столу.
Рабы! вино разлейте въ чаши,
Зажгите амбру и смолу,
Вѣнки цвѣтовъ кругомъ развѣсьте...
Вакханокъ, пѣсенъ безъ конца...
Друзья! содвиньте кубки вмѣстѣ,
Въ честь отходящаго пѣвца...
(Всѣ садятся къ столу и берутъ кубки).

**Хоръ поэтовъ.**

Слава автору «коляски»!
Нашъ привѣтъ тебѣ и ласки!
Безъ боязни, безъ опаски,
Расточая свѣтъ и краски,
Воспѣвалъ ты дѣвы ласки
И блистательныя каски...

Слава автору «коляски»!
Смерть и гибель «свистопляскѣ»!...

(Циники входятъ).

**Первый Циникъ.**

Шумятъ, кричатъ, поютъ, толкуютъ!
Здѣсь разобрать нельзя никакъ:
Чтò, человѣка здѣсь — «бракуютъ»
Иль посвящаютъ только въ бракъ?

**Второй Циникъ.**

Пускай вѣнчаютъ иль хоронятъ,
Повѣрь, мой другъ, намъ все равно,
Лишь было-бъ старое вино:
Оно сильнѣе пѣсенъ тронетъ.

**Голосъ изъ толпы поэтовъ.**

Вотъ чудаки! Взгляни, взгляни:
На пиръ явилися безъ зову!

**Второй голосъ.**

Пусть уберутся по здорову...

**Третій голосъ.**

Какой цинизмъ! И кто они?

**Второй Циникъ.**

Пѣвцы, поющіе для клиникъ,
Для лазаретовъ и больницъ,

Межъ вами я, конечно, циникъ.
Я предъ луной не падалъ ницъ,
Разсудку здравому послушный,
Не нылъ предъ дѣвой золотушной,
И со слезой не воспѣвалъ
Красу невѣдомой Авроры,
И подъ навѣсомъ сикоморы
Больныхъ элегій не слагалъ...

**Первый Циникъ.**

Хотя незваннымъ гостемъ скверно
Придти на пиръ... но какъ же быть?
Я такъ рѣшилъ, что насъ, навѣрно,
Забыли только пригласить.

**Второй Циникъ.**

Притомъ же ужинъ смотритъ сочно,
И ѣсть хочу я, какъ нарочно...
(Майковъ приглашаетъ ихъ сѣсть, указывая на свободныя мѣста).

**Майковъ.**

Друзья мои! всему конецъ!
Ужь нѣтъ чувствительныхъ сердецъ,
И въ жизни нѣтъ намъ больше роли!...

**Второй Циникъ.**

Да, многу вздору напороли!
Самъ Николай Иванычъ Кроль
Давно презрѣлъ такую роль.

**Майковъ.**

Друзья! сегодня на разсвѣтѣ
Я кину васъ, — но чѣмъ же, чѣмъ
Займетесь *вы* на этомъ свѣтѣ,
Когда я даже буду нѣмъ?

Первый Циникъ.

Извѣстно чѣмъ: съ тепличной розой
Начнетъ бесѣдовать поэтъ.

Майковъ.

Пишите прозой, прозой, прозой!
Вотъ мой послѣдній вамъ совѣтъ.

Второй Циникъ.

Совѣтъ отличный. Эй, проворнѣй,
Вина сюда!... мой тостъ — безъ словъ! (*пьетъ.*)

Фетъ.

Я отрекаюсь отъ стиховъ
И заведу процессы съ дворней.

Вс. Клубничкинъ.

Забыть стихи я самъ готовъ.
Себя я вдругъ переиначилъ,
Всѣхъ паразитовъ изучилъ —
И въ «Иллюстраціи» ихъ началъ
Я обличать по мѣрѣ силъ.

Второй Циникъ.

Тебѣ извѣстны паразиты?
То никого не поразитъ.
Мой другъ, ты самъ, — сообрази ты, —
Есть несомнѣнный паразитъ.

**Первый Циникъ.**

А какъ же ты, Полонскій Яковъ?
Ужель все будешь одинаковъ?

**Полонскій** (поетъ).

«Тѣ дни, какъ я былъ соловьемъ,
Порхающимъ съ вѣтки на вѣтку,»
Прошли невозвратно... Вдвоемъ
Уйду я съ дикаркой въ бесѣдку.
Нести на себѣ въ тишинѣ
Не стану житейскаго груза...
О, люди! нужна мнѣ не муза,
Но дикая женщина мнѣ!...

**Первый Циникъ.**

Я такъ и зналъ, что въ этомъ родѣ
Отвѣтишь ты: все-жь есть прогрессъ,
Все-жь будешь ближе ты къ природѣ,
Когда уйдешь съ дикаркой въ лѣсъ,
Гдѣ не растутъ у насъ ліаны,
Гдѣ босоногія Діаны
Тебя не встрѣтятъ въ поздній часъ.

**Вс. Клубничкинъ** (неожиданно).

Я поступить хочу въ уланы!
Не поэтическій пегасъ —
Мнѣ нуженъ конь на этотъ разъ.

**Второй Циникъ.**

Мой другъ! въ твоемъ желаньѣ рьяномъ

Есть смыслъ глубокій; вѣрь мнѣ: — ты
Въ литературѣ былъ уланомъ
Первостатейной красоты.

**Первый Циникъ.**

Здѣсь поселился мрачный тонъ,
Что къ пиру вовсе не пристало…
Хоть ты-бъ про «святость идеала»
Запѣлъ, Григорьевъ Аполлонъ.
Стихійной критикой насъ сбрызни
И, въ эстетическомъ жару,
Начни *о прожиганьѣ жизни*
Спичъ вдохновенный на пиру.

**А. Григорьевъ** (въ приливѣ скорбнаго изліянія).

О, нѣтъ! Скрываться для чего же!…
Какъ мнѣ игру судьбы постичь!
Я каюсь вслухъ: о Боже, Боже!
Всю жизнь писалъ я только дичь! *)

**Первый Циникъ.**

Э, полно! униженье паче
Гордыни… нѣтъ, не клевещи:
Въ литературѣ нѣтъ удачи, —
Въ другомъ удачи поищи.

**Майковъ.**

Друзья! Лишусь я скоро чувства…
Мой срокъ пришелъ… я весь дрожу…
Послѣдній тостъ за честь искусства,
За всѣхъ пѣвцовъ я предложу!

---

*) Я бы не рѣшился отъ лица г-на Григорьева говорить такія вещи, если бы онъ самъ не сказалъ своей знаменитой фразы: «Господи! что я пишу, что я пишу такое!»

**Второй Циникъ.**

Я кончу тостъ... О, приходи ты,
Ты вѣка будущаго бардъ! —
Не славить персей Афродиты
Иль Антиноя бакенбардъ;
Но вторить въ ладъ житейскимъ нотамъ,
Не пѣть безсвязной чепухи
И въ слѣдъ парнасскимъ идіотамъ
Бросать желѣзные стихи.
Пусть нашъ Парнассъ не будетъ жалокъ,
Какъ для калѣкъ открытый домъ,
И пусть журнальныхъ приживалокъ
Не встрѣтимъ больше мы на немъ!

(Всѣ машутъ въ негодованіи руками. Является майковская муза, облеченная въ траурныя одежды).

**Первый Циникъ.**

Взгляните-ка на даму эту!
Она совсѣмъ не по банкету:
Одѣта въ трауръ и стара.

**Муза (Майкову).**

Вставай и отправляйся въ Лету!
Насъ ждутъ давно!... Пора, пора!...

**Второй Циникъ.**

А, муза!... милая, нельзя-ли
Пождать... До утра далеко,
Мы вотъ еще не начинали
Бутылки съ пѣнистымъ клико.

**Муза.**

Нѣтъ, ужь время! Озаряетъ
Лучъ денницы небосклонъ;
Ждутъ насъ тамъ, гдѣ почиваетъ
Весь россійскій геликонъ;
Тамъ, гдѣ съ яркимъ блескомъ луннымъ
Незнакомъ подземный свѣтъ,
Гдѣ съ чувствительнымъ Трилуннымъ
Спитъ и Красовъ и Бернетъ,
Гдѣ Жуковскій вѣчно бродитъ,
Гдѣ найдемъ Карамзина,
Гдѣ безъ пѣсенъ вѣкъ проводитъ
Госпожа Растопчина...
О прійди-жь въ мои объятья!
Мы умчимся въ тѣ мѣста,
Гдѣ молчанія заклятье
Намъ положатъ на уста.

(Поднимаетъ безчувственнаго пѣвца и уноситъ. Гости остаются неподвижны).

**Первый Циникъ.**

Все кончено!

**Второй Циникъ.**

Нѣтъ, здѣсь не нуженъ
Подобный кличъ! Въ немъ смысла нѣтъ.
Съ землей покончилъ счетъ поэтъ, —
За то у насъ не конченъ ужинъ.
Садись и, выпивъ свой моэтъ,
Почтимъ поэта рѣчью сладкой:

(поднимаетъ кубокъ).

Ты пѣлъ для чистыхъ лишь сердецъ,
Антологическій пѣвецъ
Съ патріотической подкладкой!...

(Занавѣсъ опускается.)

---

## На Кузнецкомъ мосту.

СЦЕНА ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ НРАВОВЪ.

---

Дѣйствующія лица. —»—»— **Одинъ изъ москвичей.**

**Павелъ Якушкинъ.**

Дѣйствіе происходитъ на улицѣ.

**Москвичъ** (сталкиваясь съ прохожимъ).

Якушкинъ! душенька! Да это полно ты ли?
Разстались невзначай — судьба опять свела...
Откуда-жь и куда? Проѣздомъ? изъ Орла?
Пойдемъ-ка въ Троицкій! бутылочку-бъ спросили!...

**Якушкинъ.**

Мнѣ некогда, спѣшу: я здѣсь лишь на два дня.

**Москвичъ.**

Послушай-ка, постой — взгляни-ка на меня!
Не обманулся-ль я? Да ты ль, Якушкинъ Павелъ?
Гдѣ жь нахватался ты какихъ-то новыхъ правилъ?
Спѣшить въ Москвѣ! да развѣ здѣсь спѣшатъ?
Здѣсь спѣшныхъ дѣлъ никто не вѣдалъ съ роду.
Мы, москвичи, живемъ, — таковъ московскій складъ, —
Всѣ, какъ опущенные въ воду.
Да ты куда жь, скажи?

**Якушкинъ.**

Къ Каткову я бѣжалъ.

**Москвичъ.**

Къ Каткову! какъ, къ нему! давно бы ты сказалъ.
Да онъ, ты слышалъ ли, — въ Москвѣ здѣсь каждый знаетъ, —
Всѣхъ постороннихъ лицъ къ себѣ не принимаетъ.
Тебя жь, держу пари, — смотри, какъ ты одѣтъ, —
Не пустятъ ни за что въ катковскій кабинетъ.

**Якушкинъ.**

Не пустятъ? почему?

**Москвичъ.**

Во первыхъ по наряду:
Рубашка красная... смазные сапоги...
Кафтанъ, не чищенный пять лѣтъ, пожалуй, сряду.
Къ нему попасть и думать не моги.

«Вѣкъ съ англичанами, все англійская складка»,
Какъ Репетиловъ говорилъ;
Милордъ Катковъ ужь многимъ заявилъ:
Въ одеждѣ и въ умахъ не терпитъ безпорядка.
Зато, какъ пишетъ онъ! оближешься всегда...
Пребойкое перо, всѣ признаки таланта,
Не ѣзди лишь къ нему, — напрасная ѣзда:
Надъ лѣстницей его ты встрѣтишь надпись Данта:
«Оставь надежду навсегда!»
Послушайся жь меня: дорогу эту ль, ту ли,
Не все-ль равно — какую изберемъ,
И знаешь ли, куда сейчасъ бы мы махнули
Съ тобой вдвоемъ?

**Якушкинъ.**

Куда же рано такъ? И двухъ часовъ не било.

**Москвичъ.**

Куда? меня спроси. Куда? вотъ въ томъ и сила:
Я мѣсто для тебя такое здѣсь найду,
Что стану звать назадъ — ты скажешь: не пойду.

**Якушкинъ.**

Какое-жь диво тутъ открылъ ты, другъ любезный?

**Москвичъ.**

Въ Москвѣ есть общество съ задачей преполезной;
И если общество продержится хоть годъ —
Хозяйство сельское въ Россіи процвѣтетъ.
Что за порядки тамъ, мой милый! Да нигдѣ намъ
Не отыскать — объѣзди хоть весь свѣтъ —

Такихъ *хозяйственныхъ бесѣдъ.*
Я числюсь въ обществѣ исправнымъ самымъ членомъ.
Ну, хочешь ли теперь, урочный благо часъ
(По вторникамъ всегда собранія у насъ),
Заѣхать въ общество, гдѣ началась бесѣда?
Такъ утро и убьешь до самаго обѣда.

**Якушкинъ.**

Да я усну у васъ тотчасъ же мертвымъ сномъ;
Хозяйство мнѣ и такъ въ деревнѣ надоѣло.

**Москвичъ.**

Ты все не то поешь! Пойми, мой другъ, въ чемъ дѣло:
Взгляни хоть на меня: какой я агрономъ!
Какой хозяинъ я! — Я нуль въ подобной сферѣ.
Но все-таки я членъ, и въ этомъ нѣтъ потери.

**Якушкинъ.**

Зачѣмъ же тамъ бывать?

**Москвичъ.**

Ба! въ этомъ-то и смакъ!
Чѣмъ заняты мы тамъ — не отгадать никакъ.
Не смѣйся, погоди, — не кстати здѣсь улыбка.
Представь: мы сходимся, разсѣлись по мѣстамъ...

**Якушкинъ.**

И начинается навѣрно шумъ и гамъ.

**Москвичъ.**

Вотъ тутъ-то у тебя и страшная ошибка.
Премолчаливѣйшій сбирается народъ!
Сидимъ и всѣ молчимъ: полетъ услышишь мухи;
Когда же членъ иной едва раскроетъ ротъ—
Нашъ президентъ, звонокъ хватая въ руки,
Вдругъ зазвонитъ —
И слышно вновь, какъ муха пролетитъ.
Что? каково? еще ли не похвально?
Съ «бесѣдой» нашею какую мы сравнимъ?
И, хоть ораторствомъ мы слуха не плѣнимъ,
Зато, зато, mon cher, молчимъ мы геніально.
Поѣдемъ же сейчасъ... куда же ты опять?

**Якушкинъ.**

Нѣтъ, лучше ты одинъ отправься на бесѣду:
Ты поѣзжай въ собранье *помолчать*,
А я — *поговорить* куда-нибудь поѣду.
Прощай же (*уходитъ*.)

**Москвичъ (одинъ)**

Убѣжалъ! Пріятель-то каковъ!
Вотъ этотъ, напримѣръ: одѣлся бы почище;
А то залѣзъ въ тулупъ, въ смазные сапожищи —
И хочетъ, чтобъ къ себѣ пустилъ его Катковъ?!.

**(махаетъ рукой и уходитъ)**

## Женщина передъ лицомъ русскаго прогресса.

ФАНТАЗІЯ, ВЗЯТАЯ ИЗЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

---

### ГЛАВА I.

**Прогрессъ**

*(протирая свои сонные глаза, выступаетъ лѣнивой походкой Ильи Обломова):*

Ухъ! я рѣшительно слабѣю:
Всхрапнуть нельзя пяти минутъ;
Едва глаза закрыть успѣю —
Толпа просителей ужь тутъ:
Кричатъ, бранятся, всѣхъ трактуютъ,
Бѣгутъ, какъ чумные, сюда,
Протесты пишутъ, протестуютъ

И осуждаютъ безъ суда.
О чемъ же просятъ всѣ тревожно?
Весь гамъ и шумъ изъ пустяковъ:
Какъ будто передѣлать можно
Всѣхъ подлецовъ и дураковъ.
Да и къ чему? Вѣдь самый разумъ
Безъ нихъ не ту бы честь имѣлъ,
Мы не признали бъ честность разомъ,
Не будь съ ней рядомъ темныхъ дѣлъ.
Къ тому жь условно все на свѣтѣ,
Вѣдь эта истина стара:
Чего теперь стыдятся дѣти,
То дѣды славили вчера.
Ахъ, если бъ могъ кто всѣмъ повѣсамъ
Растолковать хоть стороной,
Что вдвое хуже жить съ прогрессомъ,
Чѣмъ съ неподвижной стариной.

---

## ЯВЛЕНІЕ II.

**Гласность** (входитъ.)

**Прогрессъ.**

Ну что? опять толпа въ пріемной?
Кто тамъ явился? Говори.

**Гласность.**

Во первыхъ, ждетъ часа васъ три
Левъ Камбекъ съ книгою огромной,
Потомъ какой-то офицеръ,

Писецъ, мозольный операторъ,
Хористъ, кадетъ, акціонеръ
И неизвѣстный литераторъ;
Потомъ московскій откупщикъ,
Наставникъ съ сотней гимназистовъ,
Купецъ апраксинскій, деньщикъ,
Молочница и частный приставъ,
Потомъ два маклера, маіоръ,
Въ отставку вышедшій съ мундиромъ,
Потомъ Стелловскій съ «Русскимъ міромъ»,
Ветеринаръ и полотеръ,
Потомъ...

**Прогрессъ.**

Довольно! О, за что же
Терзаюсь такъ я день отъ дня?
Вѣдь каждый будочникъ, о Боже!
Живетъ покойнѣе меня!

(обращаясь къ Гласности).

Иди жь гостямъ, и на отрѣзъ
Имъ всѣмъ сейчасъ же объяви ты —
Что мы, прославленный прогрессъ,
Лежимъ въ постели и сердиты.

(Гласность хочетъ идти.)

Постой! Но если кто-нибудь
Изъ нихъ пришелъ ко мнѣ... *не даромъ*...
Ну, знаешь! — вѣжлива съ тѣмъ будь,
Что проситъ — обѣщай все съ жаромъ.

(Гласность уходитъ.)

---

## ЯВЛЕНІЕ III.

**Прогрессъ (одинъ).**

Я взятки съ дѣтства презиралъ
И ихъ достойными считалъ
Однихъ подъячихъ и кухарокъ.
Но *благодарность*, но подарокъ
Отъ всѣхъ и всюду принималъ.

---

## ЯВЛЕНІЕ IV.

*(Прогрессъ и Гласность входятъ).*

**Гласность.**

Всѣ разошлись, но въ вашей залѣ
Остались женщины однѣ;
Какъ ни просили ихъ, ни звали —
Не йдутъ, упорствуя, онѣ.
Не гнать же ихъ! Вѣдь полъ таковскій!...

**Прогрессъ.**

О, нѣтъ! Я къ дамамъ выйду самъ:
Я, какъ и Всеволодъ Крестовскій,
Всегда былъ другомъ русскихъ дамъ.
Пускай войдутъ сюда свободно.

---

## ЯВЛЕНІЕ V.

*(Тѣ же и множество дамъ всѣхъ возрастовъ и сословій).*

**Прогрессъ.**

Bonjours, mesdames. Что вамъ угодно?
Просите — и для васъ прогрессъ
Готовъ согнуться въ букву *есъ*.
Желанья дамъ — ему святыня.

**Первая группа дамъ.**

Мы жить хотимъ свободно нынѣ,
Безъ неотлучныхъ сторожей, —
Ревнивыхъ аргусовъ-мужей.

**Прогрессъ.**

Желанье ваше очень здраво:
Я вамъ дарю такое право.
По-моему — вамъ нѣтъ причинъ
Сносить семейный карантинъ.

**Первая группа дамъ.**

Merci, monsieur!

**Прогрессъ.**

Mesdames, за что же?
Свобода женщины всегда
Всего на свѣтѣ мнѣ дороже.

Вторая группа дамъ.

А мы пришли просить сюда,
Чтобъ Страусъ возвратился къ лѣту.

Прогрессъ.

Исполню я и просьбу эту.

Третья группа.

М-г Прогрессъ, мы просимъ васъ —
Позвольте ѣздить намъ въ танцклассъ.
Вѣдь намъ гражданство обѣщали,
Намъ посулили новый санъ,
Такъ почему же на шпицъ-балѣ,
И не дозволить намъ канканъ?

Прогрессъ.

Отлично сказано, отлично,
И главное — чего не ждалъ —
До чрезвычайности логично;
Извольте жь ѣздить на шпицъ-балъ:
Пора танцоркамъ сдѣлать смѣну.

Брюнетка.

Я поступить хочу на сцену!

Прогрессъ.

Извольте, я для русскихъ дамъ
Свободный пропускъ всюду дамъ:

Вступайте въ званіе артистки,
Въ среду камелій и ханжей,
Въ кухарки, въ прачки, въ нигилистки;
Бѣгите жены отъ мужей,
Дѣвицы замужъ всѣ бѣгите...
Все разрѣшу, все, что хотите.

**Голосъ изъ кружка новыхъ просительницъ.**

Въ своихъ желаньяхъ мы скромны,
Хотимъ немногаго добиться.
Мы — видите-ль — не учены,
А потому, хотимъ учиться.
Прогрессъ! мы падаемъ всѣ ницъ,
Къ тебѣ, съ мольбой поднявши руки:
Скажи — ужели храмъ науки
Отвергнетъ робкихъ ученицъ?

**Прогрессъ (съ ужасомъ).**

Какъ? что̀ я слышу? вы хотите
Исчерпать знанія родникъ?...
Скорѣй, скорѣе вонъ бѣгите,
Пока мой гнѣвъ не такъ великъ.
Учиться! какова затѣя?
За эту дерзость я готовъ
Предать васъ долѣ Прометея
Для назиданія вѣковъ.
Прочь съ глазъ моихъ (*просительницы убѣгаютъ*)!
Въ васъ вижу фатовъ,
Одѣтыхъ въ юбки!... О скандалъ!...
Да! правъ Скарятинъ и Юматовъ:
Ужасный вѣкъ теперь насталъ!
(Занавѣсъ опускается).

## Таинственное видѣніе А. А. Краевскаго.

Громека никогда не писалъ въ нашемъ журналѣ. *(Отечеств. Зап. 1863 г.)*

---

Въ тѣ дни, когда Краевскій «Голосъ»
Еще не думалъ издавать,
И съ нигилизмомъ не боролась
Журналовъ доблестная рать;
Когда въ прогрессъ въ россійскомъ свѣтѣ
Мы стали вѣрить наобумъ,
Когда романъ «Отцы и дѣти»
Не взбрелъ Тургеневу на умъ;
Когда журналы гибли въ спорѣ
Отъ полемическихъ враговъ,
И «Взбаламученное Море»
Не покидало береговъ, —
Въ тѣ дни, въ уныніи глубокомъ,

Шепталъ Краевскій: «я одинъ!»
И на челѣ его высокомъ
Явилось множество морщинъ.

Я все одинъ — ни въ комъ опоры!
Мой путь тяжелъ! онъ молвилъ вслухъ;
И вдругъ случайно поднялъ взоры:
Предъ нимъ стоялъ какой-то духъ.

**Краевскій.**

Зачѣмъ ты здѣсь? Я, видишь, занятъ!
Не спалъ три ночи и три дня.

**Духъ.**

Твой взоръ спокойный лишь обманетъ
Простыхъ людей, но не меня.

**Краевскій.**

Но кто ты?

**Духъ.**

Духъ!

**Краевскій.**

Чего ты хочешь?

**Духъ.**

Мнѣ жаль тебя: ты все хлопочешь,

И я-бъ хотѣлъ тебѣ помочь
Для облегченья старой груди.
Чего желаешь, старецъ?

**Краевскій.**

Прочь!
Ты только духъ — мнѣ нужны люди;
Мнѣ нуженъ новый публицистъ,
Но не журнальный нищій-парій,
Который, испуская свистъ,
Беретъ за это гонораріи
И продаетъ печатный листъ.
Сотрудникъ нуженъ мнѣ рѣчистый,
Трудолюбивый, безкорыстный,
Писать готовый хоть за двухъ.
Кто жь мнѣ поможетъ въ этомъ?

**Духъ.**

Духъ!

**Краевскій.**

Ты шутишь?

**Духъ.**

Слушай: въ годъ не болѣ
Я оживлю твой вялый хоръ,
Явившись въ новой, строгой ролѣ,
Какъ публицистъ и хроникеръ;
Я буду, вѣрь, разнообразенъ,
Неистощимъ, уменъ, игривъ,
Порой немножко безобразенъ,

Порой — совсѣмъ краснорѣчивъ.
Уйму журнальные содомы,
Надъ отрицаньемъ поглумлюсь
И, расточая всюду *громы*,
*Громекой* въ мірѣ назовусь.

**Краевскій.**

Я радъ... конечно... безъ сомнѣнья...
Но, порицая иль хваля,
Какія жь будутъ убѣжденья?...
Твои тенденціи?...

**Духъ.**

Hélas!
Повѣрь мнѣ: истый литераторъ
Есть тотъ, кто нынче — либералъ,
А завтра — ярый консерваторъ:
Таковъ мой строгій идеалъ.
Тотъ только мудрость постигаетъ,
Въ томъ только силы велики,
Кто убѣжденія мѣняетъ,
Какъ на ногахъ своихъ чулки.

***

И вотъ, въ журнальные абреки
Вступаетъ духъ, — и съ этихъ поръ
Подъ славнымъ именемъ Громеки
Писалъ воздушный хроникеръ,
А мы, презрѣнной персти дѣти,
Того не знали... Господа!
Узнайте всѣ — на этомъ свѣтѣ
Громека не жилъ никогда. —

---

# Москвичи

на

## ЛЕКЦІИ ФИЛОСОФІИ.

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОЙ СЦЕНѢ.

---

*Большая, освѣщенная зала; нѣсколько рядовъ стульевъ и креселъ. На возвышеніи стоитъ каѳедра. Въ залѣ сбирается публика.*

### ЯВЛЕНІЕ I.

Платонъ Михайловичъ и Наталья Дмитріевна Горичевы.

**Наталья Дмитріевна.**

Платоша, душечка! не будь такой тюфякъ,
Иди же поскорѣй: боюсь, что опоздали,
Дружечекъ, слышишь ли...

**Платонъ Михайловичъ.**

А что хотя бъ и такъ:
Ну опоздали бы — не много потеряли.

**Наталья Дмитріевна.**

Mon Dieu, mon Dieu! какъ ты во всемъ отсталъ!
За вѣкомъ не слѣдишь, журналовъ не бралъ въ руки,
И дѣла нѣтъ тебѣ до выводовъ науки.

**Платонъ Михайловичъ.**

Ахъ, матушка! Ей-Богу я усталъ
Съ тобой на лекціи таскаться, да на чтенья...
За пищей, видишь ты, для сердца и ума.
Да что таить! вѣдь къ лекціямъ сама
Большое ты питаешь отвращенье:
Сидишь, хоть слушаешь, а не поймешь двухъ словъ,
А ѣздишь... ну, затѣмъ, что нынче тонъ таковъ.

**Наталья Дмитріевна.**

Несносный! замолчи.. представь, услышатъ если...

**Платонъ Михайловичъ.**

Молчу, молчу, пойдемъ дремать на креслѣ.

---

## ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Загорѣцкій.

**Загорѣцкій.**

Наталья Дмитревна, Платонъ Михайлычъ, васъ
На этихъ лекціяхъ я вижу каждый разъ.

**Наталья Дмитріевна.**

Движеніемъ научныхъ всѣхъ вопросовъ
Интересуюсь я...

**Загорѣцкій.**

Вы женщина-философъ.
Я занятъ самъ теперь, тружусь, что просто страхъ:
Кантъ, Фихте, Молешотъ и Фейербахъ —
Всѣхъ изучилъ — и вижу — небылица;
Такъ все поверхностно, верхушекъ набрались
И, вѣрите-ль, изъ нихъ мнѣ по сердцу пришлись
Лишь Страховъ да Косица.

**Наталья Дмитріевна.**

А вы не знаете, о чемъ сегодня намъ
Читать профессоръ будетъ?

**Загорѣцкій.**

Дамъ
Натальѣ Дмитревнѣ отвѣтъ весьма подробный:
Предметъ для лекціи онъ выбралъ безподобный,
И постарается публично доказать,
Какъ дважды два — четыре, а не пять,
Что человѣкъ, въ которомъ мозгу нѣту
Быть можетъ мудрецомъ съ громаднѣйшимъ умомъ.
Представьте же: мысль ту же, мысль вотъ эту
Имѣлъ я самъ, — клянусь вамъ честью въ томъ.

**Платонъ Михайловичъ.**

И клятва не нужна. Ты служишь самъ примѣромъ:
Живешь весь вѣкъ безъ мозгу въ головѣ,
А умникомъ слывешь и «ловкимъ кавалеромъ»
Для всѣхъ старухъ на матушкѣ Москвѣ.

Загорѣцкій.

По прежнему чудакъ, а въ сердцѣ добрый малый.

---

## ЯВЛЕНІЕ III.

Старуха Хлестова.

Куда же тутъ идти? Шумъ, давка, толкотня....
Антонъ Антонычъ! а! ты человѣкъ бывалый;
Голубчикъ, хоть бы ты здѣсь проводилъ меня.
Мой нумерокъ, вотъ видишь, сорокъ пятый.
(отдаетъ ему билетъ).
Дай, на тебя немножко обопрусь;
Устала я, да ревматизмъ проклятый.

Загорѣцкій (беретъ Хлестову за руку).

Позвольте; усадить на мѣсто васъ берусь,
И проведу назадъ, какъ опытный вожатый.

Хлестова.

Ужь я раскаялась, что забралась сюда,
Народъ теперь сталъ дерзокъ и нахаленъ...
Нѣтъ, не поѣхала бъ, — да вотъ вчера Молчалинъ,
Привезъ билетикъ мнѣ, — услужливъ онъ всегда, —
Да разсказалъ, что здѣсь мудрецъ — ума палата,
Всей молодежи-то, ну, какъ ихъ тамъ зовутъ...
Ну, нигилистамъ-то задумалъ дать капутъ, —
Не выдержала я, и приплелась съ Арбата.
Ужь, думаю, пускай устану, расклеюсь,
Но ужь послушаю, какъ распекутъ мальчишекъ,

А послѣ вечеркомъ съ сосѣдомъ посмѣюсь;
Мнѣ Лонгиновъ сосѣдъ: охотникъ до картишекъ,
Заходитъ иногда сыграть со мной въ пикетъ.

**Загорѣцкій.**

Вотъ ваше кресло здѣсь...

**Хлестова.**

Благодарю, мой свѣтъ.
Теперь ступай, спасибо за услугу,
А вечеръ кончится, — опять меня сведи,
Да отыщи, родной, въ сѣняхъ мою прислугу.

(Загорѣцкій отходитъ).

---

## ЯВЛЕНІЕ IV.

Князь Тугоуховскій и княгиня съ 6-ю дочерями.

**Княгиня.**

Князь, князь, постой! сюда иди.

**Князь.**

Огмъ!...

**Княгиня.**

Охъ, этотъ князь, впалъ просто въ возрастъ дѣтскій.
Что бъ дома посидѣть! Нѣтъ, то же прискакалъ.

Загорѣцкій.

Княгиня и княжны! Сто лѣтъ васъ не видалъ.

Княжны хоромъ.

Антонъ Антонычъ Загорѣцкій!..

Первая княжна.

Антонъ Антонычъ, намъ должны вы разсказать
Что будетъ вечеромъ?

Вторая княжна.

Кто будетъ здѣсь читать?

Загорѣцкій.

Юркевичъ — педагогъ, философъ и писатель,
Извѣстный всѣмъ...

Четвертая княжна.

А вы знакомы съ нимъ?

Загорѣцкій.

Съ Юркевичемъ, mesdames? Онъ лучшій мой пріятель
И въ домѣ у меня считается своимъ.

Пятая княжна.

Скажите, онъ брюнетъ?

**Шестая княжна.**

Онъ холостъ?

**Вторая княжна.**

Онъ военный?

**Третья княжна.**

Хорошъ собой?

**Четвертая княжна.**

Богатъ?

**Первая княжна.**

Онъ молодъ или нѣтъ?

**Загорѣцкій.**

Я вамъ, mesdames, одно скажу въ отвѣтъ:
Онъ выше похвалы обыкновенной.
Однажды въ Кіевѣ, я помню, сорокъ дамъ,
Плѣнившись имъ, всѣ съ горя утопились.

---

## ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Фамусовъ.

**Фамусовъ.**

О чемъ онъ тутъ разсказываетъ вамъ?

**Загорѣцкій.**

О философіи мы толковать пустились.
Я нахожу, что Бюхнеръ...

**(Смотритъ въ потолокъ.)**

**Фамусовъ.**

Просто глупъ.
Отлично говоритъ полковникъ Скалозубъ,
Что всѣхъ философовъ, витiйствующихъ нынѣ,
Не худо бъ прiучить немножко къ дисциплинѣ.
А вотъ онъ самъ.

---

## ЯВЛЕНIЕ VI.

Тѣ же и Скалозубъ.

**Загорѣцкiй** (раскланиваясь).

Вы легки на поминѣ.

**Скалозубъ.**

Зато, вотъ на руку всегда я былъ тяжелъ.
Случилось мнѣ въ полку ударить вѣстового:
Онъ слегъ въ постель, тамъ въ госпиталь пошелъ
И навсегда оглохъ, вотъ честное вамъ слово.

Раздается звонокъ. Всѣ садятся по мѣстамъ. На каѳедрѣ появился профессоръ.

---

## ЯВЛЕНIЕ VII.

**Профессоръ** (сказавъ нѣсколько предварительныхъ словъ и прочтя передъ публикой анонимное письмо).

Мнѣ, господа, теперь осталось
Здѣсь повторить опять для васъ,
Все то, что мною развивалось
На лекцiи, въ послѣднiй разъ.
А вотъ съ письмомъ, гдѣ такъ грозится
Мой неизвѣстный анонимъ,

Защитникъ Бюхнера...

(съ улыбкой)

такъ съ нимъ

Я знаю, какъ распорядиться...

(Прячетъ письмо въ карманъ).

*(Единодушный хохотъ публики, апплодисменты).*

**Скалозубъ** (хлопая).

Браввиссимо! ура! ударилъ пулей въ лобъ!
Профессоръ — молодецъ, изъ храбраго десятка.

**Фамусовъ** (хлопая).

Я со смѣху умру... Ну, услужилъ по гробъ...
Я буду хохотать до нервнаго припадка.

(хохочетъ).

**Загорѣцкій.**

Преострый человѣкъ! я помню, въ школѣ насъ
Съ Аскоченскимъ вдвоемъ — прелюбопытно было —
Онъ со смѣху морилъ...

**Хлестова** (обращаясь къ сосѣду).

Спросить позвольте васъ,
О чемъ онъ толковалъ? Мнѣ уши заложило,
Вишь, публика-то какъ кругомъ заголосила.

**Редакторъ почтенной московской газеты**

(апплодируя).

Отщелкалъ свистуновъ.

**Хлестова.**

Ну, имъ и подѣломъ.
Есть внучекъ у меня, изъ новыхъ, изъ студентовъ,
Свистунъ отъявленный — Владиміръ Монументовъ;
Въ родню не вѣруетъ: на смѣхъ поднялъ мой домъ
Меня совсѣмъ не чтитъ и не подходитъ къ ручкѣ,
Да разные стихи читать приходитъ внучкѣ.
Нѣтъ, пусть онъ свистуновъ покрѣпче разбранитъ.
Прекрасный человѣкъ, дай Богъ ему здоровья,
Онъ сердце старое невольно молодитъ...
Ахъ, жаль, что не со мной теперь сестра Прасковья.

(Професоръ продолжаетъ читать лекцію. Первые ряды слушаютъ, въ остальныхъ идетъ тихій говоръ. Тамъ только иногда прислушиваются къ словамъ профессора).

*(Голосъ профессора).*

За тѣмъ, скажу я наконецъ,
Что этотъ Бюхнеръ пресловутый
Есть только дикій и надутый
Недоучившійся глупецъ.

(взрывъ рукоплесканій).

Лекція оканчивается. Стулья гремятъ, и въ залѣ начинается движеніе.

**Платонъ Михайловичъ.**

Наташа, матушка — теперь пора до дому.
Отъ этой чепухи, отъ этого содома
Весь вечеръ у меня трещала голова.

**Наталья Дмитріевна.**

Платоша, не кричи *(тихо)*. Вѣдь я сама едва
Не задремала здѣсь — хоть совѣстно признаться...

Платонъ Михайловичъ.

А кто неволитъ насъ по лекціямъ таскаться?
Поѣдемъ-ка скорѣй.

(Уходятъ).

Фамусовъ, Лонгиновъ и Скалозубъ.

Фамусовъ (Лонгинову).

Согласенъ съ вами я:
Ученье Бюхнера — одна галиматья.
Сергѣй Сергѣичъ вотъ такихъ же точно мнѣній.

Скалозубъ.

Не очень я люблю ученыхъ разсужденій.
Лишь ихъ послушаешь — и станешь нездоровъ;
Но вотъ чему дивлюсь: ученый есть Лавровъ,
Военный, говорятъ, — и какъ досель нѣтъ жалобъ:
Вѣдь философія къ мундиру не пристала бъ.

(Уходятъ).

Хлестова (опираясь на руку Загорѣцкаго).

Отецъ мой, ты сказалъ, что каждый нигилистъ...

Загорѣцкій.

Пьянчуга, мотъ, картежникъ, забулдыга
И на руку, случается, не чистъ;
О нихъ написана особенная книга,
Тургеневъ сочинилъ...

Хлестова.

Слыхала я, да, да, —
Вотъ нужно бы прочесть, принесъ бы ты когда.
Сыщи жь Петрушку мнѣ — я подожду покуда.
(Загорѣцкій уходитъ).

---

## ЯВЛЕНІЕ VIII.

Хлестова и Репетиловъ.

Хлестова.

Кого я вижу здѣсь? Ты? мой родной, откуда?
Зачѣмъ пожаловалъ къ разъѣзду въ поздній часъ?
Вѣдь не мѣшало бы отвыкнуть отъ проказъ.

Репетиловъ.

Анфиса Ниловна! голубушка! Сонъ въ руку!
Пускай я враль, пусть всѣ не вѣрятъ мнѣ,
Но нынче въ ночь я видѣлъ васъ во снѣ.
Въ томъ голову свою готовъ отдать въ поруку.

Хлестова.

Зачѣмъ же къ ночи-то сюда ты прикатилъ?

Репетиловъ.

Анфиса Ниловна, на фокусы спѣшилъ...

Хлестова.

Да ты въ своемъ умѣ находишься едва ли:
Вѣдь здѣсь не фокусы, здѣсь лекцію читали,
Гдѣ нигилисты всѣ глупцами назвались.
Прощай же, батюшка; пора: перебѣсись.

(Уходитъ).

Репетиловъ (одинъ).

Такъ стало быть я здѣсь не нуженъ.
Куда жь теперь на этотъ разъ?
Къ Каткову ѣхать мнѣ на ужинъ,
Иль ужь отправиться въ танцклассъ?

(Стоитъ въ раздумьѣ).

## Литературные ополченцы *).

*(Опытъ эпической поэмы).*

---

Дѣйствующія лица:

**А. Майковъ, Михаилъ Бурбоновъ, К. Вяземскій, М. Розенгеймъ. Расплюевъ** и поэты майковскаго періода, какъ-то: **Петръ Татариновъ, Ив. Семерехинъ, К. Козловъ, В. Пресновъ** и многіе другіе.

(Дѣйствіе въ 1854 г.)

*(Сцена изображаетъ дикій пустынный видъ Невы; вдали видно море. Весь берегъ покрытъ поэтами «майковскаго періода».)*

---

ЯВЛЕНІЕ I.

А. Майковъ (является и раздаетъ каждому поэту по лирѣ) и М. Бурбоновъ).

**М. Бурбоновъ.**

Друзья! васъ будетъ слушать міръ!

---

*) Въ этой пьесѣ одно только вводное лицо — Михаилъ Бурбоновъ; остальные всѣ — говорятъ своими собственными словами. Дѣло автора было только сопоставленіе всѣхъ поэтовъ «майковскаго періода».

Носите жь съ гордостью, центавры,
Изъ виршей склееный мундиръ.

А. Майковъ (пророческимъ голосомъ, ударяя по струнамъ).

Не полны воинскіе лавры
Безъ звона неподкупныхъ лиръ! (1)

М. Бурбоновъ.

Пусть вдохновитъ васъ, о, витіи,
Простая мысль... мысль та... мысль та...

А. Майковъ (перебивая его).

О христіанской Византіи
Великодушная мечта!..
Пора! завѣса разорвалась!
Въ насъ сердце русское сказалось!
Мы прозрѣваемъ наконецъ
Въ самосознаніи народномъ —
Намъ не въ Парижѣ сумасбродномъ,
Не въ дряхлой Вѣнѣ образецъ. (2)

Бурбоновъ.

Еще бы! что̀ намъ парижане!
Умнѣй ихъ жить теперь привыкъ
Любой татаринъ изъ Казани,
Иль изъ степей своихъ Калмыкъ.

Майковъ (продолжая свою мысль).

Въ Европѣ слишкомъ много кровью
Сама земля напоена;
Враждой упорной, не любовью
Взростила чадъ своихъ она;

---

(1) и (2) «1854 годъ». Стихотворенія А. Майкова.

Тамъ человѣка гордый геній
Зрѣлъ средь насильствъ и потрясеній.

**Бурбоновъ.**

Да и созрѣлъ ли, полно, онъ?
Что ихъ Мишле, что ихъ Прудонъ?
Мы лучше ихъ видали виды.

**Майковъ.**

Духъ партій злобу тамъ таитъ;
Всѣ живы старыя обиды;
Надъ каждымъ мрачной Немезиды
Тамъ мечъ кровавый тяготитъ (4).

**Петръ Татариновъ** (поетъ, играя на лирѣ).

Захотѣли англичане
Крымскихъ яблоковъ поѣсть,
Къ нимъ пристали французжане:
«Мы собьемъ-де съ русскихъ спѣсь.
Будетъ наше Черно море,
Севастополь, Крымъ въ рукахъ». (5)

---

## ЯВЛЕНІЕ II.

М. Розенгеймъ и Расплюевъ.

**Расплюевъ.**

Англичане! хе, хе, хе! Ненавижу я, сударь, эту націю.(6)

---

(3) и (4) «1854 годъ» Стихотворенія А. Н. Майкова.
(5) Крымъ и англичане. Современная пѣсня. П. Татаринова. Спб. 1854 г.
(6) «Сватьба Кречинскаго», (Современникъ 1856 г. стр. 14).

**М. Розенгеймъ.**

Все, чѣмъ живо государство, —
Вѣра, вѣрность, правота, —
Все подъѣло тамъ коварство,
Злоба, зависть, нищета. (7)

**Расплюевъ.**

Да! у нихъ вѣдь нѣтъ никакой нравственности: у нихъ, сударь, всякій человѣкъ обученъ боксу. Впрочемъ и извинить ихъ надо: вѣдь они потому такими и стали, что у нихъ тѣснота, духота, земли по аршину на брата не хватаетъ... (8)

**М. Розенгеймъ.**

Вотъ и лѣзутъ съ-дуру драться,
Вотъ и злобятся на насъ. (9)

**М. Бурбоновъ (Розенгейму).**

Хоть я далекъ отъ всякаго сближенья,
Но я поздравлю васъ на этотъ разъ:
Съ Mr. Расплюевымъ у васъ
Одна и та же точка зрѣнья.
Что жь? Вѣдь нескупъ на крайности нашъ вѣкъ,
Мы что ни шагъ — противорѣчья встрѣтимъ.
Притомъ же, наконецъ, замѣтимъ:
Расплюевъ плутъ, но умный человѣкъ.

---

(7) и (9) Стихотворенія М. Розенгейма, Спб. 1858 г.
(8) «Сватьба Кречинскаго.

**Кн. Вяземскій.**

Заспѣсивился Турченокъ,
Онъ зафыркалъ, поднялъ носъ;
И реветъ: я не ребенокъ,
Я и самъ теперь подросъ.
Выросъ ты — чрезчуръ не бреди!
А къ чему жь, скажи-ка намъ,
Взялъ къ себѣ ты въ няньки — леди,
Да французскую мадамъ?
Изъ-за нихъ на насъ ты лѣзешь,
Кажешь кукишъ въ горячахъ,
И побѣды съ-дуру грезишь,
На поляхъ и на моряхъ. ([10])

**М. Бурбоновъ (Кн. Вяземскому).**

Князь, васъ-ли вижу я въ такой суровой ризѣ?
Вы ль, плакавшіе такъ въ Москвѣ о «БѣднойЛизѣ»,
О неисправности проселочныхъ дорогъ,
Вы ль это, князь? О, кто бъ узнать васъ могъ!
Нѐ старѣясь отъ лѣтъ, но только хорошѣя,
Чтò шлете съ музою въ станъ вашего врага?

**Кн. Вяземскій.**

Что не отвыкли мы турить Пашей по шеѣ,
Что не отвыкъ орелъ лунѣ сшибать рога. ([11])

**М. Бурбоновъ.**

Ну-ка, други, пріударьте
Пѣсни майковскихъ временъ.

---

([10]) и ([11]) «Къ ружью!» Стих. кн. Вяземскаго. 1854.

**Неизвѣстный.**

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ,
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ...

**М. Розенгеймъ.**

Что ни-будь: а супостаты,
Русскихъ вамъ не проглотить:
Нѣтъ подавитесь, ребята!
Но горбамъ придется бить.
Тутъ вѣдь салили ужь губы
Не такіе ѣдоки,
Да сломили на вѣкъ зубы:
Мы вѣдь жестки, русаки! ([12])

**Князь Вяземскій.**

И за то — помилуй Богъ! —
Какъ мы ихъ перевернули,
Какъ отъ маковки до ногъ
Шкуры вѣниками вздули! ([13])

**М. Бурбоновъ.**

Право, нашей грозной оды
Пуще ядеръ и ножей
Испугаются народы...

**М. Розенгеймъ** (съ зубнымъ скрежетомъ).

Фабриканты мятежей!...
Провозвѣстники свободы! ([14])

---

([12]) и ([14]) Стихотворенія М. Розенгейма.
([13]) Стих. Кн. Вяземскаго.

**М. Майковъ.**

Пускай Европа негодуетъ,
Пускай коварствуетъ и лжетъ:
Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья,
Враговъ безсильное шипѣнье
Народный духъ въ немъ не убьетъ. (15)

**М. Бурбоновъ** (бросаясь къ нему на шею).

Литературный нашъ атлетъ!
Меня привелъ ты въ восхищенье.

**А. Майковъ.**

О, Русь! Ихъ купно поражай!
Однихъ мечемъ, другихъ сатирой,
И бранный мечъ съ правдивой лирой
Единымъ лавромъ обвивай?
(Въ сильной восторженности сбрасываетъ съ себя шляпу).
И тѣнь пѣвца Екатерины
На наше кликнетъ торжество:
— «Они все тѣ же исполины,
И помнятъ барда своего.» (16)

**М. Бурбоновъ** (въ сторону).

Онъ не боится ничего,
И даже — эпиграммъ Щербины.

(Слышно общее: «ура» и звонъ лиръ. Занавѣсъ опускается).

---

(15) и (16) «1854 годъ». Стихотворенія А. Майкова.

## Домашняя расправа.

*(Сцена въ стихахъ).*

---

Дѣйствующія лица.

**Агаѳья Павловна Рюрикова**, богатая помѣщица, 70 лѣтъ.

**Петръ Ивановичъ Жириовскій**, родственникъ Рюриковой по женѣ, неслужащій дворянинъ, 43 лѣтъ.

**Прасковья Ѳедоровна Жириовская**, его жена, 34 лѣтъ.

**Генадій Павловичъ Валкинъ**, важный чиновникъ, родной братъ Рюриковой, 62 лѣтъ.

**Лиза**, внучка Рюриковой.

**Таиса Львовна Чернохвостова**, двоюродная сестра Рюриковой, 65 лѣтъ.

**Лидія и Анюта**, безсловесныя барышни, ея воспитанницы.

**Михаилъ Петровичъ Бурбоновъ**, отставной маіоръ, зять Рюриковой, 46 лѣтъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ провинціи).

*(Большая зала барскаго дома. Мебель подъ ситцевыми чехлами. Часы съ кукушкой).*

---

## ЯВЛЕНІЕ I.

**Рюрикова** (въ сѣромъ шелковомъ капотѣ сидитъ на диванѣ).

Нѣтъ никого еще!... Какая бы причина?...
Вѣдь, кажется, писала толкомъ я
Пораньше съѣхаться...

---

## ЯВЛЕНІЕ II.

(Горничная вноситъ двѣ стеариновыя свѣчки).

**Рюрикова.**

Эй, слушай! мать моя,
Который часъ теперь?

**Горничная.**

Шестого половина.

**Рюрикова.**

Ну, время еще есть... Придется подождать.
Постой-ка ты, постой! Вишь свѣчи запалила!
Я, кажется, ужь сколько разъ твердила:
Свѣчъ стеариновыхъ отнюдь не зажигать!...
Вамъ барскаго добра не жаль, народъ нахальный!...
Покуда нѣтъ гостей — всѣ свѣчи погаси,
А мнѣ покамѣстъ принеси
Изъ дѣвичьей шандальчикъ съ свѣчкой сальной,
Да барышню сюда поди сейчасъ проси.

(Служанка уходитъ).

Вотъ хлопочи за всѣхъ, расходуйся на свѣчи,
На сухари, на сахаръ и на чай,
Обузу тяжкую взвали себѣ на плечи,
Заботься о родныхъ, люби ихъ, угощай,
А послѣ жь надъ тобой трунятъ родные эти:
Нѣтъ, нынче родственность не цѣнится на свѣтѣ.

---

## ЯВЛЕНІЕ III.

(Рюрикова и Лиза.)

**Лиза.**

Что, бабушка, угодно вамъ?

**Рюрикова.**

Пора
Давно сюда пожаловать вамъ, внучка!
Я хлопочу здѣсь съ самаго утра,
А ты вотъ знать не хочешь, бѣлоручка.

**Лиза.**

Я, бабушка, читала.

**Рюрикова.**

Время же нашла!
Какія книги тутъ! Побойся ты хоть Бога!
Ждешь вечеромъ гостей, возни съ прислугой много,
А ты... ты съ книгами. Вся въ дядюшку пошла!

**Лиза.**

Что жь, бабушка, — на дядюшку похожей
Пріятно каждой быть...

**Рюрикова.**

Ну, ну, пошла!...
(Слышенъ звонокъ).
Ахъ, батюшка! звонятъ у насъ въ прихожей...
Кого бъ нелегкая такъ рано принесла.
(Къ Лизѣ).
Поди, принарядись, пригладь свои кудерки
И самоваръ поставить прикажи,
Да въ дѣвичьей лѣнивой этой Вѣркѣ
Ты строго накажи,
Чтобъ самоваръ не подали съ угаромъ.
Постой, постой еще: чай будешь разливать —
Такъ сахаръ безъ толку не трать:
Вѣдь достается онъ не даромъ.
(Лиза уходитъ).

---

## ЯВЛЕНІЕ IV.

(Рюрикова и Р. И. Жирновскій съ женой.)

**Жирновскій.**

Агаѳья Павловна! Дивите вы весь свѣтъ.
У васъ сегодня балъ? иль раутъ? иль банкетъ?
Позвольте ручку... Знаете ли — намъ ужь
Представилось, что вы подъ старость лѣтъ
Махнуть хотите замужъ.

Жирновская.

Ахъ, Пьеръ, какъ рѣзко ты привыкъ
Шутить...

Рюрикова.

Охъ, ты, шутникъ, шутникъ.

Жирновскій.

Да какъ же, матушка! Читаю вдругъ посланье!
Агаѳья Павловна сзываетъ на собранье
Своихъ родныхъ... Скажи мнѣ, напримѣръ,
Объ этомъ кто другой...

Жирновская.

Ахъ, перестань же, Пьеръ.

Рюрикова.

Оставь его въ покоѣ, зубоскала!
За дѣломъ я родныхъ сегодня собирала,
За дѣломъ, батюшка! Успѣешь все узнать...

Жирновскій.

А все-таки дивлюсь.

Жирновская.

Ахъ, Пьеръ! Опять, опять!...

---

## ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, Чернохвостова съ двумя воспитанницами и Валкинъ.

**Чернохвостова.**

Ну, вотъ и мы. Bonjour, сестра. Гдѣ жь внучка?

**Рюрикова.**

Она придетъ сейчасъ.

**Чернохвостова** (къ Жирновской).

Параша! ты ужь здѣсь!
А, вотъ и муженекъ, — распухъ, голубчикъ, весь,
И шутъ такой же все, — вотъ будетъ нахлобучка—
Дай оглядѣться мнѣ лишь только, балагуръ.

**Воспитанницы.**

Ахъ, здравствуйте!

**Жирновская.**

Bonjour, mesdames, bonjour!

**Рюрикова** (брату).

Что, батюшка, ужь очень ты печаленъ?

**Валкинъ** (дѣловымъ тономъ).

Мнѣ некогда, сестра, — дѣлами я заваленъ,
Зачѣмъ звала меня?

Рюрикова.

Узнаешь, мой дружекъ,
И твой совѣтъ намъ очень пригодится.

---

### ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Михаилъ Бурбоновъ.

М. Бурбоновъ.

Какъ честный родственникъ, спѣшу всѣмъ поклониться
И — дѣлаю подъ козырекъ.

Рюрикова.

Ну, Миша, сядь, мой другъ. Теперь мы всѣ здѣсь въ сборѣ.
Друзья мои, къ себѣ я васъ звала
Потолковать о нашемъ общемъ горѣ.
Племянничекъ-то мой, Николя, господа,
Есть наше общее несчастье и бѣда;
И намъ о немъ подумать вмѣстѣ нужно,
Хоть онъ не маленькій, не въ дѣтской ужь порѣ.

М. Бурбоновъ.

Ну, что жь, составимте каре.
И на врага всѣ грянемъ дружно.

**Рюрикова.**

Вѣдь онъ страмитъ нашъ древній гербъ и родъ,
Надъ старыми людьми почти въ глаза хохочетъ —
И «книжками» какими-то все хочетъ
Образовать народъ.
«Мы силы, говоритъ, уснувшія разбудимъ»!
Одинъ мальчишка такъ его увлекъ,
Но мальчика ко счастью прибралъ Богъ,
А этого — прибрать ужь нужно людямъ.

**Чернохвостова.**

О немъ по городу прескверный ходитъ слухъ.

**Жирновскій.**

Ну къ этому мы всѣ давно ужь стали глухи:
Вѣдь и объ насъ — поди — дурные ходятъ слухи,
Не переслушаешь болтающихъ старухъ.

**Жирновская.**

Ахъ, Пьеръ! ахъ, Пьеръ! — какъ говорить такъ можно.

**Валкинъ.**

Дѣйствительно, нашъ Nicolas ведетъ
Себя совсѣмъ неосторожно.
Смѣется надо всѣмъ. Къ начальнику придетъ —
Начнетъ играть цѣпочкой на жилеткѣ,
А въ обществѣ сидитъ — нѣтъ выдержки и смѣтки.
Хоть въ третьемъ классѣ будь — болваномъ назоветъ.

М. Бурбоновъ.

Не сталъ бы онъ дурить ни въ людяхъ такъ, ни дома,
Когда бъ его вотъ съ годикъ поводить
Учебнымъ шагомъ — въ три пріема.

Жирновская.

Всѣхъ выходокъ его нельзя переносить!...
Я, слушая его, кричала: изувѣръ вы,
Ну, пощадите же мои больные нервы!...

Жирновскій.

А было времечко и отъ него сама
Сходила ты, сударыня, съ ума.

Жирновская.

Ахъ, Пьеръ, опять!... опять...

Чернохвостова (къ Жирновскому).

Ну, балагуръ, уймись ты!...
Да, жаль его! Умъ-разумъ потерялъ...
И записался въ эти... въ ингилисты..,
Срамъ, стыдъ одинъ теперь для всей родни,
Вѣдь о его дѣлахъ, — извѣстно ужь давно намъ, —
Сталъ знать весь свѣтъ, не только мы одни.

М. Бурбоновъ.

Когда лѣтъ семь тому назадъ я правилъ батальономъ
И инвалидною командой управлялъ —

Онъ изъ Саратова проѣздомъ заѣзжалъ
Ко мнѣ въ Симбирскъ, и у меня, въ квартирѣ
Такой вралъ вздоръ начальству моему,
Что будь не я — то быть ему въ Сибири,
Попалъ бы онъ въ губернскую тюрьму.

**Рюрикова.**

Часъ отъ часу о немъ все хуже, хуже слухи;
Такъ пособите же совѣтомъ мнѣ, старухѣ,
Вѣдь я слаба теперь, безсильна и стара.

**М. Бурбоновъ.**

Совѣтъ мой: пусть теперь онъ вступитъ въ юнкера.

**Чернохвостова** (косясь на своихъ воспитанницъ).

Женить его, женить, моя родная, надо.

**Жирновскій.**

Да кто же за него отдастъ родное чадо?
Вотъ хоть бы вы...

**Жирновская.**

Опять, опять!... Ахъ, Пьеръ!...

**М. Бурбоновъ** (продолжая свою мысль).

Поучатъ, вышколятъ — и изъ него навѣрно,
Отличный выйдетъ офицеръ.

Валкинъ.

Во всякомъ случаѣ онъ можетъ кончить скверно:
Сомнѣнья въ томъ не можетъ быть — нѣтъ, нѣтъ!
А потому — вотъ мой совѣтъ:
Мы, всѣ, чтобы спасти нашъ родъ непосрамленный,
При помощи извѣстныхъ докторовъ,
Ему докажемъ, что... онъ не совсѣмъ здоровъ...
Вы понимаете... разсудокъ поврежденный...
Потомъ
Племянника въ деревню отошлемъ
И ужь его не выпустимъ оттуда.

Рюрикова.

Ну, выручилъ родной!...

Жирновская.

Вотъ планъ-то, просто чудо!

Чернохвостова.

Вотъ умный человѣкъ — и умный далъ совѣтъ,
За вашу выдумку, ей-богу, честь и слава.
Пусть, пусть уѣдетъ онъ.

М. Бурбоновъ.

Дирекція направо!

Рюрикова.

Отправимъ мы его.... на сколько жь, братецъ, лѣтъ?

Валкинъ.

Лѣтъ на четырнадцать, — иль меньше, какъ случится, —
Придетъ же наконецъ пора перебѣситься.

Рюрикова.

И дѣло, мой отецъ!... Свалилась съ плечъ гора!
Мнѣ лучшаго не выдумать сюрприза;
Ну, дѣлу и конецъ... Эй, Лиза! гдѣ ты, Лиза?
Теперь за чай пора.

(Занавѣсъ падаетъ).

## Тѣни стараго года. (1861 г.)

### НОВОГОДНІЙ МАСКАРАДЪ.

*(Святочная сцена въ стихахъ).*

---

*(Анфилада громадныхъ комнатъ, ярко освѣщенныхъ. Въ первой залѣ огромное сѣдалище Новаго Года, убранное цвѣтами, акціями, журнальными объявленіями и пр. и прикрытое розовымъ балдахиномъ. На сценѣ безпрестанно мѣняются дѣйствующія лица — тѣни стараго года, какъ-то: журналы, акціонерныя общества, откупщики, домовладѣльцы, маски, мужскія и женскія домино. Всѣ представители дѣятельности 1861 года по-очередно проходятъ по сценѣ и смѣняются другими. За сценой два невидимые хора).*

(Занавѣсъ поднимается.)

**Первый (московскій) хоръ.**

Ужь я старый годъ хороню, да хороню,
Старый мудрый годъ — поминаю, не браню,
И въ московскомъ терему, да терему

Пѣсню звонкую сложила я ему.
Въ мать сырую землю сударь-годъ нашъ слегъ,
Предъ кончиною своею обронилъ онъ перстенекъ.

(Хоръ раздваивается.)

**Правая сторона.**

Ахъ, гадайте дѣвицы,
Ахъ, гадайте молодцы,
Въ кои руки былица,
Змѣиная крылица?

**Лѣвая сторона.**

Еслибъ знали мы, да вѣдали,
Отгадали-бы, ребятушки;
Много горя мы отвѣдали
Подъ стѣнами Москвы-матушки.
«Русскій Вѣстникъ» встрѣтилъ свекоромъ,
Хуже мачихи — «Рѣчь» встрѣтила,
Да еще по-иностранному
Что-то въ сторону замѣтила.
Ахъ, вы, молодцы, гадайте,
Вы всей правды не утайте,
Перстенечекъ, гдѣ, скажите?
Меня гласность хочетъ бити,
По три прута вьетъ и вяжетъ,
Кто не скажетъ — тотъ и ляжетъ.

**Общій хоръ.**

Много люда всякаго
Вы въ Москвѣ встрѣчали,
Только «Дня» Аксакова
Да не отыскали.

Правый хоръ.

Такъ и вправду было:
Палъ, да палъ нашъ перстень
На славянофила,
Да на молодого.
Очутился перстень
На правой на ручкѣ,
На лѣвомъ мизинцѣ.

Общій хоръ.

Ужь я старый годъ хороню, да хороню,
Старый, мудрый годъ поминаю, не браню,
И въ московскомъ терему, да терему
Все дивлюся его разуму-уму.

Второй (невскій) хоръ.

Не билъ барабанъ въ полумракѣ ночномъ,
И шумно рога не трубили,
Когда старый годъ, окропивши виномъ,
Мы въ нѣдра земли опустили.
Послѣдняя почесть была отдана...
Старчевскій сулилъ всѣмъ новинки;
Съ морознаго неба внимала луна
«Домашней Бесѣды» поминки.
Но старыя кости и мертвый скелетъ
Одеждою странной согрѣты,
На трупѣ могильнаго савана нѣтъ —
Естъ акцій погибшихъ билеты.
Вдали раздавался зловѣщій «Свистокъ»,
Рвала педагогика лозы,

И откупъ, кончая послѣдній свой срокъ,
Въ могилу ронялъ свои слезы.
А юная гласность, на вопли скупа,
Бродила безъ слова, безъ цѣлей,
И мрачно стояла у гроба толпа
Отцвѣтшихъ и старыхъ камелій.
Летали по воздуху съ визгомъ ракетъ
Программы газетъ и журналовъ,
Стихалъ по-немногу послѣдній памфлетъ,
И ропотъ послѣднихъ скандаловъ.
Журналъ приведя къ роковому концу,
Издатель ввѣряется риску
И смотритъ угрюмо въ лицо мертвецу
И въ тайнѣ дрожитъ за подписку.
На смѣнѣ у года годъ новый стоитъ,
Но тихо толпа повторяетъ:
«Какъ женщина — много годъ новый сулитъ,
Какъ женщина — онъ измѣняетъ.»
Не будемъ тревожить послѣднихъ минутъ
Мы гостя таинственной сѣни!
Предъ нами здѣсь въ лицахъ ожившихъ пройдутъ
Прошедшаго года всѣ тѣни.

*(На сцену врывается толпа масокъ и разнохарактерныхъ женскихъ домино; у всѣхъ сбоку — ленты, на нихъ надпись — 1861 годъ. Посреди масокъ — «Разсвѣтъ», журналъ для дѣвицъ.)*

**Разсвѣтъ.**

Я любознателенъ и преданъ дѣлу дамъ,
Давно привыкъ къ услугамъ и къ угодамъ,
Позвольте-же узнать, довольны-ль вы, mesdames,
Прошедшимъ, старымъ годомъ?

**Сѣрое домино.**

Мы? Безъ сомнѣнія! О женщинахъ вопросъ
Вѣдь въ журналистикѣ не даромъ поднимали!

Бѣлое домино.

Намъ всѣмъ дозволено куренье папиросъ!

Розовое домино.

Мы въ школахъ лекціи читали!

Зеленое домино.

Когда-жь надъ женщиной разъ посмѣялся «Вѣкъ,»
Отвсюду встрѣтилъ онъ презрительные жесты.

Сѣрое домино.

Авдѣевъ поднялъ насъ...

Розовое домино.

И душка Левъ Камбекъ
За насъ писалъ свои протесты!..

Всѣ вмѣстѣ.

Намъ не лесть, не ѳиміамы,
А права теперь даютъ:
Вѣдь не даромъ-же двѣ дамы
Два журнала издаютъ.
Въ нашемъ станѣ, безъ сомнѣнья,
Есть труды высокихъ цѣнъ:
Туръ Евгеніи творенья
И романы Ольги Н.
Мы глядимъ всѣ въ Жанны д'Арки,
По желанію гражданъ,

И весь годъ въ Петровскомъ паркѣ
Танцовали мы канканъ.

**Разсвѣтъ** (умиляясь).

Какъ органъ для дѣвицъ, я радуюсь заранѣ,
Что канканировать васъ выучилъ Тайвани,
Эмансипаціи и пароходства другъ!...
Идея чудная!... Позвольте изъ услугъ...

**Откупщикъ** (входитъ мрачный и въ траурѣ).

Быть иль не быть!... таковъ вопросъ. Должна-ль
Душа сносить всѣ бѣдствія акциза,
Иль вспрянуть вновь, забывъ свою печаль,
И завершить игру со славой, безъ ремиза!...
Умереть... заснуть...

(встряхивая кудрями.)

Ахъ, не я-ль своей приманкою
Веселилъ всѣхъ, нѣжилъ, грѣлъ!
Отъ заботъ теперь водянкою
Ахъ, не я-ли заболѣлъ!...
Все голодное, безродное
Я въ несчастьѣ утѣшалъ,
И, — то чувство благородное —
Спиртъ водою разбавлялъ:
Я щадилъ людей здоровіе,
Голый спиртъ — желудку ядъ,
Не хотѣлъ ихъ портить крови я,
А меня за то корятъ.

(Указываетъ на проходящихъ членовъ общества водопроводовъ.)

Какъ вполнѣ субъектъ чувствительный,
Лишь по виду только грубъ,
Я смотрѣлъ, какъ утомительно
Шла у нихъ закладка трубъ.

Воду въ новые бассейны я
Провести имъ тутъ помогъ:
И въ харчевни, и въ питейные,
И въ трактиръ, и въ погребокъ.
А между-тѣмъ бѣды суровыя
Для меня сулитъ народъ,
И однѣ лишь козни новыя,
Мнѣ готовитъ новый годъ.
Такъ!... умереть... уснуть при ропотѣ проклятій!...
Гудитъ толпа...
Ахъ, я любилъ, какъ сорокъ тысячъ братій,
Всѣ откупа!...

(Уходитъ, опустивъ голову на грудь.)

*(Являются новыя маски).*

**Домашная бесѣда** (въ костюмѣ Коробочки).

Легко-ли мнѣ тащиться въ маскарадъ....
Часъ битый ѣхала съ Фонтанки, — холодъ, вьюга, —
Насилу домино достала напрокатъ,
Спасибо — помогла сотрудника подруга.
Отъ скуки я взяла съ собой
Аскоченскаго два стихотворенья,
Колоду картъ заняться ворожбой,
Да Бурачка творенья.

(садится.)

Ухъ! какъ я мучилась, трудилась прошлый годъ,
Ну, думаю, — капутъ, не хватитъ больше силы,
Да помогли — пусть ихъ судьба спасетъ,
Московскіе славянофилы!
Отмѣнный все народъ: пьетъ только русскій квасъ,
Ковшемъ зачерпываетъ водку,
И началъ, говорятъ, тянуть теперь, какъ разъ
Одну со мною нотку.

(Надѣваетъ очки и раскладываетъ карты).

**Сынъ Отечества** (является съ кипою объявленій и, раздавая всѣмъ по экземпляру, говоритъ фистулой).

Для мѣщанъ и для купечества,
Для калѣкъ, сиротъ,
Издается «Сынъ Отечества»
Ужь который годъ.

Отъ прогресса и отъ зла ето
Чтобъ спасти журналъ,
Взялъ къ себѣ я Загуляева,
Раппапорта взялъ.

И не знаю, какъ на вкусъ кого, —
Разный вѣдь есть вкусъ —
Но во имя блага русскаго
Я тружусь-тружусь.

И сижу и днемъ и ночкою,
Сохну отъ труда...
Подпишитесь хоть... съ разсрочкою
На годъ, господа!

**Домовладѣльцы** (общій хоръ).

Пьемъ за здравіе года,
Года стараго, пьемъ!
И хоть гласности мода
Намъ сулила погромъ —
Безъ жильцевъ, безъ дохода,
Все-же мы не живемъ.

Дорогія квартиры
Намм давали доходъ,

Хоть средь русской Пальмиры,
Лишь волнуя народъ,
Обличенія лиры
Не смолкали весь годъ.

Какъ враги перемѣны,
Прогрессивныхъ умовъ
И прогресса измѣны,
Мы наложимъ безъ словъ
Превысокія цѣны
На квартиры домовъ.

Пьемъ-же здравіе года,
Года стараго, пьемъ,
И пусть гласности мода
Обернетъ все вверхъ дномъ, —
Безъ жильцевъ, безъ дохода
Все-же мы не живемъ.

**Гласность.**

Я, гласность юная, нынѣ желала-бы,
Чтобы пороки и зло...

**Обскурантизмъ.**

Тише, умолкни, оставь твои жалобы!...
Время твое не пришло!...

**Невидимый хоръ (финалъ).**

Пусть новый годъ своимъ приходомъ
Пробудитъ жизнь средь нашихъ нивъ,
И пусть прогрессъ, хоть съ новымъ годомъ,
Докажетъ всѣмъ, что онъ не миѳъ.

Пусть не звучатъ во тьмѣ глубокой
Одни слова, слова, слова...
Пускай *народной подоплекой*
Не бредитъ старая Москва.
Шалить пусть откупъ перестанетъ,
Намъ пожелавъ всѣмъ долго жить,
И «Сынъ Отечества» пусть станетъ
Три раза въ сутки выходить.
Пускай отъ стужи и морозовъ
Продрогшій городъ отдохнетъ,
И пусть изъ Гейне — Водовозовъ
Намъ переводитъ круглый годъ.
Пусть гласность съ насъ снимаетъ пѣнки,
И не задавитъ насъ гора
Стихотвореній Росковшенки,
Et caetera, et caetera...
Пускай, съ лирической одышкой,
Поэтъ съ луной не говоритъ,
И пусть Катковъ «декабрской книжкой»
Насъ хоть въ апрѣлѣ подаритъ.
Пусть стихнетъ громъ журнальной брани,
Надѣнутъ дамы сарафанъ,
И пусть со смертію Тайвани
Не умираетъ нашъ канканъ.

(Занавѣсъ опускается).

## Ба! знакомыя все лица!...

### НОВОГОДНІЯ СЦЕНЫ.

---

**Варегинъ,** бывшій мировой посредникъ, петербургскій чиновникъ, сдѣлавшій карьеру.

**Анна Сергѣевна Варегина,** урожденная *Одинцова* (По старой памяти, мы такъ и будемъ называть ее въ нашей пьескѣ).

**Вѣра Павловна Кирсанова,** жена знаменитаго ученаго.

**Павелъ Петровичъ Кирсановъ,** не родственникъ ея, но однофамилецъ.

**Евгеній Васильевичъ Базаровъ.**

**Авдотья Никитишна Кукшина.**

**Баклановъ.**

**Викторъ Басардинъ,** бывшій сотрудникъ «Русскаго Вѣстника», писавшій тамъ до пропажи историческаго четвертака и книги Гнейста.

**Ситниковъ** — сынъ откупщика, называющій себя «сыномъ вѣка».

**Софья Леneва,** забубенистая вдовушка.

**Княжна Х—ая,** тетка Одинцовой, семидесятилѣтняя дѣва.

**Іона Циникъ,** молочный братъ Никиты Безрылова.

**Иродіада,** бывшая служанка Леневой, живущая теперь у Одинцовой.

Гости и прислуга.

*Дѣйствіе происходитъ наканунѣ 1864 года, въ казенной квартирѣ Варегина; большая ярко освѣщенная зала съ хорами по обѣимъ сторо-*

*намъ. Прямо входъ въ парадную гостиную. На часахъ бьетъ десять. Гости то являются изъ гостиной въ залъ, то опять уходятъ въ гостиную.*

(Варегинъ и Павелъ Кирсановъ. За Павломъ Кирсановымъ два человѣка проносятъ дорожную ванну и серебряный несессеръ; и то и другое они уносятъ въ боковую комнату).

**Кирсановъ.**

Для васъ, надѣюсь, что не странны
Мои привычки, — я старикъ:
Безъ несессера и безъ ванны
Я въ гости ѣздить не привыкъ.
Хотя рѣшили такъ французы:
L'habit ne fait pas le moine,
Но вѣдь сильны привычки узы —
Я имъ несу покорно дань.
Теперь пойду омыться въ ваннѣ...
(Ахъ, взялъ-ли я фиксатуаръ?)
Потомъ явлюсь съ поклономъ къ Аннѣ
Сергѣвнѣ... Такъ au revoir!

(Уходитъ въ боковую комнату).

**Варегинъ.**

Ну, франтовство не йдетъ къ сѣдинамъ,
Но не виню его затѣй:
«Быть можно дѣльнымъ... гражданиномъ —
И думать о красѣ ногтей».
Хоть общій свистъ его ославилъ,
Но съ нимъ сойтись я очень радъ:
Мнѣ все жь милѣй Кирсановъ Павелъ,
Чѣмъ долгогривый демократъ.

(Уходитъ въ гостиную).

(Вѣра Павловна Кирсанова и Ситниковъ).

**Ситниковъ.**

Благодарю судьбу за счастье,

Что съ вами встрѣтиться здѣсь могъ.
Скажу безъ всякаго пристрастья:
Для нашихъ женщинъ — вы урокъ.
Я говорилъ изъ нихъ ужь многимъ
(Я не щажу вѣдь русскихъ дамъ) —
Что пусть для нихъ укоромъ строгимъ
Послужитъ дѣло ваше... Намъ,
Всѣмъ людямъ новаго закала,
Казалось штукой мастерской...

**Вѣра Павловна** (про себя, пожимая плечами).

Такихъ болвановъ не встрѣчала!

**Ситниковъ.**

Открытье швейной мастерской.
Базаровъ, другъ мой, радъ былъ тоже.

**Вѣра Павловна** (съ улыбкой).

Базаровъ — другъ вашъ?

**Ситниковъ.**

Мы — на *ты*,
И въ убѣжденьяхъ очень схожи.
Онъ лучъ средь общей темноты,
Онъ гордость русской молодежи...
И знаменитость онъ къ тому жь:
Вѣдь онъ одинъ — да вотъ вашъ мужъ —
Такихъ ученыхъ мало въ свѣтѣ.
Ахъ, кстати: годъ тому назадъ, —
Вы помните, — явились эти —

Тургенева «*Отцы и дѣти?*...»
Еще тамъ выставленъ мой братъ!...

**Вѣра Павловна.**

Какой вашъ братъ: не сами вы-ли?

**Ситниковъ.**

Нѣтъ, вѣрьте, злые языки
Такіе слухи распустили,
А имъ и вѣрятъ чудаки.
Притомъ — и врутъ всегда романы:
Въ «Отцахъ и дѣтяхъ...» ха, ха, ха!...
Базаровъ умеръ вдругъ отъ раны,
Какъ въ мелодрамѣ... Чепуха!
Руководясь однимъ принципомъ,
Писатель не размѣрилъ силъ,
И вотъ, не справясь съ новымъ типомъ,
Его въ испугѣ уморилъ,
Надѣюсь, вы того же мнѣнья,
Что лгутъ всѣ эти господа...
Но, Вѣра Павловна, когда
Я въ вашемъ швейномъ заведеньѣ
Могу быть вмѣстѣ...

**Вѣра Павловна.**

Вмѣстѣ съ кѣмъ?

**Ситниковъ.**

Съ Авдотьей Кукшиной. Въ народѣ
Не встрѣтить дамъ въ подобномъ родѣ:
Умна, остра, и между тѣмъ...
(Авдотья Кукшина подъ руку съ Викт. Басардинымъ идетъ на встрѣчу).
Васъ познакомить?

**Вѣра Павловна** (вскрикивая невольно).

Нѣтъ, не надо!

**А. Кукшина** (подходитъ, въ блузѣ, выпачканной чернилами, и по-гусарски жметъ руку Вѣры Павловны).

Ахъ, очень рада! очень рада!
Я, какъ и вы — прогресса дочь,
И я, быть можетъ, въ вашемъ дѣлѣ
Могу вамъ нѣсколько помочь.

**Ситниковъ** (торжественно вскрикивая).

Она поможетъ, въ самомъ дѣлѣ!...

**А. Кукшина.**

Я — женщина-антропологъ;
Я перечла открытій томы:
Буэ, Мортонъ, Бишоффъ и Брокъ,
Буше де-Пертъ — мнѣ всѣ знакомы.
Я предлагаю мой совѣтъ:
Для вашихъ швей — онѣ вѣдь дѣти! —
Открыть ученый кабинетъ
И ихъ ввести въ открытья эти —
Что человѣкъ живетъ на свѣтѣ
По малости сто тысячъ лѣтъ.

**Ситниковъ** (въ восторгѣ подпрыгивая на мѣстѣ и махая шляпой).

Ура! не нужно лучше плана!
Вашъ умъ во всемъ неистощимъ...

Клянусь, еще въ Россіи рано
Родиться женщинамъ такимъ!...

**А. Кукшина** (Вѣрѣ Павловнѣ).

Мы съ вами въ три-четыре слова
Рѣшимъ при встрѣчѣ тотъ вопросъ.
(Оборачиваясь).
Ну, Басардинъ, — вѣдь я готова:
Берите карты и за штосъ.

(Кукшина и Басардинъ садятся за столъ и играютъ въ штосъ; Ситниковъ слѣдитъ за игрой. Баклановъ и Базаровъ за другимъ столомъ; пьетъ чай и съѣдаетъ 50 бутербродовъ).

**Баклановъ** (продолжая начатый разговоръ).

Но какъ же можно жить безъ вѣры
Въ прогрессъ наукъ, въ людской прогрессъ?
Ужасно!

**Базаровъ** (проглатывая 51-й бутербродъ).

Барскія химеры.

**Баклановъ.**

Не вѣрить въ честность!

**Базаровъ** (съѣдаетъ 52-й бутербродъ).

Темный лѣсъ!

**Баклановъ.**

Въ любовь!

**Базаровъ** (**53-й бутербродъ**).

Болѣзнь!

**Баклановъ.**

Въ искусство!

**Базаровъ** (**выпивая 14-й стаканъ чаю**).

Фразы!
Дѣтей всѣхъ возрастовъ проказы!

**Баклановъ.**

Во что-жь вы вѣрите?

**Базаровъ.**

Ну вотъ:
Я вѣрю въ этотъ бутербродъ.
Я ѣмъ его — и мнѣ довольно *(ѣстъ)*.

**Баклановъ.**

Но васъ, Базаровъ, слушать больно!

**Базаровъ.**

Система нервная слаба.
Жизнь ваша сходна съ винигретомъ
Изъ словъ: принципъ, прогрессъ, борьба
И прочій вздоръ... что-жь толку въ этомъ!...

(**Павелъ Кирсанова и Одинцовъ выходятъ изъ гостиной**).

**Кирсановъ.**

Себя за медленность виню.
Quoi qu'il en soit, — я каюсь.

**Одинцова.**

Vous êtes partout le bien venu!
Я рада вамъ и постараюсь
То доказать! (*шутя*) вѣдь я добра!...

**Кирсановъ.**

Vous me mettez dans l'embarras...

(Удаляются въ гостиную).

(Кукшина и Басардинъ продолжаютъ играть. Рядомъ съ ними — Ситниковъ, а сзади смотрятъ на игру Софья Ленева и Iона Циникъ. Авдотья Кукшина выпила во время игры 15 бутылокъ шампанскаго).

**Кукшина** (проигрывая).

Опять! я, право, съ толку сбита!
Такъ проиграться — просто стыдъ.

**Ситниковъ.**

За то несчастны-ль вы въ любви-то?...

**Кукшина** (затягиваясь черной сигаркой).

Король!

Басардинъ (передергивая).

Убитъ.

Кукшина.

Валетъ!

Басардинъ.

Убитъ!

Кукшина.

Ну, двойка наконецъ!

Басардинъ.

Убита!

(Кукшина перестаетъ играть и съ горя пьетъ изъ горлышка послѣднюю бутылку шампанскаго. *Басардинъ* сбираетъ со стола деньги).

Ленева (кладетъ на столъ деньги).

Я ставлю сто рублей. Мой тузъ.

(Басардинъ передергиваетъ молча и беретъ деньги).

Ленева.

Играю на сто снова: дама!

Басардинъ.

Убита... Счастіе упрямо.

**Ситниковъ.**

Вы очень счастливы, клянусь!

**Ленева** (проигравъ всѣ деньги, обращается тихо къ Іонѣ Цинику).

Мнѣ нужны деньги.

**Іона Циникъ** (взбаламученнымъ голосомъ).

Вѣдь напрасно...
Вамъ не везетъ... Играть опасно...

**Ленева.**

А! вы пускаетесь въ разсчетъ!
Баклановъ дастъ мнѣ денегъ... (*хочетъ идти*).

**Іона Циникъ** (торопливо).

Вотъ!
(подаетъ ей пачку ассигнацій).

(Снова начинается игра, и Басардинъ обыгрываетъ Леневу. Изъ залы всѣ, мало по малу, уходятъ. Въ залѣ разставляютъ столы для ужина).

**Басардинъ.**

Иной, пожалуй, скажетъ: фи!...
Облаетъ шулеромъ проклятымъ,
Но вѣдь сестра моя — Софи,
Такъ подѣлиться можетъ съ братомъ
(смотритъ на часы).
Но чрезъ минуту — новый годъ:
Мнѣ кое-чѣмъ заняться надо...

А, вотъ, мнѣ кажется, идетъ
Сюда сама Иродіада.

(Иродіада входитъ).

**Басардинъ.**

Ну, что, на маленькій грѣшокъ
Готова-ль ты?

**Иродіада** (сурово).

Поменьше вздору.

**Басардинъ.**

Ну, такъ возьми-ка порошокъ
И сдѣлай все по уговору.
Сыграемъ мы въ новѣйшій биксъ...
Въ обоихъ насъ не мало злости:
И черезъ часъ всѣ эти гости
Пойдутъ купаться прямо въ Стиксъ.

(Быстро расходятся въ разныя стороны).

(Бьетъ двѣнадцать часовъ. Новый годъ. Въ гостиной слышны поздравленія и поцѣлуи. Въ залѣ раздаются два хора: русскихъ пѣсенниковъ и баварскихъ пѣвцовъ).

**Первый хоръ** (русскихъ пѣсенниковъ).

Старый годъ
Сѣлъ въ мальпостъ
И бредетъ,
Въ свой чередъ,
На погостъ;
А народъ,

Въ новый годъ —
Новый тостъ:
Пусть во всемъ насъ обучаетъ
Жизнь сама,
Пусть никто не различаетъ:
Свѣтъ иль тьма?

**Второй хоръ (баварскихъ пѣвцовъ).**

Новый годъ
Мрачныхъ думъ
Не даетъ;
Мы поемъ —
Трамъ, тромъ, трумъ,
Unser Volk!
Unser Ruhm!

**Первый хоръ.**

Старый годъ унесъ потери
И невзгоды въ нашей сферѣ,
И міазмы въ атмосферѣ
Укрѣпились въ полной мѣрѣ —
Мы стоимъ кругомъ!...
Мы теперь, по крайней мѣрѣ,
Приближаясь къ новой эрѣ,
Новый годъ впускаемъ въ двери
И — чего-то ждемъ!
Мы жужжимъ, подобно мухамъ,
И внимаемъ чуткимъ ухомъ:
Можетъ быть, единымъ духомъ
Всѣ мечты умчатся пухомъ...
Какъ же, какъ же быть?

(Музыка играетъ польскій. Гости попарно выходятъ изъ гостиной, дѣлаютъ по залѣ кругъ и садятся къ столу).

ПЕРВАЯ ПАРА.

П. Кирсановъ и Одинцова.

**Кирсановъ.**

O, non, madame, — vous badinez...

**Одинцова.**

Я женщина такого сорта...
Какъ вамъ, Кирсановъ, такъ и мнѣ
Жизнь непонятна безъ комфорта.

**Кирсановъ.**

Я самъ, voyez donc, — признаюсь,
Тотъ день потеряннымъ считаю,
Когда безъ ванны обхожусь
Или ногтей не вычищаю.
Мнѣ былъ всегда не по душѣ —
Базаровъ вашъ...

**Одинцова.**

Но на него вы...
Il semble, que vous soyez fâché?

ВТОРАЯ ПАРА.

Варегинъ и княжна Х—ая.

**Княжна.**

Затѣи эти очень новы;
Я слушала съ большой тоской
Объ этой новой мастерской:
Ужь очень странныя обновы.

**Варегинъ.**

Таковскій, тетушка, народъ!
Утопій нынѣшнихъ горячка!
Пройдетъ полгода, много годъ,
На этихъ умниковъ найдетъ
Опять апатія и спячка.

**Княжна.**

А! эта Ленева Софи —
Предерзкая... Mon Dieu! забыла:
Вѣдь я еще не напоила
Свою несчастную Фифи *).

ТРЕТЬЯ ПАРА.

**Баклановъ и Авд. Кукшина** (пошатываясь).

**Кукшина.**

Какая пьяная недѣля!...
Глаза смыкаются отъ сна...
Баклановъ... ахъ!... вѣдь я пьяна...

**Баклановъ** (въ экстазѣ напѣваетъ ей въ ухо).

Что для тебя бутылка эля!
Ты пьешь — забывши ханжество,

---

*) Напоминаю читателю, что *Фифи* — собачка и есть тоже дѣйствующее лицо въ романѣ: «Отцы и дѣти».

А взглянешь — ангелъ Рафаэля
Такъ созерцаетъ божество!...

ЧЕТВЕРТАЯ ПАРА.

**С. Ленева и Базаровъ** (на ходу жуетъ крендель).

**Ленева.**

Базаровъ, скупы вы на рѣчи:
Жуетъ весь вечеръ — и молчитъ.

**Базаровъ** (ѣстъ).

У васъ такія, право, плечи,
Что возбуждаютъ аппетитъ.

ПЯТАЯ ПАРА.

Ситниковъ и Вѣра Павловна.

**Ситниковъ.**

Я радикалъ, и разрушенье
Во всемъ, вездѣ — мой идеалъ:
Я отрицалъ назадъ стремленье;
*Я первый* — откупъ отрицалъ.

**Базаровъ** (сзади).

Противникъ виннаго разврата!
Поудержи-ка свой языкъ, —

Что нападать на откупа-то:
Вѣдь твой папаша — откупщикъ.

(Всѣ размѣстились за большимъ столомъ. Прислуга, подъ присмотромъ Иродіады, разливаетъ по бокаламъ шампанское).

**Басардинъ** (тихо Иродіадѣ).

Ну, что?

**Иродіада.**

Все сдѣлано!

**Басардинъ.**

Отлично! —

**Варегинъ** (съ бокаломъ въ рукѣ, громко).

Я, господа, теперь публично
Вамъ предлагаю общій тостъ!
(пауза).
Развитья нашего наростъ
И декораціи прогресса
Пускай спадутъ; падетъ завѣса,
И мы, съ запасомъ новыхъ мѣръ,
Найдемъ практическое дѣло,
Послужимъ людямъ всѣмъ въ примѣръ!...

**Кирсановъ.**

Да, tant vaut l'homme, tant vaut sa terre!...

**Варегинъ.**

Иначе же, — скажу я смѣло —
Похожи очень межъ собой:
Извѣстный Ваня въ «Бригадирѣ»
И нигилистъ въ своемъ мундирѣ,
Съ своей безплодною борьбой *).

(всѣ пьютъ).

**Кирсановъ.**

Мой тостъ таковъ: всѣ предразсудки
Падутъ, когда начнетъ народъ
Мѣнять бѣлье разъ восемь въ сутки
И въ домѣ ванны заведетъ.
Тогда изчезнутъ всѣ преданья
И нигилизмъ съ его враждой,
И смоемъ пятна отрицанья
Съ себя мы розовой водой.

(Подноситъ бокалъ къ своимъ душистымъ усамъ).

**Баклановъ.**

Пью за поруганное чувство,
За все, чѣмъ святъ любви законъ,
Пью за балетное искусство,
Гдѣ видимъ... грацію Мадоннъ **).

---

*) Здѣсь считаю нужнымъ сдѣлать замѣчаніе, ссылаясь на слова самого Варегина въ «Взбаламученномъ морѣ». Вотъ что говоритъ онъ: «Для меня рѣшительно нѣтъ никакой разницы между Ванюшей въ «Бригадирѣ», который, желая корчить изъ себя француза, безпрестанно говоритъ: hélas! c'est affreux! и нынѣшнимъ какимъ-нибудь господиномъ, болтающимъ о революціи».

**) Не считайте это за клевету, а прочтите слѣдующее: «въ балетѣ есть грація рафаэлевскихъ Мадоннъ и Венеры Милосской» (См. *Взбаламученное море*).

**А. Кукшина** (стараясь встать со стула).

Я пью... бокалъ подайте въ руки...
Прогрессъ... на нашемъ берегу...
Я пью... за женщину науки...
За то... нѣтъ больше не могу...

(роняетъ бокалъ на полъ).

**Ситниковъ** (вскакивая на столъ съ стаканомъ).

За честь науки соціальной,
За подвигъ мысли либеральной,
За дѣло смѣлаго ума!...
Отъ кабинета и до спальной —
Да будетъ свѣтъ, да сгибнетъ тьма!...

(Разбиваетъ въ дребезги стаканъ и, въ доказательство своей симпатіи къ народу, начинаетъ цѣловать всѣхъ лакеевъ и упрашивать, чтобъ они говорили ему: ты).

**Базаровъ.**

Мой тостъ — чтобъ меньше было тостовъ,
Но больше дѣла въ общей мглѣ,
И чтобъ фразёрства бѣдный остовъ
Мы не влачили по землѣ.

(Разомъ выпиваетъ цѣлую бутылку).

(Со всѣми дѣлается общее одуреніе отъ басардинскаго порошка, подсыпаннаго въ вино. Отрава дѣйствуетъ быстро. Черезъ пять минутъ всѣ умираютъ).

**Басардинъ.**

Точь-въ-точь послѣдній актъ въ Гамлетѣ
Пришлось на дѣлѣ повторить;

И, приказавъ намъ долго жить,
Скончались вдругъ *отцы и дѣти.*
Теперь мнѣ слѣдуетъ встряхнуть
Различный хламъ изъ ихъ кармановъ...
Начнемъ хоть съ этого... Кирсановъ...
Здѣсь вѣрно выну что нибудь...

(Съ помощью Иродіады онъ очищаетъ всѣ карманы, вынимаетъ бумажники съ деньгами, часы, булавки, брошки и пр. и пр).

Дѣла такія нынче рѣдки!
Что жь за бѣда! — не я одинъ...
Теперь въ Женеву и къ рулеткѣ
Махнемъ-ка, Викторъ Басардинъ!

(Уходитъ).

(Занавѣсъ опускается).

Из книг
А.В. Кокорева

V.

# СТАРАЯ СКАЗКА.

## Прелюдія.

1.

— «Не плачь же, глупая, не плачь!
Поди, порадуемся вмѣстѣ,
Вѣдь я не извергъ, не палачь,
Чтобъ стала дочери-невѣстѣ
Желать и бѣдъ и неудачъ...
О женихѣ дурныя вѣсти
Тебя смущаютъ и крушатъ:
Не вѣрь всему, что говорятъ.

2.

«Люби его! Не будь упряма!»
Такъ мать упрашивала дочь.
— Но онъ вѣдь старъ... мнѣ страшно, мàма!
За что меня ты гонишь прочь?
Мнѣ за него — что въ воду прямо...

И, силясь ужасъ превозмочь,
Она дрожитъ, но у старухи
Глаза безжизненны и сухи.

3.

Прильнувъ къ подушкѣ, до утра
Ребенокъ плачетъ, стонетъ глухо,
А часъ невѣстина смотра
Все ближе, ближе... Эхъ, старуха!
Не очень, вижу, ты хитра...
Чтобъ къ пауку попалась муха,
Шепни лишь мнѣ, — я услужу —
Я только сказку разскажу.

4.

И усмирится сказкой этой
Твое капризное дитя,
Простится съ юностью отпѣтой,
Не разцвѣтая, отцвѣтя;
И завтра жь куклой разодѣтой
На сговоръ явится, шутя.
А тамъ... какое дѣло намъ ужь —
Лишь поскорѣе вышла бъ замужъ.

5.

Вамъ, барышни, на этотъ разъ,
Вамъ, барышни, мои землячки,
Не расточая лишнихъ фразъ
Всѣмъ вмѣстѣ и по одиначкѣ
Я посвящаю свой разсказъ,
За тѣмъ, чтобъ общей вашей спячкѣ
Хоть на минуту помѣшать,
А послѣ... спите вновь опять.

6.

Пишу на старую я тему.
Къ чему же мнѣ стѣсняться тѣмъ?
Я опираюсь на проблему,
Что въ мірѣ мало новыхъ темъ,
И бросивъ въ сторону систему
Хитро задуманныхъ поэмъ,
Готовъ, пожалуй, хоть съ развязки
Начать вступленье этой сказки.

7.

Пѣвцы у насъ ханжатъ слегка, —
Тутъ исключенья очень рѣдки;
Они всегда издалека
Начнутъ разсказъ свой, какъ кокетки;
А кончатъ тѣмъ, что Лиза К.,
Ихъ героиня, напослѣдки
Средой задавлена была
И въ злой чахоткѣ умерла.

8.

Но знайте, барышни, рутинѣ
Я покориться здѣсь не могъ
И жизни новой героини
Не изломалъ — избави Богъ!
Она живетъ еще понынѣ,
Родитъ дѣтей въ условный срокъ,
Покойно спитъ, скучаетъ мало,
Но... лучше я начну съ начала.

---

## Старая сказка.

*(Посвящ. Еленѣ Александровнѣ Ф—ль.)*

---

Можетъ быть, поэты правы,
Что отъ нихъ всѣ наши дѣвы
Привыкали съ дѣтства слышать
Только сладкіе напѣвы.

***

Можетъ быть, поэты правы,
(Вѣдь у нихъ вкусъ очень тонокъ!)
Что они ихъ называютъ:
— Мой малютка! Мой ребенокъ!

***

И въ ихъ пѣсняхъ благовонныхъ
Ничего нѣтъ кромѣ рѣчи:
Какъ прекрасны ваши глазки,
Какъ прекрасны ваши плечи!

«Ахъ, дитя! къ тебѣ привязанъ
Я любовью безвозмездной!...»
Такъ поэту снилась дѣва
И притомъ — «въ коронѣ звѣздной».

* *
*

«Ахъ, дитя! къ тебѣ привязанъ
Я любовью безвозмездной!...»
Такъ твердитъ вслѣдъ за поэтомъ
Франтъ предъ барышней уѣздной!

* *
*

Всѣхъ плѣняетъ образъ дѣвы
Фантастическаго ранга,
Съ ней летятъ они подъ пальму
На тѣнистый берегъ Ганга,

* *
*

Чтобъ, подъ этой пальмой сидя,
Вѣкъ молчать, блаженства ради,
И лобзать волосъ роскошныхъ
Непомаженныя пряди.

* *
*

Всѣхъ поэтовъ дразнитъ образъ
Безтѣлеснаго созданья,
Состоящаго изъ блеска
И изъ луннаго сіянья.

* *
*

Можетъ быть, такія дѣвы
Существуютъ въ этомъ свѣтѣ,
Можетъ быть, въ коронѣ звѣздной
И гуляютъ по планетѣ;

Но не зналъ я дѣвъ подобныхъ
И на нихъ — изъ звѣздъ короны,
Хоть, признаться — мнѣ встрѣчались
Удивительныя жены.

*
* *

Я и въ снахъ такихъ не видѣлъ
Замѣчательныхъ уборовъ,
Соблазнительныхъ для пѣсенъ
И убійственныхъ для взоровъ.

* *
*

И въ мечтахъ моихъ (я то же
Занимаюсь этимъ вздоромъ)
Не встрѣчались мною дѣвы
Подъ звѣздистымъ ихъ уборомъ;

* *
*

Не влекли съ собою къ Гангу
Подъ навѣсъ священной рощи,
Но въ моихъ мечтаньяхъ скромныхъ
Мнѣ онѣ являлись проще:

* *
*

Мнѣ онѣ являлись въ грезахъ,
Къ сожалѣнью, прозаично,
И моя природа очень
Отъ поэтовъ тѣмъ отлична.

* *
*

Мнѣ онѣ являлись въ грезахъ,
Но въ волшебномъ ореолѣ;
Не въ житейской обстановкѣ,
Но въ житейской, скромной долѣ.

Но, — я долженъ здѣсь замѣтить, —
Какъ мои ни скромны грезы,
Но, увѣрю васъ, скорѣе
Въ этомъ мірѣ общей прозы,

*
* *

Въ нашихъ залахъ и гостиныхъ
Въ свѣтскихъ, избранныхъ салонахъ
Можно встрѣтить дѣвъ волшебныхъ
Въ звѣздныхъ, искристыхъ коронахъ,

*
* *

Чѣмъ хоть разъ столкнуться въ мірѣ
И пройти безмолвно мимо
Скромной женщины, что мною
Только въ призракѣ любима.

*
* *

Мнѣ въ мечтахъ являлась дѣва...
(Безобразное сравненье!)
У которой вмѣсто сердца
Нѣтъ миндальнаго печенья.

*
* *

Мнѣ въ мечтахъ она являлась...
Но зачѣмъ теперь я буду
Шевелить воспоминаньемъ
Сердца старую причуду.

*
* *

Въ этотъ прежній, милый призракъ
Потерялъ я нынче вѣру;
И теперь, mesdames, повѣрьте,
Буду счастливъ я не въ мѣру,

Если встрѣчу дѣву, даму
Или взрослаго ребенка —
Тамъ, гдѣ нужно горько плакать,
Не смѣющуюся звонко;

***

Я доволенъ, если дѣва
Угощаетъ сладкимъ чаемъ,
И когда я очень занятъ —
Пошлой фразой не смущаемъ.

***

Я доволенъ, если рѣдко
Говоритъ она о страсти...
Лучше сплетни о знакомыхъ,
Чѣмъ подобныя напасти!...

***

Я доволенъ, если дѣва
Любитъ мало, — Богъ ужь съ нею! —
А когда совсѣмъ не любитъ —
Я предъ ней благоговѣю.

***

Пресмѣшную помню сцену,
Образецъ славянской драмы,
Гдѣ явился въ полномъ блескѣ
Типъ холодной нашей дамы.

***

Я любилъ ее, какъ любятъ
Въ двадцать лѣтъ съ кипучей кровью,
Я люблю ее донынѣ
Только злобною любовью.

Я люблю тотъ лобъ высокій
Гордый лобъ (у дамы русской
Постоянно мы встрѣчаемъ
Лобъ и маленькій и узкій);

**
*

Я люблю тотъ взоръ спокойный:
Столько масла въ немъ и... лѣни!...
Ахъ, предъ нимъ я не лѣнился
Опускаться на колѣни...

**
*

Помню вечеръ, — вечеръ этотъ
Сберегла ли память дамы? —
У окошка мы сидѣли
И сквозь стекла зимней рамы,

**
*

Мы слѣдили, какъ мелькали,
Снѣжнымъ инеемъ одѣты,
Пѣшеходы, экипажи,
Омнибусы и кареты.

**
*

Какъ теперь я вижу даму
Въ черномъ платьѣ, въ черной сѣткѣ;
На меня смотрѣли ровно
Взоры ясные брюнетки;

**
*

Такъ смотрѣли, что невольно
Пробирался въ душу холодъ,
Но тогда я самъ, къ несчастью,
Былъ еще ужасно молодъ.

Эта маска ледяная
И покой невозмутимый
Привлекали тайной чарой
Сердце къ женщинѣ любимой.

*
* *

Голова моя горѣла,
Кровь ключемъ кипѣла въ жилахъ
И приливъ рѣчей безумныхъ
Удержать я былъ не въ силахъ.

*
* *

Вообще признанья глупы, —
Я такого нынче мнѣнья,
Но тогда въ моемъ признаньѣ
Было много вдохновенья;

*
* *

Было то, что зажигаетъ
Страсть въ другомъ хоть не надолго,
Заглушая на минуту
Голосъ разума и долга.

*
* *

И моимъ безумнымъ пыломъ,
Мнѣ казалось, разогрѣты,
Улыбались въ темныхъ рамкахъ
Акварельные портреты.

*
* *

Я рванулся къ милой дамѣ
(Признаюсь: движенья грубы)
И, обвивъ ее руками,
Цѣловалъ то въ лобъ, то въ губы,

Жегъ ее своимъ дыханьемъ,
Поцѣлуями, слезами,
А она... она смотрѣла
Тѣми жь ясными глазами.

* *
*

То лицо съ холоднымъ блескомъ
Предъ собою созерцая,
Мнѣ казалось въ ту минуту,
Что цѣлую мертвеца я.

* *
*

Я желалъ, чтобъ лучше съ гнѣвомъ
Отъ себя она толкнула,
Съ чувствомъ ужаса, съ презрѣньемъ
На безумнаго взглянула,

* *
*

Чѣмъ съ холодностью скелета,
Неподвижно и лѣниво,
Выносить огонь и ласки
Непритворнаго порыва.

* *
*

Пресмѣшная, право, сцена,
Хоть была она обидна,
И о ней воспоминанье
Мнѣ и весело и стыдно.

* *
*

Горькимъ опытомъ наученъ,
Я теперь — поймете сами, —
Ужь не брошусь съ поцѣлуемъ,
Какъ ребенокъ, къ каждой дамѣ,

Хоть бы лобъ ея высокій
Мнѣ напомнилъ лобъ Шекспира...
Нѣтъ, изъ женщины подобной
Я не сдѣлаю кумира.

* *
*

Пролетаютъ предо мною
Чаще образы иные:
Нашихъ барышенъ славянскихъ
Наши образы земные.

* *
*

Я влюбленъ во всѣхъ ихъ разомъ
Или въ каждую особо,
И къ любви моей нисколько
Не примѣшивалась злоба.

* *
*

Такъ порой люблю я фрески,
Нимфъ воздушныхъ на картинѣ,
Иль изящныя виньетки...
Ну, хоть въ «Модномъ Магазинѣ».

* *
*

Такъ и васъ любилъ я, Мери,
И пишу о томъ сказанье,
Чтобъ о васъ по крайней мѣрѣ
Сохранилося преданье.

* *
*

Мнѣ являлись вы три раза,
Какъ звѣзда на небѣ хмуромъ,
То женою, то невѣстой,
То ребенкомъ бѣлокурымъ.

Мнѣ являлись вы три раза
Въ три различныя годины,
И теперь встаютъ невольно
Предо мною три картины.

---

I.

Подъ семейнымъ вашимъ кровомъ
Въ душной, сонной атмосферѣ,
Гдѣ завяло ваше дѣтство,
Какъ теперь васъ вижу, Мери.

* *
*

Въ благороднѣйшемъ семействѣ
Ваше дѣтство пролетало:
Вашъ папа́ — былъ вѣчно занятъ,
А мамаша — все хворала.

* *
*

У maman болѣли зубы,
Постоянно ныли, ныли;
У papa, напротивъ, зубы,
Точно тумбы, крѣпки были.

* *
*

Препочтенная семейка!
Не встрѣчалъ семьи я краше:
Превосходнѣйшій родитель,
Превосходная мамаша!

* *
*

Очень важенъ былъ родитель,
(И по чину былъ высокъ онъ)
А maman всегда слѣдила,
Чтобы пыль сметали съ оконъ,

У папаши въ кабинетѣ
Дѣловыхъ людей фигуры;
У maman въ ея *угольной* —
Сигнатурки и микстуры.

**
*

У папаши въ кабинетѣ
Старичковъ чиновныхъ мины;
У мамаши въ будуарѣ —
Корифеи медицины.

**
*

У папаши въ кабинетѣ
Резолюціи, отмѣтки;
Въ будуарѣ у мамаши —
Попугай въ изящной клѣткѣ.

**
*

Рядъ огромныхъ, длинныхъ комнатъ;
Ихъ зовутъ у насъ *покои*.
Въ нихъ, дѣйствительно, мы вспомнимъ
О классическомъ покоѣ,

**
*

Гдѣ все дремлетъ въ сладкой лѣни
Буржуазнаго довольства,
Очень маленькаго счастья
И большого хлѣбосольства,

**
*

Гдѣ всѣ вещи — отъ дивана
До массивной лампы въ залѣ —
Лица мертвыя хозяевъ
Всѣмъ собой напоминали.

Изъ покоевъ этихъ мрачныхъ
Въ жизнь закрыты были двери;
А межъ тѣмъ въ нихъ жилъ ребенокъ,
И ребенокъ этотъ — Мери.

***

Здѣсь давилось дѣтство Мери
Подъ наружнымъ, внѣшнимъ лоскомъ;
Такъ полы, чтобы блестѣли,
Натираютъ въ домѣ воскомъ.

***

Неприлично, неприлично!
Роковое слово это
Въ ней сжимало всѣ движенья,
Какъ пружинами корсета.

***

Неподсказанныя чувства
Съ свѣтлой радостью, съ кручиной,
Затирались по-немногу
Одуряющей рутиной.

***

Безъ боренья, шагъ за шагомъ,
Въ сердцѣ юность увядала
Въ школѣ пошлаго присмотра,
Безъ любви, безъ идеала.

***

Дочь съ отцомъ встрѣчалась рѣдко,
Цѣловала ручки мамы,
По утрамъ съ старухой нѣмкой
Разбирать садилась гаммы.

За успѣхи въ этихъ гаммахъ
Нѣмка старая въ награду
Вмѣстѣ съ дѣвочкой ходила
По Таврическому саду;

***

Но при этомъ очень строго
Ученицѣ наказала,
Чтобъ, съ дѣтьми чужими встрѣтясь,
Съ ними вовсе не играла.

***

Съ педагогомъ изъ Марселя
Мери (въ томъ была вся сила)
О неправильныхъ глаголахъ
Очень правильно судила.

***

На обѣдахъ званыхъ Мери
Повторяла слово въ слово
Замѣчательныя басни
Лафонтена и Крылова.

***

На обѣдахъ званыхъ Мери,
Сидя съ тощей нѣмкой рядомъ,
Дѣтскій возрастъ не посмѣла
Обличить единымъ взглядомъ;

***

Хоть, порой, вопросовъ много
Шевелилось въ груди дѣтской,
Но она не прерывала
Разговоръ пустой и свѣтскій.

И молчала постоянно,
Въ позѣ скромной и приличной,
Понемногу принимая -
Образъ барышни столичной.

**
*

Въ этой сонной атмосферѣ,
Въ этой вѣчной дрейсировкѣ,
Привыкаетъ умъ къ діетѣ,
Сердце къ стянутой шнуровкѣ.

**
*

Мери кротко выносила
Иго нравственнаго штиля
И читала Робинзона
Или томъ Дюмонъ-Дервиля

**
*

О какихъ-то дикихъ людяхъ;
Но она не догадалась,
Что въ своемъ семействѣ часто
Съ дикимъ обществомъ встрѣчалась.

**
*

Всѣ они на столько жь дики,
(Мери! это-ль утаите?)
Какъ служители Бохвани
Иль дикарки Отаити.

**
*

Такъ мелькнуло это дѣтство,
Пробѣжали быстро годы;
Вашъ практическій родитель
Утроилъ свои доходы.

Наполнялись часто полки
Несгараемаго шкапа,
А maman лѣчилась также
Подъ охраной эскулапа,

**
*

И ворча, — права болѣзни, —
За порядкомъ наблюдала
И четыре раза въ сутки
Мери къ ручкѣ допускала.

---

II.

Тотъ же домъ, покои тѣ же,
Также, маменьку пугая,
Раздается въ пышной клѣткѣ
Дикій хохотъ попугая.

**
*

Онъ кричитъ теперь, какъ прежде:
«Попку въ оперу вези ты!»
Тѣ же званые обѣды,
Тѣ-же доктора визиты.

**
*

Но могу-ль узнать васъ, Мери?
Прежней дѣвочки нѣтъ въ «классной»,
Не узнаю я ребенка
Въ этой барышнѣ прекрасной.

**
*

Дивный бюстъ, а плечи, плечи...
Геніально платье сшито!
Нѣтъ души въ васъ, но въ модисткѣ
Сколько, Господи, души-то!...

Я влюбленъ въ модистку вашу.
Гдѣ же адресъ той модистки?
Слышу — шепчутъ ваши губки:
Какъ его желанья низки!...

***

И невольно я теряюсь
Отъ презрительнаго жеста,
Жеста грознаго, съ которымъ
Отвѣчала мнѣ невѣста.

***

Да, невѣста! Васъ я встрѣтилъ
Въ эти дни на *первомъ* балѣ,
Гдѣ, явившись въ полномъ блескѣ,
По паркету вы летали.

***

Первый балъ и первый выѣздъ
Есть событье для дѣвицы:
Онъ ей грезится въ мечтаньяхъ
Чѣмъ-то въ родѣ небылицы.

***

Первый балъ — есть та же школа,
Гдѣ всѣ учатся отлично
Послѣ лжи подъ отчимъ кровомъ
Лгать съ достоинствомъ публично;

***

Лгать улыбками, нарядомъ,
Фразой мертвой, ледяною,
Накладными волосами
И любовью накладною.

Въ этой лжи есть упоенье
И высокое искусство.
Нарумяненыя щеки,
Нарумяненыя чувства...

***

Сѣти хитраго обмана
И заботы о карьерѣ...
Въ этомъ мірѣ безъ соперницъ
Вы царили долго, Мери.

***

Драгоцѣнныя каменья,
Видъ повсюду неизмѣнный,
И въ груди — не сердце — камень,
То же камень драгоцѣнный.

***

Ваша ловкая модистка,
Одѣвая васъ предъ баломъ
(Я опять о ней припомнилъ,
Хоть рискую быть нахаломъ),

***

Замѣчала, чуть не плачемъ,
Какъ бѣдно она одѣта
Возлѣ васъ, въ роскошномъ платьѣ,
Возлѣ бальнаго букета.

***

Но минута — и веселье
Вновь явилось въ свѣтломъ взглядѣ.
Шепчетъ дѣвушка: «*ему* я
Вѣдь мила въ своемъ нарядѣ!»

И торопится бѣдняжка,
Быстро двигаются руки,
Ей мерещится ужь вечеръ,
Поцѣлуевъ робкихъ звуки,

***

И минутное свиданье
У сосѣда, возлѣ двери...
Ахъ, такихъ волненій въ жизни
Не испытывать вамъ, Мери.

***

Вы ни въ чемъ, — и слава Богу, —
Не похожи на модистку
И покажете мамашѣ
Вы любовную записку.

***

Появляясь равнодушно
На парадномъ, пышномъ балѣ,
Вы межъ фраковъ и мундировъ
Никого не отличали,

***

Не испытывали въ жизни
Трепетъ страсти, трепетъ сладкій,
И живѣй вашъ пульсъ не бился
Подъ французскою перчаткой.

***

Вы задумались однажды,
Сидя дома у камина,
Удивляясь откровенно:
«Какъ могла бѣжать кузина

Тамъ, съ какимъ-то музыкантомъ?
Какъ понять движенье это?»
И на тотъ вопросъ пустѣйшій
Не могли вы дать отвѣта.

**
*

Лишь холодное презрѣнье
Промелькнуло въ вашемъ взорѣ
И вы думать перестали
О подобномъ мелкомъ вздорѣ.

**
*

А межъ тѣмъ всѣхъ поражали
Ваши глазки, плечи ваши
И орловскаго завода
Кони вашего папаши;

**
*

А межъ тѣмъ всѣ сознавали
Съ тайной завистью, съ тоскою,
Что получатъ рысаковъ тѣхъ
Только съ вашею рукою.

**
*

И не разъ вы многимъ снились,
Какъ прекрасная приманка
Къ капиталу и къ процентамъ
Государственнаго банка;

**
*

Къ капиталу, что положенъ
Тамъ давно на имя ваше —
И во снѣ инымъ казались
Вы еще милѣй и краше.

Въ ложу оперы являясь,
Знали вы, что тамъ, въ партерѣ
Всѣ бинокли обращались,
Всѣ глаза стремились къ Мери.

***

Вы довольны ихъ вниманьемъ,
Холодны и не преклонны
И разсѣянно слѣдите
За руладой примадонны.

---

III.

Надъ столицей зимній вечеръ,
Вечеръ темный и туманный,
Надъ столицей гулъ несется,
Гулъ таинственный и странный.

***

О, когда-бъ я былъ поэтомъ
Эстетической эпохи,
То сказалъ бы: въ этомъ гулѣ
Было все, — людскіе вздохи,

***

Слезы, пѣсни вакханалій,
Свѣтскій лепетъ львицы модной,
Дикій смѣхъ, зубовный скрежетъ,
Стоны бѣдности голодной.

***

Въ годы юности далекой
(А тогда — поэты всѣ мы)
Этотъ гулъ давалъ для пѣсенъ
Мнѣ лирическія темы.

Мнѣ тогда подъ каждой кровлей
Въ часъ, какъ дремлетъ городъ спящій
Представлялся блѣдный образъ,
Образъ женщины скорбящей.

* *
*

И, при встрѣчѣ, часто глядя
На бездушное созданье,
Я въ лицѣ кокетки нервной
Находить умѣлъ страданье...

* *
*

Надъ столицей зимній вечеръ
Гонитъ день съ небесъ упрямо.
Рядъ каретъ стоитъ недвижно
Передъ папертью у храма.

* *
*

Тамъ свѣтло, тамъ блещутъ свѣчи.
Я тогда былъ въ храмѣ этомъ,
Хоть туда гостей на свадьбу
Допускали по билетамъ.

* *
*

Я стоялъ въ огромномъ храмѣ,
У колонны выбравъ мѣсто.
«Се женихъ грядетъ...», явилась
Наконецъ сама невѣста.

* *
*

Грянулъ хоръ; вѣнцы надѣты,
Поздравленій звукъ обычный...
О, вашъ бракъ, повѣрьте Мери,
Названъ «*партіей отличной*».

«Оба молоды, богаты!
Вотъ такъ пара!» шепчутъ гости,
Но никто изъ нихъ не понялъ,
Сколько въ драмѣ этой злости.

*
* *

Даже въ сердцѣ вашемъ, Мери,
Ничего не шевельнулось,
И красивому супругу
Ручка смѣло протянулась.

*
* *

Васъ въ супругѣ не смутили, —
Это ваша-ли забота? —
Лоскъ безсмысленнаго фата,
Граціозность идіота.

*
* *

Не смутило васъ, что рокомъ
Грудь безчувственная эта
Создана лишь для одышки
И для бальнаго жилета.

*
* *

Все равно! Достигли цѣли
Вы безъ всякаго испуга:
Вы богаты, вы свободны,
Вы законная супруга!...

*
* *

Не однѣ вы такъ спѣшите
Къ соблазнительной карьерѣ;
И теперь въ гостиной вашей
Я люблю являться, Мери,

Не затѣмъ, чтобы предъ вами
Быть вторымъ Пигмаліономъ,
Но за тѣмъ, чтобъ любоваться
Вашимъ новымъ селадономъ;

* *
*

Чтобъ слѣдить, съ какимъ искусствомъ,
Чувствъ любви не обнаружа,
Вы ласкаете мальчишекъ
Прямо подъ носомъ у мужа;

* *
*

Чтобъ, садясь за сытный ужинъ, —
Послѣ сплетенъ у камина, —
Ѣсть отличнѣйшія блюда,
Пить отличнѣйшія вина.

---

# VI.

# ПРОКАЗЫ ЧОРТА.

# Проказы чорта

НА

ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

*(Четыре главы изъ юмористической поэмы).*

Все люди, такая тоска; хоть
бы черти для смѣха попадались.
*М. Лермонтовъ.*

---

## ГЛАВА I.

Скажите: видѣли вы чорта?
Каковъ онъ: нѣмецъ иль русакъ?
Что на ногѣ его: ботфорта
Иль камеръ-юнкерскій башмакъ?
*(Изъ стариннаго альманаха.)*

### I.

Хоть образъ бѣса за химеру
Давно призналъ нашъ мудрый вѣкъ,
И навсегда утратилъ вѣру
Въ чертей рогатыхъ человѣкъ,

Я, неподкупленный прогрессомъ,
Никакъ не могъ разстаться съ бѣсомъ,
Съ его рогами и хвостомъ:
Я съ нимъ давно, давно знакомъ.
Могу увѣрить васъ, читатель,
Изъ всѣхъ пріятелей моихъ,
Богатыхъ, бѣдныхъ, добрыхъ, злыхъ,
Мнѣ дьяволъ лучшій былъ пріятель:
Меня онъ тѣшилъ, забавлялъ
И мелкихъ денегъ въ долгъ не бралъ.

II.

Либерализмомъ, геморроемъ,
Какъ всѣ мы, другъ мой не страдалъ,
Для русской повѣсти героемъ
Его никто бы не избралъ.
За то, въ аду, проказы строя,
Бѣсъ такъ прослылъ ужъ за героя,
Что имъ однажды разсерженъ,
Его на свѣтъ швырнулъ Плутонъ.
Прыгнувъ случайно на планету,
Гдѣ много разныхъ есть чудесъ,
Изъ любознательности, бѣсъ
Пустился странствовать по свѣту.
Вотъ въ эти самые года
Я съ нимъ сдружился навсегда.

III.

По свойству дьявольскаго нрава
Мой другъ разсѣялъ много зла,
Себѣ одно присвоивъ право —
Въ людскія путаться дѣла.
Какъ обличитель по природѣ,

Бѣсъ вѣчно странствовалъ въ народѣ,
Свой измѣняя всюду видъ:
Онъ — то на клюшкѣ инвалидъ,
То откупщикъ, то операторъ,
То иностранный инженеръ,
То маклеръ, то акціонеръ,
То полотеръ, то литераторъ,
То по картинкѣ сшитый франтъ,
То съ кругу спившійся талантъ.

## IV.

Считая жизнь пустой шарадой,
Давно разгаданной ужь имъ,
Съ какой-то тайною отрадой
Бѣсъ отравлялъ ее другимъ.
Людей вездѣ сбивая съ толку,
Онъ забавлялся въ тихомолку
Плодами дьявольскихъ проказъ
И наслаждался каждый разъ,
Когда умѣлъ свести интригу,
Взбѣсить оплошнаго врага,
Супругу выростить рога
Иль осмѣять иную книгу;
И сладострастно въ міръ пускалъ
Онъ за скандалами скандалъ.

## V.

Ничѣмъ не занятый ни мало,
Скакнувъ на землю, сатана
Повсюду сѣять сталъ скандала
Одни благія сѣмена.
И если плодъ того посѣва
Мы встрѣтимъ справа и налѣво

От Петербурга и Москвы,
Читатели! узнайте вы: —
Ихъ возрастилъ мой бѣсъ проказникъ;
Ему тотъ день бывалъ не милъ,
Въ который онъ не нашалилъ,
Не задавалъ скандальный праздникъ,
Хоть посреди такихъ забавъ
Онъ предъ людьми и не былъ правъ.

## VI.

Пусть мой разсказъ за небылицу
Сочтете вы, — мнѣ все равно, —
Но въ нашу невскую столицу
Чортъ залетѣлъ не такъ давно.
И если вы не близоруки,
Не отдались аскетамъ въ руки,
И нигилизму не вѣрны —
Смотрите: всюду сатаны
Мы путь таинственный замѣтимъ;
Вездѣ слѣды его когтей,
Дурачествъ, шалостей, затѣй,
Лишь незамѣтныхъ только дѣтямъ;
А нынче даже, говорятъ,
Не скроешь ихъ и отъ ребятъ.

## VII.

Я докажу слова примѣромъ:
Акціонернымъ дѣломъ гордъ,
Всѣхъ обществъ вдругъ акціонеромъ
Спѣшилъ назваться смѣлый чортъ,
И тамъ тотчасъ взялся за шашни:
То въ водоемной нашей башнѣ
Колеса машинъ онъ ломалъ,

То въ «главномъ обществѣ» мѣшалъ
Отчеты, вѣдомости, смѣты,
Французамъ преміи дарилъ
И ихъ на родину пустилъ,
Какъ пострадавшихъ за извѣты,
И вмѣстѣ съ ними промоталъ
Акціонерный капиталъ.

VIII.

Но, утомясь потѣхой этой,
За новый трудъ принялся бѣсъ,
И началъ вверхъ пускать ракетой
Предъ нашимъ обществомъ прогрессъ.
Шумихой фразъ онъ всѣхъ дурачилъ,
Грань обличенія назначилъ,
Изъ-за угла воровъ дразнилъ
И рядъ танцклассовъ вдругъ открылъ.
Весьма забористымъ канканомъ
Камелій невскихъ веселилъ,
У Фюрстъ съ мальчишками шалилъ,
Разбавилъ пиво кукельваномъ,
На рысакахъ народъ топталъ
И откупамъ отставку далъ.

IX.

Чтобъ въ людяхъ духъ окрѣпъ скандала,
Вошелъ въ ихъ бытъ, въ житье-бытье,
Бѣсъ тотчасъ взялъ два-три журнала
Подъ покровительство свое.
Онъ имъ придумалъ направленье,
Писалъ статьи и объявленья,
Самъ выбралъ шрифты и форматъ,
Самъ роздалъ мнѣнья на прокатъ,

И сталъ слѣдить, сложивши руки…
Такъ иногда, подъ старость лѣтъ,
Глядитъ съ лежанки старый дѣдъ,
Какъ вкругъ него играютъ внуки,
И ихъ докучный, рѣзкій крикъ
Съ улыбкой слушаетъ старикъ.

X.

Но отъ журнальнаго сумбура
Самъ чортъ сталъ пасмуренъ и хмуръ,
Самъ чортъ рѣшилъ: литература
Уже хватила черезъ чуръ.
Что дѣлать съ сплетницей такою?..
Потомъ махнувъ на все рукою
И склонный къ перемѣнѣ мѣстъ
Вдругъ приготовился въ отъѣздъ.
Безъ аттестата, безъ паспорта
Онъ въ путь отправился тотчасъ,
И здѣсь-то я начну разсказъ
О путевыхъ проказахъ чорта.
Но остановимся сперва:
Ужь лучше новая глава.

---

## ГЛАВА II.

I.

Организованъ бѣсъ счастливо,
И путешествовать онъ могъ;
И безъ услугъ локомотива,
Паровъ и рельсовъ, и дорогъ

Ему пути открыты всюду...
Поймите-жь дьявола причуду:
Онъ одиночествомъ скучалъ
И путь иной предпочиталъ.
Въ толпѣ людей сословій разныхъ,
Въ толпѣ чиновниковъ, дворянъ,
Сынковъ купеческихъ, мѣщанъ,
Красивыхъ марсовъ и приказныхъ,
Въ толпѣ камелій и повѣсъ
Всегда любилъ таскаться бѣсъ.

II.

Рѣшившись странствовать по свѣту
Въ большой компаніи, спѣшитъ
Мой чортъ, нанявъ себѣ карету,
Купить у Вольфа лучшій гидъ.
Съ путеводителемъ въ карманѣ
Онъ размышляетъ ужь заранѣ,
Куда направить свой полетъ
И гдѣ найти такой народъ,
Гдѣ предразсудки не угасли,
Гдѣ слово съ дѣломъ ходитъ врозь,
Гдѣ все вертится на авось,
Гдѣ-бъ онъ, какъ сыръ валялся въ маслѣ...
Беретъ раздумье сатану:
— Найду-ль такую я страну?

III.

Куда же ѣхать? Въ Римѣ папа,
Туда для чорта путь закрытъ.
И быстро дьявольская лапа
Переворачиваетъ гидъ.
Въ Парижъ? Ему постыла Сена,

Австрійской гнилью пахнетъ Вѣна,
На Темзѣ — биржи, лавки, сплинъ,
И слишкомъ скроменъ ужъ Берлинъ.
На что жъ смѣнить ему Петрополь?
Онъ зналъ, что скоро надоѣстъ
Ему Мадритъ и Бухарестъ,
Неаполь и Константинополь.
Онъ далъ зарокъ: въ тѣ города
Не ѣздить больше никогда.

## IV.

Ужь чортъ нахмурился сердито,
Но вдругъ узналъ со словъ молвы,
Что въ Нижній-Новгородъ открыта
Дорога прямо отъ Москвы.
Хвостомъ ударивъ по карманамъ,
Чортъ крикнулъ: Эврика! Къ славянамъ
Пріязнью старою дыша,
Онъ тутъ же сдѣлалъ антраша
И началъ собираться въ Нижній:
Костюмъ просторный тотчасъ сшилъ
И на дорогу закупилъ —
«Семейство Монсовъ» въ лавкѣ книжной,
Перчатокъ дюжину, портъ-сакъ,
Халатъ и вязаный колпакъ.

## V.

И вотъ, подъ шляпой скрывши рожки,
Хвостомъ обвившися кругомъ
И аккуратно спрятавъ ножки
Подъ самымъ моднымъ сапогомъ,
Мой бѣсъ, въ московскомъ ужь воксалѣ,
Походкой важной ходитъ въ залѣ,

Въ рукѣ съ билетомъ въ первый классъ.
Задумалъ онъ на этотъ разъ
Поѣхать въ классѣ самомъ первомъ,
Гдѣ люди важные одни
Привыкли ѣздить въ наши дни,
Чтобъ дать покой усталымъ нервамъ,
Чтобъ избѣжать ужасныхъ бѣдъ:
Сидѣть съ плебеемъ tête-à-tête.

VI.

Ужь въ третій разъ звонокъ раздался:
Условный знакъ, что въ путь пора;
Въ трубу машины дымъ прорвался,
Бѣгутъ къ мѣстамъ кондукторà,
Толпа стремится въ перегонку,
Кто тащитъ узелъ, кто картонку;
Прощанье, хохотъ, слезы, звонъ,
И всѣ бѣгутъ скорѣй въ вагонъ.
Безъ торопливости мѣщанской,
Небрежно распустивъ свой пледъ
И ловко вставивъ въ глазъ лорнетъ,
Въ зубахъ съ сигарою гаванской
Идетъ нашъ путникъ. «Вамъ куда-съ?»
Кричитъ кондукторъ. — Въ первый классъ.

VII.

Въ углу, на кресло сѣвъ съ комфортомъ,
Спѣшитъ освѣдомиться онъ,
Кого изъ смертныхъ вмѣстѣ съ чортомъ
Судьба свела въ одинъ вагонъ;
И между тѣмъ, какъ изъ воксала
Машина съ громомъ выѣзжала,
Бѣсъ начинаетъ наблюдать,

Съ кѣмъ путь придется коротать.
Но пассажировъ только трое:
Степнякъ, славянской расы цвѣтъ,
Въ селѣ прожившій двадцать лѣтъ,
Былъ не находка для героя.
Потомъ вошла одна изъ дамъ,
Которыхъ встрѣтишь здѣсь и тамъ:

## VIII.

Въ воксалахъ, въ маскарадной ложѣ,
Въ чаду баловъ и пикниковъ,
Въ кругу уставшей молодежи
И не уставшихъ старичковъ;
Ну, словомъ — эти героини
Намъ попадутся всюду нынѣ,
Теперь любой фельетонистъ
О нихъ напишетъ цѣлый листъ.
Потомъ, послѣднимъ пассажиромъ
Былъ прогрессистъ съ бреговъ Невы,
Чиновникъ съ ногъ до головы,
Фразёръ и фатъ подъ вицъ-мундиромъ,
Который взятки бичевалъ,
И былъ, гдѣ можно, либералъ.

## IX.

Въ пути сближаемся мы скоро;
Въ пути флегматикъ и педантъ
Не избѣгаютъ разговора:
Такъ увѣряетъ самъ Жоржъ-Зандъ.
И, вѣренъ принципу такому,
Спѣшитъ къ товарищу степному
Подсѣсть поближе сатана,
Чтобъ изучитъ его сполна.

Плѣнившись черепомъ сосѣдскимъ,
Челомъ высокимъ... въ полвершка
И всей фигурой степняка,
Чортъ съ любопытствомъ, чисто дѣтскимъ,
Остановилъ на немъ свой взглядъ:
— «По всѣмъ примѣтамъ простоватъ!»

X.

Считая мозгъ простымъ баластомъ,
Который счастью лишь мѣшалъ,
Съ людьми въ сближеньѣ очень частомъ,
Бѣсъ больше глупость уважалъ.
Безъ дураковъ, ему казалось,
Земля на-вѣрно бы распалась.
Кто-бъ занялъ видныя мѣста?
Кто-бъ проживался дочиста?
Кто-бъ дѣлалъ глупости, скандалы,
Насъ и смѣшилъ и раздражалъ,
Проекты разные писалъ
Или выписывалъ журналы,
Ихъ не читая никогда?...
Безъ глупыхъ скучно, господа!...

XI.

Замѣтьте: такъ или иначе,
Всѣ къ дуракамъ благоволятъ.
Кому и счастье и удачи?
Чьимъ мнѣньемъ свято дорожатъ?
Кому мы жмемъ съ участьемъ руку?
Съ кѣмъ разгоняемъ нашу скуку?
Съ кѣмъ разсуждаемъ битый часъ?
Отвѣтьте: съ кѣмъ? прошу я васъ.
Средь жолчныхъ умниковъ, въ полъ-глаза

На міръ глядящихъ свысока,
Когда я встрѣчу дурака,
Готовъ обнять его два раза,
И рвется ласка прямо съ губъ:
— Ты мнѣ ужь милъ за то, что глупъ!

XII.

Хотя съ теоріей такою
Герой нашъ жить давно привыкъ,
Но предъ сосѣда головою
Онъ сталъ рѣшительно въ тупикъ.
Напрасно черепъ рѣдкій этотъ,
Припомня френологовъ мéтодъ,
Тихонько щупалъ онъ рукой,
Но видитъ: сметки никакой,
— «Вотъ удивительный феноменъ!
Такихъ нигдѣ я не встрѣчалъ!»
И хоть мой бѣсъ все отвергалъ,
И въ похвалахъ былъ очень скроменъ,
Но степняку онъ честь отдалъ,
И тутъ же мысленно сказалъ:

XIII.

«Блаженъ, кто шелъ — друзья, повѣрьте, —
Всю жизнь спустивши рукава,
Кому ни въ чемъ, до самой смерти
Не помѣшала голова;
Чей черепъ мысль не посѣщала
И ядовито не стращала
Тяжелымъ умственнымъ трудомъ,
И не толкала въ жолтый домъ...
И вотъ субъектъ такого сорта
Сидитъ и смотритъ на меня!»

И тайной зависти змѣя
Зашевелилась въ сердцѣ чорта.
(По старымъ книгамъ, всѣхъ чертей
Заѣла зависть до когтей).

XIV.

«Дурачить умника — отрада,
Но какъ дурачить дурака?
Что съ нимъ мнѣ дѣлать?» и досада
Смутила дьявола слегка.
Но вдругъ въ немъ смолкъ невольный ропотъ;
И онъ придумалъ сдѣлать опытъ,
Еще неслыханный у насъ.
Межъ тѣмъ, какъ русскій Ловеласъ
Плѣнялъ камелію въ каретѣ
И, принимая нѣжный видъ,
Ей напѣвалъ: «Unschuldig Kind,»
Чортъ шутку новую на свѣтѣ
Хотѣлъ дорогой испытать,
И сталъ сосѣда усыплять.

XV.

Сосѣдъ зѣвнулъ, къ стѣнѣ склонился,
И захрапѣлъ въ единый мигъ.
Но этимъ чортъ не усмирился;
Онъ былъ извѣстный прихотникъ:
Его въ вагонъ, въ тюрьму запри хоть,
Онъ и въ тюрьмѣ затѣетъ прихоть,
А тутъ же случай рѣдкій былъ,
И чортъ его не опустилъ.
И вотъ надъ спящимъ, у дивана,
Начать свой опытъ дьяволъ радъ,
И странной формы аппаратъ

Онъ вынимаетъ изъ кармана;
И изъ него же вынулъ онъ
Съ какой-то жидкостью флаконъ.

### XVI.

Онъ вздумалъ, — шутки за частую
Ему случалося играть, —
Сосѣда голову пустую
Отличнымъ мозгомъ спрынцовать,
«Дай разбужу отъ вѣчной спячки!»
И чортъ садится на карачки,
Наводитъ ловко свой насосъ,
И вдругъ, мгновенно, черезъ носъ
Въ сосѣда мозгъ струей пускаетъ.
Степнякъ чихнулъ, приподнялъ бровь
И захрапѣлъ тотчасъ же вновь.
Но бѣсъ сидитъ и наблюдаетъ,
И втайнѣ думаетъ: «теперь
Сталъ, вѣрно, геніемъ мой звѣрь».

### XVII.

Тотъ мозгъ, отличной самой пломбы,
Достался мнѣ отъ мертвеца:
Средь нашей адской катакомбы
Его я взялъ у мудреца.
Что опытъ мой вполнѣ удастся,
Готовъ я тартаромъ поклясться,
И добрымъ сдѣлаться опять....»
И въ нетерпѣніи разъ пять
Онъ степняка толкнулъ копытомъ.
Степнякъ проснулся и встаетъ,
Зѣвнулъ, раскрывъ широко ротъ,
И взглядомъ мутнымъ и сердитымъ

Глядитъ безсмысленно вокругъ.
Тутъ подскочилъ мой адскій другъ.

## XVIII.

«Что съ вами? Вы ужь не больны-ли?»
— Чортъ знаетъ, что теперь со мной:
Мнѣ точно въ черепъ напустили
Какой-то дряни и помой:
Въ затылкѣ — боль, въ вискахъ — ломота,
И спать смертельная охота,
А впрочемъ — завтракать пора:
Я голодъ чувствую съ утра. —
Напрасно искорку хоть смысла
Въ его глазахъ нашъ бѣсъ искалъ:
Сосѣда мозгъ не разбиралъ,
И такъ же тупо онъ и кисло
Глядѣлъ, опухшій весь отъ сна...

## XIX.

«Законъ природы непреложенъ,
Не измѣнить его никакъ:
Къ перерожденью невозможенъ
Такой классическій дуракъ.
И мозгъ, которымъ сильны люди,
Въ моемъ сосѣдѣ, какъ въ посудѣ
Крахмалъ остуженный лежитъ
И... только дразнитъ аппетитъ.
Безсильны разума вериги
Надъ этой крѣпкой головой...»
Тихонько свиснулъ дьяволъ мой,
И на камелію изъ Риги,
Съ лица прогнавши думы слѣдъ,
Онъ вдругъ наводитъ свой лорнетъ.

## ГЛАВА III.

I.

Въ благоухающемъ нарядѣ,
Въ атласъ и шелкъ облечена,
Гуляетъ Берта по эстрадѣ —
(Звалася Бертою она);
Духовъ парижскихъ несся запахъ...
И бѣсъ въ своихъ косматыхъ лапахъ
Почувствовалъ какой-то зудъ;
Но черезъ пять иль шесть минутъ,
На гибкій станъ, на нѣжный профиль,
На выраженье глазокъ тѣхъ,
Просившихъ золота у всѣхъ,
Взглянулъ иначе Мефистофель,
Нахмуривъ свой высокій лобъ:
Онъ былъ немножко филантропъ.

II.

«Погибла ты! Не грустно-ль это?...
Спасу тебя... то рѣшено»...
И онъ припомнилъ стихъ поэта,
Имъ гдѣ-то слышанный давно:
*Когда изъ мрака заблужденья*
*Горячимъ словомъ убѣжденья*
*Я душу падшую извлекъ...*
Припомнить дальше онъ не могъ.
Но мысль поэта въ цѣль попала,
И хоть камелій исправлять
Ужъ чорту вовсе не подъ стать,
Онъ не смутился тѣмъ ни мало,

И между тѣмъ какъ поѣздъ сталъ,
За Бертой кинулся въ воксалъ.

III.

Чортъ былъ до женщинъ очень лакомъ
И волокитства тайну зналъ:
Во мнѣньѣ дамъ въ салонѣ всякомъ
Онъ никогда-бы не упалъ
И не щадилъ — для шутокъ нѣжныхъ
Ни томныхъ дѣвъ, ни вдовъ мятежныхъ;
На душу дьявола легло
Ужъ не одно такое зло.
Встрѣчаясь съ нимъ въ тѣни бульвара,
Робѣла даже молодежь...
Онъ былъ дѣйствительно хорошъ:
У фотографа Робильяра
Теперь виситъ его портретъ.
Мужчинъ красивѣй, право, нѣтъ!

IV.

Въ воксалъ ворвавшись, пассажиры
Спѣшатъ къ обѣденнымъ столамъ,
Лакеи мчатся, какъ зефиры,
И ставятъ блюда здѣсь и тамъ.
Какъ всѣ рѣшительные черти
Нашъ бѣсъ подсѣлъ тотчасъ же къ Бертѣ,
Завелъ бесѣду съ ней легко,
И скоро пѣнное клико
У нихъ въ бокалахъ заиграло,
И ихъ союзъ былъ заключенъ.
Но вотъ звонокъ, опять въ вагонъ
Машина свистомъ призывала...

Бѣгутъ, и съ Бертой у окна
Усѣлся рядомъ сатана.

V.

Съ красивой нѣмкой сидя рядомъ,
Въ интригахъ заторѣвшій бѣсъ
Ей не скучалъ медовымъ взглядомъ,
Въ сентиментальности не лѣзъ;
Не толковалъ о Гёте, Гейне,
Не пѣлъ: Am Rhein, am grünen Rheine,
Затѣмъ, что зналъ прекрасно онъ —
Что Берта кромѣ «фолишонъ»
Иныхъ стиховъ не признавала,
Что въ Бертѣ «заблужденья мракъ»
Разсѣять вдругъ нельзя никакъ
Безъ милой помощи бокала,
Безъ стерлядей, безъ осетровъ
И безъ вакхическихъ пировъ.

VI.

Такихъ наивныхъ, добрыхъ малыхъ,
Какъ чортъ, не зналъ я никогда....
Пока шампанское въ воксалахъ
Лилось для Берты, какъ вода,
Пока на станціяхъ повсюду
Ея капризную причуду
Бѣсъ въ ту-жь минуту исполнялъ,
Онъ все надежды не терялъ.
Сдружившись съ чортомъ понемножку,
Ему сосѣдка то мигнетъ,
То потихоньку руку жметъ,
То на колѣно ставитъ ножку,
То кинетъ долгій, нѣжный взглядъ,
То проситъ порцію цыплятъ.

## VII.

Зародышъ чувства въ милой Бертѣ
Чортъ почему-то замѣчалъ,
Какъ та любить клялась до смерти
Онъ съ наслажденіемъ внималъ;
И даже бѣса утѣшало,
Когда она ему шептала:
— «Купи мнѣ бархатный салопъ,
И буду я любить *по гропъ*».
Гуманный подвигъ Люцифера,
Казалось, близокъ былъ къ концу,
И хоть ни сколько не къ лицу
Была ему въ камелій вѣра,
Онъ гнать спѣшилъ сомнѣнье прочь
И ждалъ, когда наступитъ ночь.

## VIII.

Ночь наступила. Засвѣтились
Огни къ каретахъ. Вкругъ темно,
И только искры заносились
Порой въ вагонное окно.
Всѣ пассажиры спятъ по лавкамъ,
Храпитъ степнякъ на креслѣ мягкомъ,
Въ картинной позѣ франтъ заснулъ,
Не спалъ лишь только Вельзевулъ.
Въ такихъ дѣлахъ не бывши трусомъ,
Склонился къ Бертѣ онъ слегка,
И вдругъ бѣсовская рука
Пропала въ складкахъ подъ бурнусомъ,
И шопотъ слышался не разъ:
Pfui! Pfui!... Ach, Schande... Was ist das?...

## IX.

Знатокъ жеманства и ломанья,
Скривя улыбкою свой ротъ,
Нашъ бѣсъ особаго вниманья
Не обратилъ на шопотъ тотъ.
Ему даны не даромъ рожки,
И волокитства всѣ дорожки
Онъ разгадалъ и изучилъ,
Когда еще въ Парижѣ жилъ.
— Вѣдь безъ прелюдій невозможно!
Натура женщинъ такова,
Что любитъ скромности... слова...
. . . . . . . . . . . . .
Что дѣлалъ дьяволъ мой потомъ —
Молчитъ исторія о томъ.

## X.

Еще во мглѣ небесъ ненастныхъ
Зори не близился восходъ,
Еще въ вагонахъ третьеклассныхъ
Гуртомъ, въ повалку, спалъ народъ,
Еще во снѣ съ суровымъ жестомъ
Степнякъ нашъ бредилъ манифестомъ,
Послѣднимъ съѣздомъ мировымъ,
Послѣднимъ ужиномъ своимъ, —
Ужь чортъ предъ Бертой въ скромной позѣ
Сидѣлъ застегнутъ и смиренъ,
И, рѣчь пуская въ строгій тонъ,
Какъ говорятъ въ журнальной прозѣ,
«Вопросъ рѣшается поднять»,
Хоть Бертѣ только-бъ спать, да спать.

## XI.

Въ стихахъ размѣренныхъ и хилыхъ
(Спѣшу васъ всѣхъ предостеречь)
Я передать вполнѣ не въ силахъ
Его блистательную рѣчь.
И хоть красавица зѣвала
И часто глазки закрывала, —
Вольно же было въ поздній часъ
Ему открыть для лекцій классъ, —
Но я могу теперь дать слово,
Что было имъ говорено
Все убѣдительно, умно
И увлекательно и ново.
Всего запомнить я не могъ,
Лишь только помню эпилогъ.

## XII.

Живописавъ картиннымъ слогомъ
Жизнь честной, любящей жены,
Семейный миръ въ углу убогомъ,
Гражданскій трудъ, иные сны,
Онъ вдругъ признался въ новой сказкѣ.
У Берты сонъ покинулъ глазки
И, молча, слушаетъ она,
Что говоритъ ей сатана:
— «Я, Берта, бѣденъ! (тутъ два *аха*!)
Я не банкиръ, не левъ, не франтъ,
Я — просто бѣдный музыкантъ,
Я музыкантъ въ оркестрѣ Баха.
Мнѣ ложь въ проступокъ не вмѣня,
(Она дрожитъ) прости меня!»

## XIV.

«Сошлись съ тобой на этотъ разъ мы
Не даромъ: будь моей женой!
(У Берты дѣлаются спазмы)
Ты станешь тихо жить со мной
Въ двухъ свѣтлыхъ комнаткахъ на Охтѣ.
(У Берты вдругъ синѣютъ ногти)
Снесемъ мы бѣдность, холодъ, мракъ...
(У ней сжимается кулакъ)
И хоть, порой, какъ объ ледъ рыбамъ
Пришлось намъ биться-бъ... что нужды!
Любовь спасетъ насъ отъ бѣды»...
(На Бертѣ букли встали дыбомъ).
И нѣмку бѣсъ теперь опять,
Какъ часъ назадъ, хотѣлъ обнять.

## XV.

Но здѣсь-то музыканта Баха
Бѣда нежданная ждала:
Вдругъ Берта гнѣвная съ размаха
Ему пощечину дала;
Отбросивъ кудри въ безпорядкѣ,
Всей пятерней своей перчатки
Она въ лицо его впилась:
Въ вагонѣ плюха раздалась.
Ударъ былъ сдѣланъ, просто, прелесть!
Схватившись за щеку, вспрыгнулъ
На полъ-аршина Вельзевулъ,
И у него заныла челюсть,
И онъ сознался, что урокъ
Былъ неожиданъ и жестокъ.

XVI.

Хотя пощечина у бѣса
И не стоитъ въ числѣ обидъ,
Но все-жь, какъ пойманный повѣса,
Онъ испыталъ невольный стыдъ.
Надвинулъ грозно на лобъ шляпу
И, стиснувъ судорожно лапу,
Ворчитъ взбѣшенный сатана:
— «Мнѣ жертва; жертва мнѣ нужна!
Хочу я мстить за этотъ промахъ...
И люди отъ моихъ проказъ
Теперь почешутся не разъ,
Иначе межъ чертей знакомыхъ
Меня безславно осмѣютъ
И въ адъ проходу не дадутъ.

---

## ГЛАВА IV.

I.

На небѣ утромъ ночь смѣнилась,
Вагоны катятся едва,
И взорамъ путниковъ открылась
Гостепріимная Москва.
Ужь Берта взбить успѣла кудри
И, обратясь къ пахучей пудрѣ,
Ужь раскрывала раза три
Въ углу коробку съ poudre de riz.
Степнякъ, нарушивъ сонъ свой мирный
И протеревъ глаза, давно

Смотрѣлъ въ вагонное окно,
Съ улыбкой масляной и жирной.
Конецъ пути всѣхъ веселитъ:
Лишь только чортъ одинъ сердитъ.

II.

У всѣхъ чертей, большихъ и малыхъ,
(Такъ вѣря на слово молвѣ,
Слыхалъ я отъ людей бывалыхъ)
Есть антипатія къ Москвѣ;
И бытъ ея патріархальный
Терпѣть не можетъ чортъ нахальный.
Онъ непремѣнно бъ тамъ зачахъ,
И, какъ салопница, пропахъ
Капустой кислой и грибами;
А онъ подобнаго стыда
Бѣжалъ какъ ладана всегда,
Скрипя неистово зубами
(Такая робость въ сатанѣ
Всегда казалась дикой мнѣ).

III.

Характеръ бѣса не разгаданъ:
Хоть онъ и скептикомъ рожденъ,
Но для него московскій ладанъ
И колокольный мѣдный звонъ
Невыносимы вовсе стали;
И цотому, когда въѣзжали
Вагоны поѣзда въ Москву,
(Мы этимъ начали главу)
Нашъ чортъ, озлобленный не мало,
Вкругъ бросилъ взглядъ, надѣвъ лорнетъ,

Потомъ на плечи вскинулъ пледъ
И быстро вышелъ изъ воксала.
И такъ, съ ломотой въ головѣ —
Онъ очутился вдругъ въ Москвѣ.

## IV.

Въ гостинницѣ, къ воксалу ближней,
Тотчасъ онъ справиться спѣшитъ:
— Когда отходитъ поѣздъ въ Нижній?
«Лишь только вечеромъ». Гнѣвитъ
Такой отвѣтъ ужасно чорта.
— Что-жь дѣлать мнѣ до этихъ поръ-то
Въ столицѣ этой отставной,
Гдѣ все въ разладѣ съ сатаной,
Гдѣ сплетни служатъ всѣмъ приманкой,
Гдѣ очень бани горячи,
Гдѣ только славны москвичи
Своей московскою селянкой,
Гдѣ въ каждомъ домѣ — грязь и лѣнь?...
Что-жь дѣлать здѣсь мнѣ цѣлый день?

## V.

Бѣсъ былъ смущенъ. Въ одномъ отелѣ
Запивъ ростбифъ плохимъ виномъ,
Онъ началъ странствовать безъ цѣли
По бѣлокаменной. Кругомъ,
Уснувъ отъ жирной, сладкой пищи,
Весь городъ нѣмъ былъ, какъ кладбище.
Всѣ шавки уличныя спятъ,
И на прохожихъ не хотятъ
Бросаться сытыя дворняжки.
Лишь только нищій у воротъ

Протяжно лазаря поетъ,
Да дворникъ въ ситцевой рубашкѣ
Уснулъ на лавочкѣ въ углу,
Лѣниво выронивъ метлу.

## VI.

— Какой-же прокъ въ такой прогулкѣ?
Но бѣсъ проказникъ не дремалъ:
Въ глухомъ Армянскомъ переулкѣ
Онъ въ типографію попалъ;
Испортилъ, скорчивъ злую мину
Скоропечатную машину,
И такъ всѣ шрифты перелилъ
И прежній видъ ихъ исказилъ,
Что москвичи не стали болѣ
Ни понимать, ни разбирать
Той типографіи печать
И, получивъ глазныя боли,
Теперь, страдая каждый разъ,
Не отличатъ отъ буки — азъ;

## VII.

Потомъ, безмолвіемъ и спячкой
Нѣмого города взбѣшонъ,
Онъ вздумалъ маленькою качкой
Разшевилить московскій сонъ.
Въ толпу старухъ тупыхъ и праздныхъ
Онъ сотню сплетенъ безобразныхъ,
Хоть здравый смыслъ ихъ не сносилъ,
Съ открытой смѣлостью пустилъ,
И въ тотъ же часъ, съ привычнымъ жаромъ
По телеграфу старыхъ дуръ —

Нелѣпо связанный сумбуръ
Былъ разнесенъ по всѣмъ базарамъ,
По всѣмъ лачужкамъ и домамъ,
По всѣмъ московскимъ головамъ.

## VIII.

Затѣмъ, толкаясь межъ народомъ
(Толкаться въ массахъ онъ любилъ)
Въ Москвѣ нашъ дьяволъ мимоходомъ
Всѣхъ самодуровъ раздразнилъ.
Разстроилъ свадьбы три-четыре,
Гулявшихъ купчиковъ въ трактирѣ
Училъ бить стекла, зеркала,
И напиваться до-зѣла.
Надѣлалъ смутъ въ московскихъ клубахъ,
Двухъ странницъ ввелъ въ великій грѣхъ,
И перессорилъ тутъ же всѣхъ
Купчихъ, красавицъ чернозубыхъ,
Потомъ... но вечеръ наступалъ,
И онъ отправился въ воксалъ.

## IX.

Когда-бъ вы встрѣтили въ воксалѣ
Нижегородскомъ — бѣса, то
Его конечно-бъ не узнали
Вы въ новомъ видѣ ни за что;
По-русски выстриженъ въ кружало,
На франта моднаго закала
Теперь нашъ чортъ не походилъ:
Онъ сталъ — точь въ точь славянофилъ.
На немъ надѣта очень ловко
Тверская шапка на бекрень,

Въ рукѣ — листы газеты «День»,
На плечи вскинута поддёвка,
И навсегда заброшенъ пледъ
И золотой его лорнетъ.

## X.

Вкругъ суета. Открыта касса;
Толкаясь бѣгаетъ народъ,
И вотъ билетъ второго класса
Нашъ чортъ, не думая, беретъ.
(Здѣсь, въ скобкахъ, для иныхъ замѣчу:
Запомнивъ съ милой Бертой встрѣчу —
Чортъ въ первомъ классѣ никогда
Не ѣздилъ больше, господа!)
Звонокъ. «Сейчасъ уйдетъ машина!
Всѣ по мѣстамъ!» — раздался крикъ.
Съ мѣшкомъ торопится мужикъ,
Съ семьей прощается купчина,
И слышны крики, шумъ и гамъ
Кондукторовъ, дѣтей и дамъ.

---

587

# VII.

# ЛИСТКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

## Листки изъ дневника.

I.

**Въ день имянинъ И. А. А—еву.**

Почтить въ день ангела — обычай
Блюдетъ издревле славянинъ,
Иной хоть крендель изъ приличій
Да поднесетъ въ день имянинъ.
И въ этотъ праздникъ — такъ ведется —
Никто до ночи отъ утра,
Надъ срочнымъ дѣломъ не согнется
И не коснется до пера;
И мы теперь, не безъ причины,
Вамъ восхваливъ бездѣлье, лѣнь,
Желаемъ всѣ, чтобъ имянины
У васъ бывали каждый день.

## II.

### Экспормтъ ему же.

Твой политическій письмовникъ
Прочтя, воскликнетъ цѣлый свѣтъ:
— Ты въ литераторахъ — чиновникъ,
А межъ чиновниковъ — поэтъ.

---

## III.

### Къ портрету Н. И. М—кова.

Ты погорѣлъ! Въ томъ нѣтъ бѣды.
Вѣдь въ нашей сторонѣ
Сухимъ ты выйдешь изъ воды,
И не сгоришь въ огнѣ.

---

## IV.

Ужь такая эпидемія
Завелась у насъ престранная:
Хоть родная академія,
А фамильи — иностранныя.
Встрѣтишь нѣмца очень дѣльнаго,
И ученаго французскаго,
Лишь родного, самодѣльнаго

Ни единаго нѣтъ русскаго
Въ часъ урочный засѣданія...
Разсужденія отличныя;
Иностранныя изданія
И труды многоязычныя...
А для насъ они, проказники,
Издаютъ, какъ дань учёную,
Календарь, гдѣ всѣ есть праздники,
Подъ оберткою зеленою.

---

## V.

**Хлѣбному свистуну.**

Что слава? Перелетный дымъ,
Минутный звукъ хвалебныхъ арій!
О ней мы слышать не хотимъ,
А подавай намъ гонораpій!

---

## VI.

Искони твердитъ просодія,
Что связала всѣхъ исторія —
Всѣхъ: съ Кирилла и Меѳодія
До Рачинскаго Григорія.
Дружно связаны столѣтія
Письменами — отъ Туровскаго,
Отъ Смотрицкаго Мелетія
До Василья Тредьяковскаго,

От҄ъ Трилуннаго до Пушкина,
И отъ Пушкина до Шишкина,
Гончарова и Якушкина
И великаго Дудышкина.

---

## VII.

### Я. П. Полонскому.

Отъ поэтовъ, по чувству великихъ,
Всѣ признанья я слушать готовъ:
Не пишите лишь дикихъ стиховъ,
А ужь женщинъ любите, хоть дикихъ.

---

## VIII.

Городъ пышный, городъ бѣдный.
. . . . . . . . . . . .
Все жь люблю его немножко,
Потому что тамъ порой
Ходитъ маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.

*А. Пушкинъ.*

Я отъ ножекъ самъ въ угарѣ,
И за нихъ-то ноетъ грудь:
Вѣдь на нашемъ тротуарѣ
Ихъ легко себѣ свихнуть.

Мнѣ и локонъ милъ безъ мѣры,
Но прочна-ль его краса?
Вѣдь отъ здѣшней атмосферы
Мигомъ лѣзутъ волоса.

---

## IX.

**Къ гусямъ, похитившимъ пшеницу А. Фета.**

О, гуси, гуси! васъ винимъ
И порицаемъ мы за это:
Спасали вы когда-то Римъ,
А раззорили нынче Фета.

---

## X.

**Памяти артистовъ, игравшихъ въ «Доходномъ мѣстѣ» Островскаго.**

Когда вы здѣсь играли вмѣстѣ,
У всѣхъ бродило на устахъ:
Друзья! вѣдь вы въ «Доходномъ мѣстѣ»
Не на своихъ совсѣмъ мѣстахъ.

---

## XI.

**Надпись къ піесѣ: «Было да прошло».**

Прохожіе! забудьте зло
И, успокоясь понемногу,
Скажите здѣсь: о, слава Богу,
Что это *было да прошло!*

---

## XII.

**Къ комедіи г. Дьяченко: «Неровня».**

Не насмѣхайтесь надъ «Неровней»,
Умолкни дерзкая хула:
За то, что было все старо̀ въ ней —
Піеса эта умерла.

---

## XIII.

**Къ драмѣ «Горе-доля».**

Себѣ нашъ авторъ знаетъ цѣну,
И мы нисколько съ нимъ не споримъ:
Отдавъ комедію на сцену,
Ее онъ мѣтко назвалъ *горемъ*.

---

## XIV.

**Къ пьесѣ «Чужая вина» г. Устрялова.**

Эта драма назваться должна,
Чтобъ избѣгнуть скандала не малаго,
Ужь совсѣмъ не «Чужая вина»,
А вина — господина Устрялова.

---

## XV.

**Надпись къ роману г. Боборыкина: «Въ путь-дорогу!»**

«*Въ путь-дорогу!*» — новѣйшій романъ!
Для какой же онъ публики данъ?
Да спасутъ Боборыкина боги:
Сбился онъ и *съ пути*, и *съ дороги*.

---

## XVI.

**Надъ комедіей г. Пальма «Благодѣтель».**

Отцы-ль тургеневскіе, дѣти-ль,
Но всѣ твердятъ; о, calme! о, calme!..
Повѣрь: намъ всѣмъ твой «Благодѣтель»
Крупицы блага не далъ, Пальмъ.

---

## XVII.

**Надъ драмой «Лиза Ѳомина».**

Путники! хоть вы-то
Полноте сердито
Піесу гнать, — она...
Знайте: здѣсь зарыта,
Шиканьемъ убита
«Лиза Ѳомина».

## XVIII.

**Къ комедіи «Быть и слыть».**

Она *была*
Комедіей плохою;
И *прослыла*,
И умерла такою.

## IX.

Среди журнальной кутермы
Едва-ль кого бы поражало
Открытье новаго скандала.
Не удивились даже мы
(Всему дивиться нѣтъ охоты),
Когда-бъ узнали, что въ журналъ
Стелловскій — критику писалъ
А Аполлонъ Григорьевъ — ноты.

## НА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКѢ.

### I.

**Нищіе (г. Гаугера).**

Въ этихъ нищихъ мы напрасно
Бѣдняковъ несчастныхъ ищемъ:
Мнѣ, смотря на нихъ, ужасно
Быть такимъ хотѣлось нищимъ.

---

### II.

**Къ картинѣ «Битая дичь» г. Граверта.**

Здѣсь въ указатель глядѣть не приводится,
Можно здѣсь разомъ постичь,
Что на картинахъ предъ нами находится
*Дичь*, господа, только *дичь*!..

---

### III.

**«Буря», пейзажъ г. Музыченко-Цыбульскаго.**

Глаза внимательно прищуря,
Чтобъ сей пейзажъ вполнѣ понять,
Я восклицалъ: такъ гдѣ же буря?
Въ картинѣ тишь да благодать.

Передъ художникомъ въ лазури
Грозы не видно никакой:
*«А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ бури есть покой»*.

---

## IV.

**Къ «Сценѣ въ саду», П. Соколова.**

Экстазомъ разогрѣтый,
Картинѣ зная цѣну,
Клянусь, предъ *сценой* этой
Готовъ я сдѣлать *сцену*.

---

## V.

**«Голова осла» профессора Швабе.**

Твое произведенье
Какихъ же стоитъ словъ?
— О, скудно вдохновенье,
Творящее... ословъ.

---

## VI.

**«Прощаніе Гектора съ Андромахой», С. Постникова.**

Вздохнулъ я отъ горя немалаго:
Твой Гекторъ похожъ на хожалаго,
Твоя жь Андромаха, — о, Боже! —
Совсѣмъ ни на что не похожа.

## VII.

Къ этюду «Демонъ» (изъ поэмы Лермонтова) А. Литовченко.

Предъ картиной всѣ мы
Громко вопрошали:
— Изъ какой поэмы
«Демона» вы взяли?
Байрона? Мильтона?
Лермонтова? Или
Новаго фасона
Чорта вы открыли;
И несется говоръ:
— Вы довольно ловки —
Чортъ вашъ точно поваръ,
Выпившій *дешовки*.

---

## VIII.

Отелло и Дездемона (картина К. Кёнига).

Ахъ, покорись судьбы закону.
Отелло твой весьма смѣшонъ:
Хотѣлъ зарѣзать Дездемону *)
И лишь *тебя* зарѣзалъ онъ.

---

*) «Отелло» у г. Кёнига убиваетъ Дездемону кинжаломъ.

## IX.

**Къ той же картинѣ.**

Негръ стоитъ; на негрѣ тога
Яркаго вся цвѣта...
Отгадайте, ради Бога,
Что такое это?
Онъ кинжалъ свой поднялъ строго,
Точно выпилъ гдѣ-то...
Отгадайте, ради Бога,
Что такое это?
Дѣва странная немного
Спитъ, полураздѣта...
Отгадайте, ради Бога,
Что такое это?

---

## X.

**Надпись къ виду г. Богданова.**

Въ картинѣ этой люди
Пейзажа ищутъ, но
Пейзажа на этюдѣ
Найти не суждено.
Разгадки не предвидя,
Качая головой,
Художникъ! не къ обидѣ
Твердимъ мы межъ собой:
Иль мы — не въ нашемъ *видѣ*
Иль *видъ* вашъ — самъ не свой.

---

## XI.

**Къ картинѣ г. Крестоносцева.**

Я думалъ, глядя на треножникъ,
Гдѣ помѣщались три этюда:
— Ты только потому *художникъ*,
Что ужь рисуешь очень *худо*.

---

## XII.

**Передъ картинами г. Ждановскаго: «Пастухъ» и «Крестьянка съ ребенкомъ».**

Принявши классиковъ осанку,
Во лжи не чувствуя грѣха,
Одѣлъ ты барыней — крестьянку,
И важнымъ грандомъ — пастуха;
Но, классицизма злой ревнитель,
Ты одного лишь не постигъ:
Ты не *классическій* учитель,
А только *классный* ученикъ.

---

## XIII.

Къ картинѣ Карла Венига: «**Ангелы, возвѣщающіе гибель Содома**».

О, Венигъ! не даромъ ты съ именемъ Карла:
Смотрю на картину — и вижу въ ней карла.

---

## XIV.

**Въ альбомъ Михаилу Бурбонову.**

Топотъ, радостное ржанье,
Стройный эскадронъ,
Трель горниста, колыханье
Вѣющихъ знаменъ,
Пикъ блестящихъ и султановъ;
Сабли на-голо,
И гусаровъ, и улановъ
Гордое чело;
Аммуниція въ порядкѣ,
Отблескъ серебра, —
И маршъ-маршъ во всѣ лопатки,
И ура! ура!. .

## XV.

**Автору листковъ «У камина».**

Ты пишешь: «У камина», —
И то не безъ причинъ:
Листокъ твой хуже сплина
И, право, есть причина
Швырнуть его въ каминъ.

## XVI.

**Нѣкоторымъ книгопродавцамъ.**

Я васъ никакъ донынѣ не постигъ
Да и постичь, ей Богу, нѣтъ надежды:
Вы круглый годъ сидите между книгъ —
И круглый годъ вы круглые невѣжды.

---

## XVII.

**Газетѣ «День».**

«Дню» мадригала лучше нѣтъ:
«Ни *день*, ни ночь, ни му́ракъ, ни свѣтъ».

---

## XVIII.

На всѣ изданья сѣтуя
На невскомъ берегу,
Столичную газету я
Взять въ руки не могу.
Скворцовы, Аскоченскіе,
Какихъ именъ тамъ нѣтъ...
Газеты же губернскія
Милѣй мнѣ всѣхъ газетъ!
Есть сила черноземная
На сѣрыхъ ихъ столбцахъ,

Вся Русь проснулась темная
Въ невѣдомыхъ творцахъ.
Извѣстія смѣняются,
Какъ фокусы Боско,
И слезы проливаются,
И такъ легко, легко...

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Изъ книгъ
А.В. Кокорева

I

# ОГЛАВЛЕНІЕ.

## ДУМЫ И ПѢСНИ

Д. Д. МИНАЕВА.

### I.

### ДУМЫ И ПѢСНИ.

*стран.*

Доля (Деревенская идиллія) . . . . . 1
Сатиры Ювенала. I. . . . . . 8
Сатиры Ювенала. II. . . . . . 15
Мелодія . . . . . 20
Еврейская мелодія *(Изъ Байрона)* . . . . . 22
Пѣсня Чайльдъ-Гарольда *(Изъ Байрона)* . . . . . 23
Немезида *(Изъ Барбье)* . . . . . 27
Лунатикъ . . . . . 28
Изъ Бустана Саади . . . . . 33
Изъ Гафиза . . . . . 32
Мотивы Гейнс . . . . . 37
Изъ Виктора Гюго . . . . . 44

### II.

### МАРІОНЪ ДЕ-ЛОРМЪ.

Тайное свиданіе . . . . . 49

### III.

**Манфредъ.** Драматическая поэма *Лорда Байрона* . . . . . 79

IV.

страп.
**Беппо**. Венеціанская повѣсть *Лорда Байрона*. . . . . . . . . . 153

---

V.

**Тангейзеръ** *(Поэма Гейне.)* . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 199

---

## ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ОБЛИЧИТЕЛЬНАГО ПОЭТА.

---

I.

### ПѢСНИ ПРОГРЕССА.

Отцы или дѣти? *Параллель* . . . . . . . . . . . . . . . . 211
Вопросъ *(Дума.)* . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 214
Послѣдніе Славянофилы. *(Еще свѣжее преданіе.)* . . . . . . . . 218
Московская элегія *(Мотивъ изъ Русскаго Вѣстника)* . . . . . . 219
Колыбельная пѣсня женщинамъ . . . . . . . . . . . . . . . . 224
Мудрый совѣтъ *(Подраженіе М. П. Погодину)*. . . . . . . . . . 227
Нашествіе свистопляски *(Легенда XIX ст.)* . . . . . . . . . . 231
Московскій турниръ . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 234
Фанты *(Современная элегія.)* . . . . . . . . . . . . . . . . 239
Праздная суета *(Переводъ съ французскаго)* . . . . . . . . . . 243
Юбилейная пѣсня *(Маститому стихотворцу)* . . . . . . . . . . 248
Спичъ фетишистамъ *(Импровизація въ стихахъ)* . . . . . . . . 250
Опытъ всемірной корреспонденціи . . . . . . . . . . . . . . . 254
Дома *(Подражаніе кн. Вяземскому)* . . . . . . . . . . . . . . 259
Призваніе Льва Камбека въ Новгородъ. . . . . . . . . . . . . 261
Вышневолоцкій рыцарь . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 266
Передъ садомъ Россійской словесности . . . . . . . . . . . . 269
Открытіе. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 272
На всемірной выставкѣ *(Эскизы)*. . . . . . . . . . . . . . . 274
Московскія пѣсни . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 280
Москва. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 285
Сцена въ литературномъ агентствѣ . . . . . . . . . . . . . . 288
Изъ акціонерныхъ хроникъ Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ. 292
Изъ акціонерныхъ хроникъ Общества водопроводовъ. . . . . . . 296
Патріотическая пѣсня. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 300
Безпріютная тѣнь. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 302

*стран.*

О... къ провинціямъ *(Отрывокъ)* . . . . . . . . . . . . . . . 306
О... научной жажды млѣя . . . . . . . . . . . . . . . . . . 309
Праздничная дума. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 311


---

## II.
## РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.


Весенняя пѣсня. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 317
Свадьба *(Лѣтняя сцена съ натуры)* . . . . . . . . . . . . 319
Домашній очагъ *(Мотивъ изъ Дюпона)*. . . . . . . . . . . . 323
Новый поцѣлуй *(Элегія)* . . . . . . . . . . . . . . . . . 327
...нскія пѣсни *(Переводъ съ нѣмецкаго)* . . . . . . . . . 329
Н..щій . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 332
Голосъ изъ могилы . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 334
Юмористамъ . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 336
Просьба пансіонерокъ . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 338
Грозный актъ . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 340
Въ вагонѣ *(Отрывокъ)* . . . . . . . . . . . . . . . . . . 343
Фр..ина *(Двѣ фрески)*. . . . . . . . . . . . . . . . . . . 246
Донъ Кихотъ и невская Дульцинея. . . . . . . . . . . . . . 350
Изъ Москвы въ Петербургъ *(Параллель)*. . . . . . . . . . . 352
Исторія одного пальто *(Стихотвореніе анонима)* . . . . . . 356
Хлопецъ и его дѣти. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 359
Совѣтъ публики. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 363
Египетское утро *(Концертъ 26 марта 1861 г.)*. . . . . . . 364
Глава изъ свѣтской поэмы. *(Во вкусѣ новѣйшихъ салонныхъ романистовъ)*. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 368
Листки изъ альбома свѣтскаго человѣка . . . . . . . . . . 372
Голосъ изъ захолустья *(Стихи, отданные городничему)* . . . 377
Мирный уголокъ . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 379


---

## III.
## ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВАРЬЯЦІИ.


Лирическія пѣсни съ гражданскимъ отливомъ . . . . . . . . . 383
Лирическія пѣсни безъ гражданскаго отлива. . . . . . . . . 388
Дайте мнѣ женщину, женщину дикую. . . . . . . . . . . . . 392
Милая дѣвушка. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 394
* * * *(Подражаніе Кн. Вяземскому)* . . . . . . . . . . 396
Надъ трупомъ. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 398
Еврейская мелодія. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 400
Весенняя пѣсня. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 401
Подбоченясь, ходитъ мѣсяцъ . . . . . . . . . . . . . . . . 403

стр

demъ мы лѣсомъ . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 4
оспода! Вы только Донъ Кихоты . . . . . . . . . . . . . . 4
уку! . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .
есною. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .
ъ альбомъ русской барынѣ. . . . . . . . . . . . . . . . .
подъ тѣнью склонился березы . . . . . . . . . . . . . .
пыты. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

IV.

СЦЕНЫ.

'ише ѣдешь, дальше будешь *(Фантастическая комедія-пословица въ трехъ сценахъ)* . . . . . . . . . . . . . . . .
Смертъ Майкова . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .
Іа Кузнецкомъ мосту *(Сцена изъ московскихъ нравовъ.)* . .
Кенщина передъ лицомъ русскаго прогресса *(Фантазія, взятая изъ дѣйствительности)* . . . . . . . . . . . . . .
Таинственное видѣніе А. А. Краевскаго . . . . . . . . .
Лосквичи на лекціи философіи *(Шутка-водевиль въ ... сценѣ)* . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .
Іитературные ополченцы *(Опытъ эпической поэмы)* . . . .
Домашняя расправа *(Сцена въ стихахъ)* . . . . . . . . . .
Тѣни стараго года (1861 г.) . . . . . . . . . . . . . . .
За! знакомыя все лица! *(Новогоднія сцены)*. . . . . . . .

V.

СТАРАЯ СКАЗКА.

Прелюдія. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .
Старая сказка. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

VI.

ПРОКАЗЫ ЧОРТА.

Проказы чорта на желѣзной дорогѣ. *(Четыре главы изъ юмористической поэмы)* . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 5

VII.

**Листки изъ дневника** . . . . . . . . . . . . . . . . . 58

SWERK
laus
IGSWERK
UINGE

стр.
демъ мы лѣсомъ . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 4
осподa! Вы только Донъ Кихоты . . . . . . . . . . . . 4
уку! . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .
есною. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 409
ъ альбомъ русской барынѣ. . . . . . . . . . . . . . 410
подъ тѣнью склонился березы . . . . . . . . . . . . 413
пыты. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . 416

---

## IV.

## СЦЕНЫ.

'ише ѣдешь, дальше будешь (*Фантастическая комедія-пословица въ трехъ сценахъ*) . . . . . . . . . . . . . . . 437
;мертъ Майкова . . . . . . . . . . . . . . . . . . .
Іа Кузнецкомъ мосту (*Сцена изъ московскихъ нравовъ.*) . . . 451
Кенщина передъ лицомъ русскаго прогресса (*Фантазія, взятая изъ дѣйствительности*) . . . . . . . . . . . . .
'аинственное видѣніе А. А. Краевскаго . . . . . . . .
Лосквичи на лекціи философіи (*Шутка-водевиль въ . . . сценъ*) . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .
Іитературные ополченцы (*Опытъ эпической поэмы*) . . . .
Домашняя расправа (*Сцена въ стихахъ*) . . . . . . . .
Гѣни стараго года (1861 г.) . . . . . . . . . . . . .
За! знакомыя все лица! (*Новогоднія сцены*). . . . . . .

---

## V.

## СТАРАЯ СКАЗКА.

Прелюдія. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .
Старая сказка. . . . . . . . . . . . . . . . . . . .

---

## VI.

## ПРОКАЗЫ ЧОРТА.

Проказы чорта на желѣзной дорогѣ. (*Четыре главы изъ юмористической поэмы*) . . . . . . . . . . . . . . . . . . 5

---

## VII.

**Листки изъ дневника** . . . . . . . . . . . . . . . . . 58

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Minaev, Dmitrij D.,

Dumy i pěsni D. D. Minaeva i jumorističeskija stichotvorenija obličitel'
nago poėta <temnago čelověka>

Bd.: 2

Sanktpeterburg 1864

P.o.russ. 90 u-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610183-6